Летит стальная эскадрилья

Григорий Устинович Дольников

SHOUT
SHARE
IT

- Дольников Григорий Устинович
  - ○

Дольников Григорий Устинович Летит стальная эскадрилья

Дольников Григорий Устинович
Летит стальная эскадрилья
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик СССР генерал-полковник авиации Григорий Устинович Дольников всю свою жизнь связал с авиацией. В книге он рассказывает о мужественных людях, с которыми его свела судьба, о боевых делах летчиков-истребителей 100-го гвардейского авиаполка.

Содержание

Схватка над рекой Молочной
"Белый аист летит..."
Летная школа
Война народная
В небе Кубани
Огненные рубежи
Плен
В родном полку
И снова бой...
На земле врага
Назавтра после войны
Примечания

Схватка над рекой Молочной

Быстротечны годы... Сейчас, в октябре жизненного срока, рядом со мной нет многих из тех, кто был в его апреле, и начинаешь разбираться: как да что, почему было то, а не это... И невольно замечаешь, что вся жизнь делится надвое: так - до войны, а этак - после. Многое из того, что было после войны, забывается, теряет четкость очертаний. Особенно - что в прошлом году, прошлым летом. Но вот события, происшедшие без малого сорок лет назад, кажутся вчерашними. И задаешь себе вопрос: неужели все это было, неужели все это можно пережить?

Да; было. Выходит, что можно...

Памятью возвращаясь на огненную полосу нашей жизни, на линию фронта, которая пролегла не столько через поля и леса, сколько через души и сердца людей, вспоминаю - нет, помню! - тот осенний сентябрьский день сорок третьего, тот боевой вылет и воздушный бой над рекой со сказочным названием Молочная...

* * *

"Ни одна фашистская бомба не должна упасть на наши войска. Драться до последнего. Если потребует обстановка - таранить, но враг не должен пройти" такие указания мы получили от командира эскадрильи Героя Советского Союза старшего лейтенанта Николая Лавицкого 30 сентября 1943 года перед очередным боевым вылетом на прикрытие наших войск в районе Большого Токмака.

Перед тем как скомандовать "По самолетам!", Лавицкий уточнил состав вылетающей группы:

- Моим ведомым полетит Дольников, слева - пара Сапьяна, справа - Кшиквы. Разойдись...

И мы торопясь пошли к самолетам.

Как всегда, техник старшина Петров доложил о готовности машины к вылету. Рядом с Петровым стояли мотористка Клава Верещагина и оружейница Тося Ерохина. Девчата, как и Иван Петров, хорошо знали свое дело - летчики доверяли им. А я, помимо основной работы, всякий раз просил их до блеска чистить перед вылетом фонарь кабины.

"Закончится война - обзаведетесь хозяйством, а у хорошей хозяйки первым делом окна в порядке", - пошутил я как-то. И девчата старались. Но вовсе не для шика нужен был мне этот сверкающий фонарь: едва заметное пятнышко на нем, какая-нибудь точка могли в бою ввести в заблуждение, показаться самолетом. А такие ошибки обходились дорого.

В тот раз фонарь сиял по-особому празднично - не придраться самому требовательному, и я, устроившись в кабине истребителя, подал команду на запуск.

- Подождите, командир, - потянулась ко мне Клава Верещагина. - Вот платочек, постирала вам...

Такие мелкие услуги на войне девчата оказывали нам нередко. Но после команды на запуск мне было уже не до платочков. Едва мотор начинал работать, мои чувства, нервы, внимание, словно по команде, отключались от всего земного, и я невольно жил ожиданием боя.

Взлетели и собрались быстро. День был солнечный, ясный. Набрав высоту в заданном районе, Лавицкий доложил на землю:

- Прибыл работать. Прошу информацию.

На войне как на войне. Изо дня в день совершалась эта ее трудная работа. И счет времени мы вели не по календарю, а по боевым вылетам.

После запроса нашего комэска я услышал в наушниках, что противник подходит с запада, и настроился на бой. А Коля Лавицкий только передал нам:

- Усилить осмотрительность. Подготовить оружие...

В воздушном бою увидеть противника первым - это половина победы. Я, признаться, в двадцать-то лет глазастым был, и меня охотно брали к себе ведомым опытные бойцы. Впрочем, некоторый опыт накопился и у меня. В тот день я вылетал на боевое задание пятьдесят шестой раз.

Когда на западе по горизонту обнаружил черные точки, по радио оповестил всех. И вот точки растут... Уже различаю силуэты гитлеровских самолетов. Их очень много. .. Пытаюсь подсчитать: десять... тринадцать... шестнадцать... Заметили гитлеровцев и остальные. Как всегда перед большим боем, в радиообмене некоторая нервозность. Но дело делается. Развернулись противнику в лобовую. У нас преимущество в высоте, а значит, и в скорости. Только вот слишком многовато фашистов. Жарко будет.

Уже ясно вижу: идут "лаптежники". Так мы называли самолеты Ю-87 - лучшие немецкие штурмовики. А "мессершмитты" окрестили "худыми" за их тонкий, будто отощавший волчий живот, фюзеляж. Ме-109 вообще-то были неплохие машины. Как истребители прикрытия они постоянно ходили с "юнкерсами". Но тут что-то не просматривались, и Лавицкий предупредил:

- Горачий, не прозевай "худых"! - Горачий - это был мой позывной. Закрепился не случайно: многие еще слова у меня получались по-белорусски.

В атаку пошли всей шестеркой: противника надо ошеломить сразу, перепутать его строй, разогнать - тогда и работать веселей. Сближаемся. Стрелки с "юнкерсов" не выдерживают, открывают по нас огонь. Дистанция велика - не попадут. Еще несколько секунд, еще... Фашисты сдают: несколько "лаптей" оставляют строй и уходят. И все-таки их много против нашей шестерки. Вокруг, словно на кладбище, одни кресты...

Лавицкий уже нацелился на ведущего группы. Тот, видно, понял его замысел заюлил. Но комэск наш двух атак по одному самолету не делает.

- Бери ведомого... - только передал он мне, и тотчас ведущий "юнкерс" от длинной и точной его очереди как-то сразу сник, закачался и, объятый пламенем, камнем пошел вниз.

Нажал гашетку и я. "Лапоть" летит. Одна очередь, другая... Эх, какая же охватила досада, когда едва не перед самым носом "юнкерс" мелькнул крестами и ушел от меня глубоким переворотом!

Ищу Лавицкого. Тот наблюдал за мной и передал, чтоб работал по ведущему следующей группы.

- Да бей ближе!

Бой нарастал. Сбиты уже три гитлеровские машины. Разговоров стало меньше идет работа. Иногда только раздается знакомый голос:

- Валька, внимательней! Сзади!

- Готов, гад!..

Появились "мессершмитты". И вот в напряжении схватки послышалось:

- Женьку подожгли, сволочи. Прыгай, Женя, прыгай!

Женя Денисов - мой хороший друг. Перед вылетом мы дулись с ним в "козла" и не доиграли спорную партию. Невольно пробежала тревога: неужели убит?

Атакую ведущего очередной группы. Стало труднее: "худые" прикрывают своих. 500... 400 метров... Стрелок строчит, не жалея снарядов. С 200 метров даю по нему очередь - он замолкает. Следующая очередь - "юнкерс" задымил, но продолжает лететь. Надо добить. Жму на гашетку - и вдруг...

Как часто мне придется перебивать воспоминания этим неожиданным "вдруг"! Впрочем, ведь и вся наша жизнь то и дело прерывается случайностями. А тогда у меня замерли пушки. Я перезарядил их для убедительности - тишина. "Юнкерс" же, плавно развернувшись, пошел на запад. Ну разве можно было упустить!..

И я гонюсь за дымящимся шлейфом. Таранить! Пристраиваюсь снизу, совсем близко. Рассмотрел даже стрелка, уткнувшегося головой в прицел: значит, готов. Оставалось поддернуть самолет - рубануть винтом по стабилизатору. И вот уже беру ручку на себя, жду удара... Но машина вздрогнула всем корпусом, вздыбилась, как сраженный пулей боевой конь, потом, клюнув носом, нырнула вниз.

- Горачий, горишь!.. - слышу голос Лавицкого. И тут же с земли доносится: - Маленькие, молодцы! Продержитесь... - И все смолкло.

Ничего не вижу. Бешено несется по кругу земля. Понял, что в штопоре. Даю рули на вывод - не реагируют. Значит, перебито или уже перегорело управление. Надо быстрее оставлять машину. Огонь уже обжигает руки, лицо, дымится комбинезон. Сбрасываю дверцы кабины и пытаюсь выбраться, но страшная сила вдавливает меня в сиденье. Пока возился в беспорядочно падающей "Кобре", вытяжное кольцо парашюта зацепилось за что-то - купол начал вылезать из-под меня. Еще секунда - и меня словно ветром сдуло. Вылетев из кабины, получил сильный удар. Стало совсем тихо.

Мимо пролетел мой горящий самолет. Чуть в стороне

факелом - второй. И тут вижу, как на глазах растет, ширится плоскостями силуэт "худого". Очередь! Эх, сволочи, расстрелять задумали... "Мессершмитт" проскочил. Надо скорее вниз добьет, гад. И я тяну стропы, глубоким скольжением на полупогашенном парашюте лечу вниз. Земля совсем рядом. Отпускаю спасительные шелковые нити из рук - и снова удар.

Был полный штиль. Парашют накрыл меня своим куполом. Вставать не хотелось. В таком полузабытьи услышал чьи-то грубые окрики, неясную речь и от града ударов, жестких, коротких, бросающих кровь к вискам, пришел в себя. Немцы!

В детстве на кулачках не любил я уступать пацанам-сверстникам. С горячностью кидался при случае против двоих и против троих. А тут меня били враги. Когда один из гитлеровцев сорвал с моей гимнастерки погоны, я наотмашь ударил его. Немец упал. И тогда началось избиение. С автоматами в руках, в шортах, в огромных ботинках, с нечеловеческим оскалом - такими запомнил фашистов на всю жизнь.

Кто-то тяжело ударил сзади. Согнувшись, я лежал на земле и пытался защищать лицо и живот, но гитлеровцы методично били ногами до тех пор, пока в глазах уже потемнело.

Вдруг все разом смолкло. Подъехала машина. Когда из нее вышел офицер, двое дюжих немцев подняли меня, поддерживая под руки.

- Фуз капут?

Все это время после покидания самолета я не замечал, что нога моя разбита. В разных местах ее глубоко впились осколки, стоять было тяжело. Но склониться перед врагом?.. Хочу вытереть пот с лица, а это кровь - из носа, ушей, изо рта...

- Большевик? - спросил подкативший на машине офицер.

- Да.

Немец чему-то усмехнулся:

- Ии-юда?

- Нет. Русский я... - ответил, и тут силы покинули меня.

Держа под руки, куда-то поволокли...

"Белый аист летит..."

Бывали вы в клубе какого-нибудь глухого-преглухого села? В больших городах да столицах, где улицы нарядны и тысячами огней сверкают великолепные здания театров, там разряженная публика слушает оперы Чайковского, Вагнера, Берлиоза, внимает драмам Островского, Шекспира. А у нас, в затерянной в белорусских лесах деревушки Сахаровке, в пору моего детства только-только появилось немое кино. Сколько целомудренной грусти, надежд, воспоминаний в этих словах!

Произошло это памятное моим односельчанам событие в

начале тридцатых годов. Надо сказать, в то время праздников в деревне поубавилось. Троицы, пасхи, разные там престольные торжества ушли в небытие, и если оставалось еще какое волнующее деревенских жителей мероприятие, к которому готовились заранее, продумывали все до мелочей всей семьей, так разве что "кирмаш" выезд на базар. В город мы везли масло, яйца, яблоки, грибы, ягоды, орехи все, что давали нам земля и леса, а в деревню - керосин, разную домашнюю утварь, косы, грабли, спички.

И вот в привычный деревенский лексикон вошло что-то непонятное и таинственное - немое кино. Больше всех осведомленным в значении двух мудрых слов среди сахаровских мальчишек оказался я. Отец мой видел это чудо еще в Петрограде, так что, когда заговорили о появлении в нашем районе кинопередвижки, он, как мог, поведал нам о диковинном зрелище, а я уже пересказывал все своим сверстникам.

Наконец приехал киномеханик. Ничто не ускользнуло в приготовлении к сеансу от детского любопытства: и как развешивал он белое полотно, и как устанавливал на треногу черный аппарат с большими кругами. Помню, туг же рядом уложил металлические банки с лентами и предупредил: "Не курить - взорвемся!" Дед Влас, в чьей хате собрались тогда односельчане, насторожился. Но вдруг загорелся свет, да такой яркий, что бабы закрестились, начали тесниться от экрана подальше. Молодой механик наладил аппаратуру и попросил в помощники себе мужика, который посильнее, "крутить динаму".

Отважился Лазарь. И крутил он ту "динаму" с таким усердием, что лавка вместе с сидевшими на ней ходила ходуном. А скучившиеся зрители, затаив дыхание, следили за дрожащим на полотне допотопным фильмом.

Я помогал механику. Меня, как магнитом, притягивали железные белые банки с черными лентами, у которых был какой-то особый, ни с чем не схожий, тревоживший мальчишечью душу запах. Во всей деревне уже никто отчаянней меня не крутил рукоятку "динамы". Поэтому, когда пришла пора расстаться со школой, решать - учиться дальше или работать, помогать семье, сомнений в Сахаровке ни у кого не было: Гришка Дольников пойдет на киношника.

Учиться, не останавливаясь на школьной программе, не только стать грамотным человеком, но и добиться хорошей рабочей профессии - таково было желание моего отца, его завещание. В семье не стали бы противиться этому: отца уважали при жизни, волю его исполнили бы и после смерти, но документы в Витебский кинотехникум я отправил все-таки втайне от матери.

Не хотелось лишний раз тревожить, расстраивать ее.

А первые мои воспоминания об отце связаны с его рассказами о революционном Петрограде. Солдат, потом рабочий Путиловского завода, Устин Дольников оказался одним из тех счастливых людей, которым довелось решать судьбу России, открывать новую главу ее истории.

В 19-м году отец вернулся в Сахаровку. Здесь крестьяне избрали его председателем сельсовета. Во время коллективизации кулаки не раз стреляли в представителей новой власти из обрезов, запугивали их семьи. Однако колесо истории остановить уже было невозможно.

Когда я подрос, запомнились мне маршруты с отцом по нашим белорусским лесам - в то время он перешел на работу объездчиком лесничества.

...Протяжно завывает за окном сторожки февральский ветер. Весело трещат в печке, растопленной отцом, сухие дрова. А я с замиранием жду: вот раскроет он сейчас книгу, прибавит керосиновой лампой свету, и польется дивный рассказ о том, как в суровом краю белого безмолвия, измученные голодом, ползли человек и волк, как, умирая, человек не сдавался: бросил вызов самой смерти и победил.

Отец любил книги, особенно рассказы Джека Лондона, и эту любовь передавал нам, детям.

Наступил 1936 год. В дружной нашей семье никто, конечно, и не предполагал, что он принесет нам большое горе: косил по белорусским деревням людей неукротимый тиф. Сначала эпидемия унесла любимицу семьи - шестнадцатилетнюю сестру Лиду. А через месяц умер и отец, Устин Савельевич, чья жизнь была образцом не только для нас, детей, но и для многих, кто его знал.

Впервые по-мужски я понял, что за старшего в семье теперь оставаться мне. Возможно, потому и мать, узнав, что пришел вызов из кинотехникума, как ни печалилась, сказала:

- Езжай, сынок, учись. Так хотел твой папа. Знать, не судьба нам быть вместе...

Утром одного дня провожали меня в Витебск всей деревней. Чуточку торжественный, гордый - в город еду, на киношника выучусь, - я шел в отцовских сапогах с высокими каблуками. Младший братишка Володька, с завистью посматривая на меня, помогал нести крепко сбитый деревянный сундучок. Мать уложила в дорогу сало, колбасу, свежеиспеченные домашние булки. Деньги - 68 рублей - она аккуратно завернула в носовой платок я вручила мне, неоднократно инструктируя, где и как их хранить, как расходовать, чтобы хватило до Нового года.

Соседский дед Алексей, бывалый солдат (в империалистическую в плену был, по всей Германии кочевал), напутствовал, как вести себя в большом городе: никому не доверять, рассчитывать только на свою голову. А дядя Яким, наоборот, советовал прислушиваться ко всем и учиться у людей: "Не суши мозги, Гришка. Будь что будет! С богом в путь большой..."

* * *

И вот Витебск. Выйдя из вагона, я сориентировался по надписям на стенах вокзала и стал в хвост очереди - напротив слова "Кассы". Добросовестно простоял больше часа, передвигая за собой деревянный сундучок с харчами. А очередь еще длинная, и кто-то сзади посоветовал:

"Чего маешься, парень? Сдал бы сундук-то в камеру хранения". "Что за камера? Где такая? - прикинул про себя. - Ничего мне дядя Яким не говорил об этом".

Ближе к окошку достал отдельно лежавший рубль. Попросил билет до улицы Дмитрова, где находился мой заветный кинотехникум. Молодая полная кассирша на мгновение оторопела. Потом вдруг высунулась из окошка и закричала:

- Марш отсюда, шпана! Без вас тошно!

В очереди кто-то захихикал. Я отошел в сторонку, недоумевая, чем вызвал гнев и смех. Но тут стоявший неподалеку в старой солдатской гимнастерке человек, разобравшись, в чем дело, объяснил, что билеты для передвижения по городу продаются прямо в трамвае, и показал, где трамвайная остановка. Однако препятствия на пути к кинотехникуму на этом не кончились. Войдя в трамвай с передней площадки, я стал искать кассу, чтобы все-таки купить билет. Ее не оказалось.

Весело бежал по городу красный вагончик с пассажирами, позванивал беззаботно. А в моей голове роились тревожные мысли: "Выходит, еду безбилетным - зайцем. Значит, опять посмеялись надо мной. А ведь, чего доброго, оштрафуют..." "Граждане, кто еще без билета?" - вдруг услышал голос. И тогда, расталкивая стоявших рядом, я радостно кинулся с сундучком куда-то в противоположный угол трамвая.

Подав кондуктору рубль, дважды сообщил ей, что мне ехать надо до улицы Дмитрова. Получил сдачу, пересчитал - все правильно. И все же брали сомнения: "Почему за разные расстояния цена билетов одинакова? Ведь этак можно до вечера кататься!" Рассуждая про себя о странностях городских порядков, я вдруг заметил, что трое парней как-то подозрительно крутятся возле женщины с ридикюлем. Еще мгновение - и вот один из них ловко вытащил из сумочки кошелек, и все трое быстро направились к выходу. "У вас украли..." - только успел сказать я, а

общий шум, крик, негодование пассажиров выразили разве что сопереживание - воришек и след простыл. Горько было мне, что не смог вовремя помочь женщине, однако после драки кулаками не машут.

Через два часа, когда я снова катил трамваем уже в поисках общежития, перед выходом почувствовал вдруг сильный толчок в спину и вместе с сундучком вывалился из вагона на грязную улицу. Место оказалось безлюдное, окружили меня те трое. Дрались недолго: силы были неравные. После тумаков и дележки содержимого моего сундучка получил предупреждение:

- Будь здоров, деревня! Язык прикуси покрепче - длинный он у тебя не в меру.

Целую неделю сдавал экзамены в кинотехникум. Конкурс оказался большой: десять человек на место. Но я не сомневался, что выдержу, - в школе был отличником. И как же удивился, когда не попал в списки зачисленных на учебу!

Неудачники собрались вместе - искали выход, строили планы, по домам не разъезжались. А я? Мог ли я вернуться в деревню? Остался. Спали уже не в общежитии - на вокзале. Деньги на жизнь зарабатывали разгрузкой угля на товарной станции. Здесь как-то случайно прочитал объявление о наборе в Минскую школу ФЗО, где готовили токарей, слесарей, маляров. "Прощай кино. Иду учиться на слесаря!" - решил одним махом и вскоре уже оказался в белорусской столице.

Мы, будущие рабочие вагоноремонтного завода или железнодорожного депо, жили дружно, весело. Все в нашем общежитии сообща. А самые светлые дни получение стипендии да посылок от родных. Специальность свою осваиваем под руководством опытных мастеров, о которых в народе говорят: "Золотые руки". И когда нам доверили отремонтировать самостоятельно двухосный пассажирский вагон пригородного сообщения, радости не было предела. В этот день я наконец сообщил в Сахаровку, что стану не чудо-киномехаником, а рабочим.

Но вот однажды в нашу школу явились два пилота из местного аэроклуба. Как только увидел их - перехватило дыхание. Хромовые, до блеска начищенные - и в гармошку! - сапоги, синяя со звездочкой пилотка и эмблема крыльев на рукаве гимнастерки. А главное, что в этих бравых парнях понравилось больше всего, просто сразило наповал, - кожаный летный реглан!

Пилоты-инструкторы аэроклуба выступали. Выразительно жестикулировали, чтобы нам было понятнее, как летают, сыпали мудреными словами: иммельман, ранверсман, виражи, "мертвая петля"... Словно завороженные сидели фабзайцы, слушая о небе, а

я, признаться, смотрел только на красивую форму летчиков, и поскрипывание их регланов, похоже, тревожило больше самых увлекательных историй.

После беседы летчики пригласили нас наведаться в аэроклуб: мол, если понравится, сможете летать и вы без отрыва от производства.

С этого дня мы потеряли покой. Наши преподаватели-методисты недоумевали: с чего это вдруг все их ученики заговорили не своими голосами - врастяжку и с хрипотцой? Откуда было им догадаться, что добрая половина фабзайцев работают под пилотов из аэроклуба. Я же по ночам летал. Крутил "мертвые петли", пикировал, проваливался в воздушные ямы. Летаешь во сне - говорят, растешь. Так оно, судя по всему, и было. А в решении научиться летать по-настоящему окончательно утвердился после встречи с одной из героинь прославленного экипажа Полины Осипенко - Верой Ломако.

Как-то в один из сентябрьских дней 1938 года, узнав, что в аэроклубе состоится встреча с летчицей-героиней, направился туда и весь вечер опять был под впечатлением от рассказов о мужественной и романтической профессии. Когда встреча закончилась, Вера Ломако направилась к выходу из клуба. Она шутила. В окружении пилотов в непринужденной обстановке героиня показалась мне вполне доступным человеком. И, оказавшись рядом, я несколько своеобразно решил убедиться в этом: в толпе протянул руку к ее новехонькому кожаному реглану и замер. Дотронуться до летного реглана мне удалось, да получилось как-то грубовато. Вера оглянулась, встретилась с моим растерянным взглядом и укоризненно покачала головой. Чуть не провалился я тогда от стыда и смущения. Однако именно эта встреча круто изменила мою судьбу: в тот же день я подал заявление в аэроклуб.

Пройдет немало лет. На 20-летие освобождения Минска правительство и Центральный Комитет Компартии Белоруссии пригласят ветеранов войны, бывалых воздушных бойцов. Приглашение на торжество пришло и мне, командиру авиационного соединения. В гостинице "Беларусь", где мы остановились, в соседнем номере оказались Валентина Гризодубова и Вера Ломако. Конечно, познакомились. Людям одной профессии всегда есть о чем поговорить. А у пилотов на каждом аэродроме найдутся общие знакомые или знакомые их знакомых. И вот тогда, припомнив далекие тридцатые годы, инструкторов минского аэроклуба имени Молокова, я рассказал про свое первое знакомство с Верой. Долго смеялись летчицы над непосредственностью рабочего паренька Гришки Дольникова.

А мне в те памятные годы частенько было не до смеха. Предстояло еще пройти испытание характера, на деле доказать, что готов преодолеть себя. К примеру, среди желающих подняться в небо распространились слухи о строгости отбора медицинской комиссии. Говорили о каких-то ямах, незаметно закрытых, в которые попадаешь неожиданно, идя по коридору. Будто там со всех сторон на тебя налетают врачи и разделывают под орех: давят, щупают, измеряют... Выдерживает такое не каждый - иного будто прямо в яме от страха кондрашка хватает. Когда ребята являлись на комиссию, естественно, волновались, и многие действительно сразу же отправлялись, несолоно хлебавши.

Ну а я, несмотря на высокую требовательность медицины, все-таки прошел все преграды с первого захода и вскоре был зачислен мандатной комиссией в наш аэроклуб, что удостоверила соответствующая справка для предъявления по месту работы. Все по закону, в строгих административно-организационных рамках, хотя речь шла о романтике, о возвышенной стихии пятого океана.

Друзья-однокашники откровенно и по-хорошему завидовали мне: "Везет Гришке!.." А у меня и в самом-то деле все хорошо шло. Учеба в школе ФЗО заканчивалась, по теории и практике при выпуске получил отличные оценки, за что сразу же присвоили высший и редкий для фабзайцев 4-й разряд. За месяц до окончания учебы произошло другое важное для меня событие - приняли в комсомол. От этого прибавилось веры в свои силы, появилось стремление быть полезным обществу, людям. И вот не без гордости за свое рабочее предназначение слесарь-вагонщик Григорий Устинович Дольников явился на завод имени Мясникова. Не было мне тогда и шестнадцати лет.

В рабочем коллективе приняли нас, как старых знакомых, но торжественно и с уважением. Мастер пассажирского цеха Виктор Носов провел по всем цехам, распределил по бригадам. Комитет заводского комсомола предложил создать одну комсомольско-молодежную бригаду слесарей, и, к моему удивлению, бригадиром ее назначили меня.

Откровенно говоря, не все из "стариков" отнеслись к инициативе доброжелательно. "Посмотрим, что получится из этой затеи..." - посмеивались между собой.

А получалось поначалу и в самом-то доле не лучшим образом. Преодолеть неуверенность, справиться с трудностями в работе помогали нам многие рабочие, мастер цеха Виктор Носов, товарищи из комитета комсомола. Через полгода о молодежной бригаде заговорили по-другому. Нас уже хвалили: отмечали в заводской многотиражке, листках-молниях. Я, как бригадир, стал появляться перед народом в президиумах торжественных

собраний, что, конечно, по тем-то годкам головы вскружить не могло.

Запомнилась первая получка. Она оказалась весомой, я в тот же день половину заработанного я отослал матери (знал, что в деревне по этому поводу будет немало разговоров), а вскоре и сам появился в Сахаровке. Что скрывать, вырядился, словно на коронование: новехонький костюм, пикейная рубашка, модные полуботинки и даже галстук с булавкой.

По деревне шел - ног под собой не чувствовал, а брат мой, Володька, от меня ни на шаг не отставал. Радостной была встреча с матерью, односельчанами. И если чего не хватало мне в те дни до полного счастья, то разве что присутствия отца, его добрых рабочих рук...

Первый отпуск пролетел быстро. Опять проводы, слезы и по-особенному тревожащие, мне предназначенные взгляды девчат. В Сахаровке все уже знали, что Гришка Дольников скоро выучится на летчика; всем встречным деревенским я показывал фотоснимок, где был в летной форме. Придраться там было не к чему -и шлемофон с очками настоящий, и комбинезон, который взял у товарища из аэроклуба напрокат, по всем правилам. Одно только не сходилось на снимке с жизнью - не летал я, даже в аэроплане-то ни разу не сидел.

Возможно, потому, чувствуя себя чуточку виноватым перед земляками, по возвращении на завод я с утроенной энергией принялся не только за работу, но и за учебу в аэроклубе. Теоретический курс давался мне легко, по всем авиационным наукам получал отличные и хорошие оценки. Но вот перед летной практикой курсант Дольников исчез из аэроклуба - будто вовсе не учился.

А вышло так, что именно в это время завод получил дополнительное задание по ремонту вагонов. Нашей бригаде как комсомольско-молодежной дали двойной план, и мы целый месяц работали с большим напряжением. Справились, однако, даже на два дня раньше установленного срока. Заводская многотиражка приветствовала новых стахановцев, портреты почти всей бригады вывесили на Доске почета. С премии, по тем временам довольно большой, я купил себе наручные часы, дюжину новых галстуков. А на заводе поговаривали, что дирекция собирается представить передовиков и к награждению орденами.

По молодости я нажимал на ребят: "Дадим, братцы, невиданные проценты!" Агитировать же парней долго не требовалось - все легко, с неподдельным энтузиазмом соглашались работать после смены. И тогда пошли у нас пропуски: у одного - в вечернюю школу, у другого - на свидание.

А я забыл, что надо явиться на аэродром, где ждут полеты.

Однажды, еще задолго до конца рабочего дня, меня вдруг вызвали к директору завода. "Новое срочное задание, и именно нашей бригаде!" - подумал я и в святом творческом волнении, как был под вагоном - в грязной замасленной спецовке, побежал на вызов.

В кабинете за дубовым столом сидел директор. В городе это был известный человек. Среди рабочих он пользовался авторитетом, многие почему-то были твердо уверены, что все блага на заводе исходят от него, а всякие неполадки дело рук начальников цехов да мастеров. По обеим сторонам от директорского стола стояли два огромных кресла. В одном сидел Виктор Носов, в другом -миловидная девушка в летной форме. "Опять, видно, из аэроклуба", - мелькнула догадка. А незнакомка уже шла навстречу и, протянув руку, представилась мне:

- Анна Чекунова, ваш инструктор.

Я невольно обратил внимание на привлекательную внешность летчицы. Небольшого роста, аккуратная, подтянутая, она спокойно, но твердо смотрела мне в глаза, чем еще больше приводила в смущение, улыбалась. Тогда, не зная, куда спрятать грязную ветошь, которой вытирал на ходу руки, я протянул ей для приветствия по-рабочему локоть. И еще больше стушевался.

Выручил Носов. Громко, почти торжественно он отрекомендовал меня:

- Наш лучший бригадир цеха.

Директор завода и мастер единодушно выразили мысль, что с полетами мне можно повременить ("успеет - налетается"), а вот организаторские мои способности,рабочую хватку надо укреплять.

Провожая до проходной завода симпатичного аэроклубовского инструктора, я все же пообещал прийти на аэродром. Несколько огорчило, что полетам будет учить женщина. Как-то не увязывалось представление о суровой стихии неба, о мужественной профессии летчика с образом хотя и симпатичной, судя по всему, настойчивой, решительной, но все-таки слабой половины человечества.

* * *

Аэродром, где мне предстояло впервые уйти в небо и понять, что полеты это навсегда, это судьба, находился километрах в двадцати от Минска. Крохотное летное поле с ромашками, с говорливыми жаворонками. Таких-то по нашей земле сколько насчитаешь! И все же запомнился мне осоавиахимовский аэродром на всю жизнь.

Когда я пришел туда, в группе Чекуновой уже многие учлеты

прошли вывозную программу и летали самостоятельно. Ребята укладывали в свободную вторую кабину мешок с песком для правильной центровки самолета, поочередно деловито, не без гордости занимали место за управлением машины - и летели команды:

- Контакт!

- Есть, контакт.

- От винта!

- Есть, от винта...

Все это было непередаваемо здорово. Захватило сразу и понесло куда-то в неведомое далеко от всех житейских проблем, каких-то там планов, всего того, чем жил до встречи с аэродромом, и разве только легкая тревога еще удерживала на земле, вкрадываясь в сердце сомнением: "А смогу ли я так?"

Однако настал час, и вот он, первый в жизни полет.

Много уже писали о тех ощущениях, об удивительном чувстве подъема, которые испытываешь, покидая землю впервые. И все же передать такое словами трудно. Надо прочувствовать.

И первый запуск мотора - чуточку торопливый, взволнованный: как бы что не отказало, запустился бы поскорее... И первый взлет - радостный, будоражащий: "Сам черт не брат!" И первые развороты, когда выписываешь их, словно буквы в тетрадке с косой линеечкой, и первые воздушные ямы, о которых так много говорили, которых ждали не без опаски: "Яма!.." А тебя - даже весело! - только встряхнет: вместе с самолетом провалишься куда-то вниз, и на мгновение ты в невесомости. Привязные ремни натянутся на плечах, секунда, другая - и уже хлопнулся на сиденье, и уже летишь один в бескрайнем небе...

Первые мои полеты по кругу, в зону на пилотаж, по маршруту оценивались с похвалой. Анюта - так мы звали нашего инструктора между собой - была старше нас всего лишь года на три, она только что окончила Херсонскую школу подготовки пилотов-инструкторов и получила назначение в наш осоавиахимовский аэроклуб. Летала Анюта уверенно, по-женски мягко и аккуратно. Приветливая, спокойная, она никогда не отчитывала нас за ошибки на залихватском аэродромном жаргоне: "Ну, дал ему прикурить! Ну, снял стружку!" Напротив, учила искусству полета терпеливо, как-то деликатно, словно боясь вспугнуть неповторимое очарование наших первых аэродромных зорь.

- Вы сегодня выполнили полет полностью самостоятельно, - говорила она после посадки каждому курсанту и на всякий случай добавляла: - Я только чуточку за ручку держалась...

Мы радовались, не подозревая, что управляли машиной

вдвоем. Где уж было разобраться, кто там на взлете или посадке вовремя среагировал на рули управления: подтянул, отклонил, добрал, придержал!.. И как знать отчего, но при проверке на самостоятельный вылет многие из нашей группы с первого захода разрешения не получили. Погорел и я.

- Землю не видишь, лапоть!.. - категорически, без тонких психологических нюансов заявил командир звена Петров.

И вместе с другими неудачниками мне пришлось продолжить вывозную программу.

После дополнительных полетов результат оказался прежним. Снова осечка и снова как приговор, но уже Анюте:

- Не видит, пень этакий, землю! Самостоятельно выпускать нельзя - аппарат разломает. Проверишь направление взгляда. Посади на полуторку да смотри, как зрачками-то ворочает.

Однако ни проверить, ни исправить ошибки учлета Дольникова при посадке самолета инструктор Анна Чекунова не смогла. На следующие полеты я уже не явился.

Бытует среди аэродромного люда такой, очевидно не слишком-то научный, термин - пилотское самолюбие.

Это когда летчик не в силах смириться с допущенной ошибкой, с промахом, когда с болью переживает чье-то преимущество, пусть хоть и в типовом, очень и очень условном учебном бою. А если учесть, что пилоту еще нет и семнадцати, что на заводе он уже уверенно руководит целой бригадой и в заводской многотиражке так красиво пишут о рабочей чести молодого ударника, может, объяснимым станет побег с аэродрома?

В заботах, поисках, напряжении шли трудовые будни. Чтобы не тревожила неудача в аэроклубе, я старался загрузить себя работой и нередко оставался на заводе до вечера. В общежитие приходил усталый, сразу засыпал, а по ночам... все-таки "летал". Уже захватило, уже тянуло небо. Втайне надеялся, что еще раз придет Анюта и я услышу ее подбадривающее: "Что же вы, Гриша? Не сразу ведь Москва строилась..."

И действительно, встреча состоялась - у заводской проходной после смены. Не было лишних слов, нареканий. Позже я думал: "Для чего вообще-то возилась с неподдающимся инструктор Чекунова? Ведь, как говорят, вольному воля". Только вот если бы не Анюта в моей судьбе, как бы она сложилась? А от той встречи с моим первым инструктором на всю жизнь запомнились слова: "Вы же смелый, Гриша! Вы будете замечательным летчиком..."

И я поверил доброму напутствию Анюты и вернулся на аэродром еще раз теперь уже навсегда.

Пишу об этом небольшом жизненном эпизоде так подробно,

потому что знаю, как труден путь в небо, как важны с первых шагов к высотам и тонкое чутье педагога, и простое человеческое участие.

Мне везло на хороших людей. В те давние годы инструктор аэроклуба Анна Чекунова помогла поверить в свои силы. Вместе мы нашли мою ошибку при выполнении посадки. В ответственный момент приземления я действительно смотрел сам не знаю куда - от колес шасси до горизонта, - потому-то и тянул ручку управления машиной невпопад с приближением земли. Тренировался, отрабатывая глубинный скользящий взгляд, долго, упорно не только на самолете, но и на той полуторке, на которой доставляли нас из города на аэродром. К окончанию программы все-таки догнал товарищей по группе. За отличные полеты был даже отмечен памятным подарком, да таким, какой и не снился, - форменной летной гимнастеркой с голубыми петлицами, с крыльями и пропеллером на рукавах. Думаю, была она не меньшим предметом зависти для моих сверстников, чем для нынешней молодежи модные джинсовые брюки.

Так, в этой гимнастерке, я и появился в одной из центральных белорусских газет как лучший рабочий, общественник оборонно-массовой работы.

После выпуска учлетов аэроклуба мне предложили остаться там инструктором на общественных началах. Согласился. Но вскоре на наш аэродром как-то неожиданно перелетели военные самолеты. Издали они походили на бочки с крыльями, а летчики ласково называли их "ишачками". Мы видели стремительный пролет боевых машин тройками. Скорость поражала. Невольно потянуло к неизведанному. И совсем захватили рассказы летчиков о полетах на И-16. Веселые, бесстрашные, чуточку бесшабашные, эти молодые пилоты прошли испытания боями в далекой Испании, на Халхин-Голе. Занять место в строю истребителей я решил твердо и бесповоротно.

И вот подано заявление в военную школу. Получен вызов. Прощание с аэроклубом, с родным коллективом завода имени Мясникова.

Шел предгрозовой сороковой, последний мирный год...

Летная школа

В конце марта 1940 года поездом Минск-Ростов я ехал поступать в Батайскую военную авиационную школу пилотов. Двое суток пути через леса и болота родной Белоруссии, привольные степи Украины и Дона. В Полесье на полях еще лежал снег, а на Украине и на юге России весна была в разгаре. Пассажирский поезд часто и подолгу стоял на больших и малых станциях. Вагонов-ресторанов тогда не было, и пассажиры

питались купленной у крестьян снедью, которую те специально приносили к поездам дальнего следования. Женщины в фуфайках и резиновых сапогах, пронырливые подростки настойчиво предлагали соленые огурцы и помидоры, жареных кур и индюшек, свежее и соленое сало, варенец я простоквашу, моченые яблоки и квашеную капусту. Тут же из-под полы торговали самогоном.

Отведав смачных даров деревенской кухни и взяв кое-что про запас, пассажиры веселели. И если при посадке и первом устройстве в вагоне возникали неурядицы и нелицеприятные разговоры, часто переходившие в крепкие словесные перепалки, то вскоре все ехавшие, несмотря на тесноту, как-то устраивались, знакомились, добрели и чаще всего расставались друзьями.

В каждом вагоне раздавались песни - порой под гитару, а чаще под знаменитую русскую трехрядку. Мы пели о Родине, о защите ее границ, о любви и дружбе.

Большинство тех песен пришли с экрана. Незабываемые кинофильмы "Цирк", "Трактористы", "Чапаев", "Истребители", "Парень из нашего города" и по сей день волнуют зрителя, а песни - особенно.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки - крылья,
А вместо сердца - пламенный мотор.
Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

В вагоне пели все, пел и я, но больше смотрел в окно. Хотелось увидеть те места, где партизанил знаменитый дед Талаш, о котором замечательно рассказал народный писатель Белоруссии Якуб Колас в повести "Трясина". Хотелось как следует разглядеть ту украинскую землю, по которой лихо скакал в рядах буденновцев Павел Корчагин. Все тогда мечтали стать похожими на Павку, дружить, любить, быть преданными делу по-корчагински. Все помнили клятву Павла на могиле погибших друзей: "Самое дорогое у человека - это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое..."

А как хотелось увидеть знаменитый Тихий Дон, где так многотрудно жили, боролись, любили шолоховские герои!

Но вот и Батайск - небольшой чистый городок, расположенный в десяти километрах южнее Ростова-на-Дону. Я

быстро нашел училище и смотрел на окружающее с удивлением: здесь все было по-военному. Строгие здания казарм и учебных классов, подтянутые бравые курсанты в строю. Чеканя по-уставному шаг, они отдают честь старшим по званию. Я уже знал, как по нашивкам на рукавах, по треугольникам, кубам и шпалам отличать младших командиров от старших.

Шагая с самодельным деревянным сундучком в руках, жадно всматривался я в каждое строение, искал глазами аэродром с множеством невиданных самолетов. Ведь именно отсюда мне предстоит взлететь в небо на боевом истребителе...

Сданы документы. Получены первые командирские распоряжения: все приезжающие направляются в карантин. Резкое непонятное слово "карантин" всех немного волновало. Однако, поужинав сытно, "по-летному" в уютной курсантской столовой; разместились в светлой большой казарме. Перед сном всех нас сводили в баню, постригли наголо - и мы надолго распрощались с завидной мужской красотой.

Перед отбоем было немало толков, тревожных разговоров. Многие считали, что нас ввели в заблуждение, что не курсантами будем, а красноармейцами, так как летный набор уже закончился. Но утром подъем по распорядку дня, завтрак без перекура и - строем на медкомиссию.

До санчасти грозный старшина несколько раз останавливал вас, пытаясь заставить петь строевую песню. Мало кто знал строевые солдатские песни, поэтому начавший было запевать Костя Немирко поддержки не получил. Тогда старшина Кузнецов, которого тут же окрестили "колуном" (потом оказалось, что это прозвище дали ему наши предшественники за жесткую и далеко не всегда уставную требовательность, а порой и грубость), остановил строй и предупредил: кто не будет петь, тот к медкомиссии не будет допущен.

И вот начали с шага на месте под громкую команду старшины: "Рррясь, ррррясь, ррррясь, а-а, три-ии... и ррясь, а-а, три-ии... Запевай!" Шагаем на месте, в строю твердого шага нет, потому что один в ботинках, другой в сапогах, а третий в сандалиях. Стоявший в середине строя Костя Немирко, не выдержав, запел про казака Голоту. И хотя мало кто знал эту песню (впоследствии она стала самой любимой), но подхватили ее во всю глотку: никому Не хотелось "самоустраняться" от медкомиссии. Старшина остался доволен.

День ушел на хождение по врачам. К вечеру все страхи остались позади, а ряды наши значительно поредели. Среди летчиков всех возрастов бытует масса анекдотов и юмористических рассказов о том, кто и как в разные годы

проходил медицинскую комиссию. Мы не оказались исключением, и ночью многие "счастливчики" тайно делились друг с другом, как "провели" докторов.

На следующий день заседала мандатная комиссия. После нее кандидатов в военные летчики осталось еще меньше.

К вечеру всех отобранных комиссией переодели в курсантскую форму. Гражданская одежда в спецмешках обычно сдавалась на склад, а после окончания школы вещи возвращались владельцам. Но нашему набору получить свою одежду уже не довелось: в самом начале Великой Отечественной войны все было предано огню вместе с другим имуществом, которое не смогли увезти в тыл.

* * *

Итак, в апреле 1940 года я стал курсантом Батайской военной авиационной школы пилотов имени А. К. Серова. Но не с авиационных наук пришлось начинать мне летную службу.

На утреннем построении нам зачитали приказ о зачислении в школу, затем к строю подошла группа командиров, среди которых выделялся стройностью и франтоватостью молодой лейтенант. Он объявил, что из нас будут отбирать группу для обучения в школе младших командиров.

По команде этого же лейтенанта указанные им курсанты делали шаг вперед и перемещались с левого фланга на правый. По какому признаку производился отбор - понять было трудно, но, поравнявшись со мной, лейтенант почему-то спросил:

- Сколько лет?

- Чему, кому? - вопросом на вопрос ответил я.

- Шутник, - заметил лейтенант, - выходи вперед. И такие нужны!

С радостью шагнул я вперед даже не с правой, а с левой ноги, что также не осталось незамеченным.

Два месяца спустя назначая меня старшиной звена, лейтенант вспомнил этот инцидент и спросил:

- Скажите, Дольников, тогда, при отборе, вы умышленно пошутили?

Я честно признался, что был в необычайном напряжении, стоя все время по команде "смирно" и стараясь тем самым обратить на себя внимание, поэтому ответил не вполне осознанно.

После окончания карантина все курсанты приступили к плановым занятиям по изучению авиационных и общественных наук. Затем им предстояла сдача экзаменов и сразу же летная практика. А мы - группа подготовки младших командиров начали с изучения общевойсковых уставов, правил несения внутренней

службы, стрелкового оружия, его применения. В первый месяц один раз, а во второй дважды в неделю совершали марш-броски от Батайска до Ростова и обратно. Ребята из эскадрилий посмеивались:

- Эй, пехота, голубые петлицы сняли бы!..

Много лет прошло с тех пор, но и теперь я убежден, что тогдашний эксперимент по подготовке младших командиров был оправдан. Мы стали хорошими помощниками командирам эскадрилий, звеньев и инструкторам в организации жизни и быта в казарме, занятий в классе и на аэродроме. Нас за короткий срок обучили всем премудростям солдатской науки - быстро окапываться в обороне и ходить врукопашную, метко стрелять и переносить тяготы в длительном походе. В будущем все это сослужило нам добрую службу.

Учеба мне давалась сравнительно легко, исключая походы. В походах, или, как они значились в расписании, на марш-бросках, я постоянно натирал кровяные мозоли на ногах, и все потому, что долго не мог усвоить простейшую, казалось бы, науку - умело наматывать портянки. Как ни старался, уже на первых километрах эти самые портянки сбивались вверх или комком съезжали вниз.

Долго я мучился так, но вот наконец старшина увидел мои ноги и все понял. Поэтому, пока не научил обуваться, через каждые два-три километра командовал:

- Курсант Дольников, выйти из строя, переобуться!

Сядешь на пахучую дорожную травку, снимешь солдатский кирзовый сапог, а пятки и пальцы ног в водяных пузырях. Полежать бы, да строй пошел - догонять надо. Больно, обидно до слез: как же другие все умеют!

Однажды вот так и остался сидеть. Решил, забудет старшина, а когда станут возвращаться назад, я и пристроюсь. Но группу то ли по плану, а может, умышленно, чтобы проучить меня, старшина повел другой дорогой. Долго я ждал своих: и сидел, и лежал, и вперед шел, но строя все не было. Явился в казарму один уже после всех и, несмотря на жалкий, потерянный вид, получил наряд вне очереди на уборку туалетов. Это было самое большое наказание, особенно для меня. Старшина торжествовал.

Ходили мы и в караул. Надо сказать, поначалу с большой охотой. Тогда о бдительности несения службы писали и говорили постоянно, много и настойчиво...

Хотелось отличиться и мне. И вот однажды меня назначили в караул на пост по охране склада боепитания. Первую смену с вечера я отстоял без происшествий. Но в следующую смену уже глубокой ночью началась гроза. Настороженно выхаживал я по

обозначенному маршруту, то и дело останавливался, прислушивался. Вдруг при очередном сполохе молнии мне показалось, что на пост кто-то ползет. Из-за грозы ничего не было слышно, да и не видно. При следующей вспышке молнии я опять заметил какое-то движение.

Проделал все известные тактические приемы: лег, присел, пополз в сторону врага. Начал сковывать страх: а вдруг он не один? вдруг целая группа шпионов? И вот тут что-то треснуло сзади. Энергичный разворот - штык наперевес.

- Стой! Кто идет?

Опять отсвет грозы. Взгляд назад, и - о ужас! - совсем-совсем уже близко ползло на меня что-то темное...

Враг! Выстрелил в темноту. Вспыхнула молния. Выстрелил вторично... Когда же подойдут из караула?! Казалось, что вокруг меня все ползут и ползут, но почему-то никто не нападал.

Наконец появился разводящий со сменой.

- Стрелял, что ли? - спросил.

- Да. Туда... Там ползли, сзади тоже...

- Замерз или с перепугу зубами клацаешь? - подходя вплотную, уточнил разводящий.

Утром на том месте, где я стрелял, обнаружили самодельную тележку со старым огнетушителем, покрытым рваным брезентом. Сильный ветер поднимал брезент, и он хлопал о тележку, а торчавший огнетушитель казался притаившимся врагом. Одна пробоина в брезенте все же была обнаружена. Но меткая ночная стрельба не помогла: мне объявили наряд вне очереди.

В начале июня программа нашей командирской подготовки закончилась. Большинство, в том числе и я, получили звание отделенный командир - два треугольничка в петлицах, звание помкомвзвода присвоили Николаю Новикову и Эдуарду Даукше, а звание старшина - только Дмитрию К., которого назначили старшиной эскадрильи.

Новый наш старшина был среднего роста, приземистый, с изрытым оспой, но привлекательным лицом, с прищуренными глазами. Был он много старше большинства из нас, имел педагогическое образование и выделялся своей строгостью, требовательностью. Не терпел старшина неряшливости и грязи в казарме, нерадивых курсантов нещадно наказывал. После отбоя, услышав разговоры, он входил в казарму, и горе тому, кого поднимал с кровати: уборка отхожих мест до глубокой ночи была обеспечена.

Учился Дмитрий успешно, хорошо осваивал и летную подготовку. Казалось, будущее его устремится по крутой восходящей. Но жизнь распорядилась по-другому...

Мы встретились с Дмитрием после Батайской школы спустя пятнадцать лет. Я уже заканчивал военно-воздушную академию. Однажды иду с занятий, вдруг сзади кто-то громко окликает:

- Гришка!

Так меня давно уже не звали, больше - Григорий Устинович или просто Устиныч, а тут вдруг - Гришка! Обернулся. Вижу знакомое, но уже забытое лицо.

- Зазнался, майор!

- Да ты что, капитан? Дима, ты ли?..

Дима куда-то спешил. В ту короткую встречу я понял, что с истребителей он списан и теперь вкалывает на транспортном Ли-2. Его постаревшее, отекшее лицо, неряшливый вид подсказывали, что Дмитрий теперь не тот, что он потерял себя, да и запах спиртного подтверждал это. Помню, закончился разговор тем, что Дима грустно и с чувством продекламировал:

Друг мой, друг мой
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Он был земляком Сергея Есенина и еще тогда, в школе, часто читал есенинские стихи.

Следующая встреча с Дмитрием состоялась так же случайно, спустя более чем двадцать лет, около той же академии. Он был уже в гражданской одежде. Алкоголь погубил все...

Полной противоположностью стала другая жизнь - трагическая, но наполненная, замечательная жизнь бывшего курсанта нашего звена, моего большого друга Ивана Шамова. О судьбе летчика расскажет его письмо комсомольскому вожаку одного из гвардейских соединений, которым мне довелось командовать.

"Дорогой товарищ Самусев! - писал Иван Васильевич. - Вчера, 28 февраля, отправил письмо и три стихотворения младшему сержанту Пану, и в этот же день получил письмо от вас.

Я извиняюсь перед вами за столь долгое молчание. В феврале болел, лечился, а потом пошла волнительная канитель с подготовкой телепередачи из моей квартиры. Она отняла много времени, причинила много забот и волнений.

Но теперь все позади. И я отвечаю вам, дорогие воины-гвардейцы.

В авиацию я пришел по спецнабору в июле 1940 года. Приехал в Батайскую авиашколу имени А. К. Серова из Москвы. К

этому времени закончил третий курс Московского библиотечного института и уже числился студентом четвертого курса.

В авиашколе моим старшиной звена был младший сержант Григорий Дольников. Строгий командир был...хотя в сущности это был чудесный и душевный паренек из Минска, добродушный парнишка с одного из минских заводов. Кареглазый Гриша.

С Гришей Дольниковым мы вместе пробыли до весны 1942 года. Потом нас разбили по разным авиаэскадрильям. И Григорий Дольников закончил школу раньше меня.

В июле 1942 года я курсантом-летчиком был включен в состав школьного авиаполка и принял участие в боях с немецкими захватчиками в районе Махачкала, Дербент.

Полк нес боевую работу по прикрытию подступов к Баку. Летчиками были наши школьные инструкторы, а мы, курсанты, выполняли роль механиков, оружейников, старшин и т. д.

А в районе Гудермес, Грозный в это же время сражался наш другой полк. Там воевали мои инструкторы Георгий Адамович и Михаил Бобров. Они погибли в этих боях, но врага в Закавказье не пропустили.

Я же осенью 1942 года вместе с группой других батайцев-курсантов по приказу главкома был отозван обратно в авиашколу для доучивания. Но в октябре 1942 года в разгар самых ожесточенных боев за Кавказ меня с большой группой других курсантов послали на защиту перевалов Большого Кавказского хребта в район Нухи. Там наши курсанты несли сторожевую службу и укрепляли перевалы.

В зиму 1942/43 года мы, курсанты, вели борьбу с бандитами и дезертирами в лесах по реке Куре, в районе нынешнего Мингечаурского гидроузла. Сейчас здесь рукотворное море... Авиашколу окончил уже по возвращении в Батайск.

Больше на фронте быть не пришлось. Служил в разных авиачастях летчиком-истребителем вплоть до августа 1947 года.

21 августа 1947 года в учебно-боевом вылете на истребителе "Лавочкин-7" на низкой высоте (Н-150 м) отказал мотор самолета. Это было на первом развороте, после ухода на второй круг. Посадка была неудачной. При ударе о землю я сломал позвоночник на уровне груди, меня сковал паралич - от сердца и до конечностей.

Начались трудные дни во многих военных госпиталях. 2,5 года на больничной койке. 1 год 7 месяцев со мной в одном госпитале была жена Наташа. Она сыграла главную роль в моем выздоровлении. Я остался жив, но навечно прикован к постели параличом. Тело и ноги парализованы. Работают только голова и руки. Так и живу вот уже шестнадцатый год.

Стихи начал писать в госпитале. Это было летом 1948 года (после года лежания на спецкойке). Писал о голубом небе, о друзьях-товарищах, о страстном желании летчика опять взлететь, высоко подняться...

8 марте 1949 года был переправлен на самолете в Москву, в Главный военный госпиталь имени академика Бурденко. Тут пролежал еще одиннадцать месяцев.

9 октября 1949 года московская газета "Тревога" (орган Московского округа ПВО) опубликовала первые мои стихотворные пробы - "Стихи лейтенанта Ивана Шамова". С этих пор стал выступать в армейской печати. В феврале 1951 года в журнале "Советский воин" No 4 была дана большая подборка моих стихов со вступительной статьей поэта Михаила Васильевича Исаковского.

Это была для меня путевка в большую литературу. Как я благодарен поэту!

В это же время (февраль 1951 г.) друзья-однополчане написали письмо в Москву композитору-песеннику Борису Андреевичу Мокроусову с просьбой навестить их друга поэта Ивана Шамова. Композитор оказался чутким и внимательным человеком. Вскоре он приехал ко мне и Измайлово - один из строящихся районов столицы. В результате его визита появилась песня "На лавочке" ("Костры горят далекие"). Мы стали с ним большими друзьями.

В эти же годы меня начали навещать друзья-товарищи по военному училищу и однополчане.

В 1951 году из далекого Забайкалья я получил дорогое для меня письмо от майора Григория Устиновича Дольникова, фронтового летчика, моего славного товарища и командира. Потом он приехал учиться в Краснознаменную академию ВВС и часто приезжал ко мне вместе с супругой в нашу маленькую комнатку на Измайловском бульваре.

Итак, началом моего творчества надо считать лето 1948 года. Раньше, до госпиталя, стихов не писал.

За эти годы я издал девять сборников стихов, вместе с советскими композиторами создал 20-30 песен...

Вот пока и все. В общем, работаем!

Сейчас пишу новые стихи и песни, преимущественно о воинах и молодежи.

Взращенный авиацией,
Горжусь своим трудом
И новой диссертацией
Считаю каждый "том".

С искренним московским приветом ваш Иван Шамов", Так вот

по-разному складывались судьбы моих товарищей по военной авиашколе. К счастью, так, как у Дмитрия, редко.

* * *

А тогда мы, группа младших командиров, еще только переодевались в новое обмундирование. Каждый прикручивал по два или три треугольника в петлицы соответственно полученному званию. К этому времени состоялся очередной набор курсантов, из которых сформировали отряд. Звенья в отряде комплектовали по росту курсантов: самые рослые были в первом звене, малыши - в четвертом. По такому же принципу назначали и старшин звеньев.

И вот я стал старшиной первого звена, Иван Коробков - второго, Жора Агикян - третьего, а Василий Гущин - последнего, четвертого, звена. Интересно отметить, что Жора Агикян по росту был ничуть не выше Гущина, но при определенных обстоятельствах обязательно приподнимался на носки и как-то умело вытягивал шею. Таким образом ему удавалось казаться более рослым.

За наведение порядка в звеньях мы взялись круто. Шумели, кричали, наказывали. Все было. В нашем звенс собрались в основном приехавшие из Минска и центра России - Сергей Саломатов, Петр Гучек, Александр Давыдов, Геннадий Тишуров, Илья Танхилевич, Сергей Козак, москвичи Николай Фигуркин, Николай Бакунин, Иван Шамов, Петр Тихонков, Борис Савинов.

За годы учебы всех нас связала крепкая дружба. Теоретический курс мы усваивали усердно, а Саломатов, Фигуркин, Шамов, Гучек были примером во всем. Старательно учился и я - ходил в передовиках. Начал заниматься спортом, которому в школе уделялось много внимания. Пробовал бегать, прыгать, бороться, боксировать, но ни в чем не преуспел. На ринге получил такой удар в висок, что всю неделю кошмары снились. Очень хотелось стать чемпионом, как Сережа Саломатов, который был первым и в беге, и в борьбе, причем не только у нас в школе, но и во всем округе. И вот записался в борцы. Поначалу, может, действительно какие-то задатки были, только после официальной схватки с Сашей Ваулиным наотрез отрекся от борцовского ковра и занялся штангой. Но, видимо, силенки еще маловато было - поединка со штангой тоже не выдержал. К слову сказать, через много лет я стал даже чемпионом академии в полусреднем весе.

А в ту пору, забросив не только спорт, но и учебу, вдруг начал зачитываться Мопассаном, Лондоном, Толстым, Достоевским. Читал все подряд, с юношеским восторгом восхищаясь героями и героинями или ненавидя их, опуская

философские детали и лирические отступления. Читал везде, но главным образом на занятиях. Сидел, как положено старшему, за первым столом, но умудрялся на глазах преподавателей читать.

Разоблачил меня батальонный комиссар Мололетков. Он вел курс марксистско-ленинской подготовки. Это был удивительный человек. За гражданскую войну комиссара отметили орденом Красного Знамени. Орден от времени потускнел, эмаль во многих местах отбилась, но смотрели мы и на орден и на орденоносца с невообразимой завороженностью и почтением. Не знаю, вызывает ли у сегодняшней молодежи подобные эмоции целая орденская колодка... Мне же помнится, как в автобусе, в трамвае, в очереди, увидев орденоносца, люди расступались, вежливо предлагая место.

А вот каким образом засек меня читающим на занятии комиссар Мололетков, не могу и сейчас представить. Только уже со следующего дня каждый преподаватель, входя в класс, приказывал:

- Отделенный командир Дольников, художественную литературу на стол!

Я изменил тактику: перешел на чтение по ночам. Но вскоре стал замечать, что буквы на страницах сливаются. Сначала решил, что накал лампочки упал, но то же самое повторилось днем, когда все вокруг словно затуманилось. Читать я уже не мог, натыкался на окружающие предметы и, боясь признаться в этом, принялся промывать глаза до красноты, отчего стало еще хуже. Меня положили в санчасть. Встал вопрос о списании еще не летавшего летчика. Но постепенно зрение мое восстановилось, и через две недели я приступил к занятиям.

Дни учебы тянулись однообразно: лекции, семинары, зачеты, экзамены... Вечерами курсанты писали письма родным и близким, но ни о чем конкретно не упоминали, боясь раскрыть военную тайну. Нам же отвечали пространно, безо всяких намеков: девушки восторгались нашими подвигами (многие ребята, еще не летая, сочиняли были о баталиях в небе). Матери же, как правило, давали наказы сыновьям летать потише да пониже.

Я письма получал редко - только от матери. В них она весьма кратко сообщала о нелегкой жизни, спрашивая, скоро ли закончу службу и вернусь в родную хату. Вернулся же с финской Микита (брат двоюродный) с отшибленной ногой - пора бы и мне, старшему кормильцу, подумать о доме.

Так прошло лето. Многие курсанты уже летали самостоятельно, а наш отряд продолжал учебу. По этому поводу ходили разные слухи: одни говорили, что нас специально готовят к полетам на новых самолетах, которые уже где-то осваивают

наши будущие инструкторы, другие, наоборот, утверждали, что никакими летчиками мы не станем, а будем преподавателями, потому что пилотов много, а самолетов нет.

В октябре командование объявило о нашем участии в параде войск в Ростове-на-Дону в честь 23-й годовщины Октября и мы приступили к усиленной строевой подготовке. Готовились серьезно - отрабатывали строевой шаг с оружием в руках, равнение в колоннах. Особенное внимание уделялось строевым песням. Запевал, как правило, Анатолий Володин. Небольшого роста, весельчак, впоследствии он проявил себя в боях с фашистами и заслужил звание Героя Советского Союза. К удивлению многих, иногда запевал и я.

И вот в день Октябрьской революции мы прошли перед центральной трибуной, на которой находились руководители области и командование округа. Я же на трибуне никого не разглядел - видел в основном грудь четвертого в шеренге. За парад мы заслужили благодарность командующего и конечно же лейтенанта Шовкопляса, который объявил, что строевой подготовкой заниматься не будем до самой весны.

* * *

Наступил новый, 1941 год. Думали ли мы тогда, что он станет годом начала Великой Отечественной?.. В школе были летчики-инструкторы и преподаватели, участвовавшие в военных событиях в Испании, в Китае, на Халхин-Голе, в Финляндии. Второй год шла мировая война. Из печати, из выступлений политруков мы знали, что фашизм готовит нападение на Советский Союз, но считали, что большая война не столь близка и неизбежна. Во всяком случае, надеялись, что еще успеем стать летчиками-истребителями.

В начале апреля наш отряд прибыл на полевой аэродром. Поселились в палаточном городке. Чистый степной воздух, зеленый ковер душистых трав летного поля и окрестностей - все это внесло радостное разнообразие в казенную обстановку казарм и учебных классов. Здесь нам предстояло освоить сначала учебно-тренировочный самолет УТ-2, а затем боевой И-16.

Своих инструкторов мы знали еще задолго до выезда в лагеря. В нашей, первой летной группе инструктором был младший лейтенант Николай Нестеренко, закончивший нашу же школу несколько месяцев назад. Опыта обучения он, конечно, не имел, но производил впечатление требовательного командира: с каждым из нас помногу беседовал, тщательно изучал ребят как по скромным личным делам, так и в повседневной жизни. Инструктором второй летной группы нашего звена был его хороший товарищ младший лейтенант Анатолий Кожевников.

Вместе с Нестеренко они окончили школу и по-дружески делились своими первыми опытами в обучении курсантов.

С Анатолием Кожевниковым в последние годы войны мне довелось служить в одном авиакорпусе и встречаться на фронтовых аэродромах. Воевал он смело, творчески, заслужил уважение товарищей, и слава о его боевых делах ушла далеко за пределы полка. В конце войны Анатолий стал Героем Советского Союза, командовал истребительным авиационным полком. Позже окончил военно-воздушную академию, затем Военную академию Генерального штаба и находился на различных командных должностях в звании генерал-лейтенанта авиации. Сейчас Анатолий Кожевников живет в Москве, пишет книги.

Командиром нашей эскадрильи был известный в школе методист майор Казанский. Его по праву считали одним из лучших летчиков школы, и курсанты гордились этим.

Начались полеты. Без особого труда мы освоили самолет УТ-2, так как почти все летали в аэроклубах на По-2, который немногим отличался от учебно-тренировочного самолета. Первыми поднялись в небо и стали летать самостоятельно Саломатов, Фигуркин, Гучек. Не ладилось с посадкой у Савинова, Тихонкова и Шамова, но благодаря совместным усилиям инструктора, опытных командиров звеньев и они успешно закончили программу.

Однажды неожиданно для всех мы увидели на аэродроме боевые самолеты И-16 и учебные УТИ-4. Наконец-то!

Самолеты И-16 все еще считались у нас лучшими истребителями, и мечтой каждого летчика было овладеть этой сложной в технике пилотирования машиной. Особенно неподатливым был И-16 на взлете и посадке, думается, сложнее самолетов всех последующих поколений.

Эти особенности самолета мы хорошо знали, поэтому очень тщательно готовились. Но прежде чем начать полеты, курсанты должны были отработать рулежку. Для этой цели были подготовлены устаревшие, отслужившие сроки, еще со старыми моторами, самолеты И-16, да и у тех обшивку на крыльях сняли, чтобы на разбеге они не смогли взлететь.

И вот мы с увлечением рулим и "взлетаем" без взлета. Поначалу почти каждый, начав разбег в одну сторону, заканчивал его в обратную. Бывали и случаи капотирования - когда самолет переворачивался через крыло и оказывался вверх колесами. Это происходило при соответствующей ошибке и у бывалых летчиков на боевых самолетах. Тогда шутники говорили: "Перевернули вверх колесами для просушки", а несведущие новички верили.

На боевом самолете И-16 первым вылетел Сергей Саломатов.

К этому дню готовилась вся наша группа, особенно инструктор Нестеренко. Ведь Саломатов был его "первачком". Все прошло удачно. Взлетел Сергей ровно, приземлил машину на три точки и без "козлов", как говорили, "притер".

У меня с первых провозных полетов успешно пошло все. Инструктор был доволен и планировал выпустить меня на самостоятельные полеты. При проверке же командиром звена выявилась моя старая, еще аэроклубовская ошибка на посадке высокое выравнивание. Много ушло времени и труда на ее исправление. Большая часть не только нашей группы, но и звена летала уже самостоятельно по кругу, в зону, а меня все еще учили на учебном УТИ-4. Учили терпеливо - как-никак старшина звена. Неудачи в полетах начали сказываться и на моих старшинских обязанностях. Я понимал: как же спрашивать с подчиненных, если они тебя обошли в главном - в полетах? Большинство товарищей переживали мою неудачу, старались помочь, ведь мы уже больше года служили вместе и крепко сдружились. А курсантская служба тех лет была нелегкой.

Ну вот, помнится, сопровождали мы самолеты на земле: отлетав, каждый был обязан сопровождать за крыло машину своего товарища при выруливании на взлетную и встретить после посадки. Хорошо, когда летали сами - рулили тихо, без рывков. А иной инструктор, желая проучить курсанта, рулил с такой скоростью, что, уцепившись за плоскость, бежишь подчас, переставляя ноги в воздухе, словно в горизонтальном полете. Да еще пыль аэродромная в глаза набивается, на зубах скрипит. Хорошо сопровождать, когда отлетался, и ох как трудно летать, насопровождавшись.

После полетов мы допоздна готовили самолеты к завтрашнему дню. Под руководством механика все делали сами: не только драили машины от носа до хвоста, но и умели выполнять все тонкие работы - заплетали тросы, регулировали зазоры, меняли кольца, перебирали шасси. Уставали необычайно. Отдыхали в выходные дни, которых становилось все меньше и меньше - ловили погоду. Все было подчинено скорой подготовке летчиков для строевых частей. В те редкие выходные немногие из нас получали увольнения, а единственное место, куда можно было пойти, - село Кулешовка. Здесь по вечерам местные девушки и парни собирались на вечеринки после нелегких сельскохозяйственных работ.

Играла двухрядка, танцевали тустеп, краковяк, вальс, барыню. Мы были опасными конкурентами для местных ребят, так как сельские девушки отдавали предпочтение летчикам. Нередко дело доходило до неприятных разговоров, но патрульная

служба была строгой и своевременно вмешивалась в инциденты, не допуская крайностей.

Наиболее дисциплинированным, хорошо успевающим курсантам как поощрение разрешали увольнение в Ростов-на-Дону. Тогда под руководством старшины звена или отряда рано утром выезжали, как правило, в город, где покупали немудреные парфюмерные принадлежности, ходили в кино, а затем на берег Дона. Возвращались к вечеру отдохнувшие. И снова аэродром, снова любимое дело, которому отдавалось все.

Вечером 21 июня 1941 года я был назначен старшим группы, увольняемой в воскресенье в город...

Война народная

В тот знойный июньский вечер никто даже не предполагал, что утром следующего дня вся наша жизнь круто изменится. Курсанты, собравшиеся в увольнение, проснулись не от радостного ощущения яркого солнца, предстоящей прогулки по городу. Мы проснулись под длительный вой сирены, поднявшей нас по боевой тревоге.

Из уст в уста передавалось тяжелое, страшное слово: "Война!" Где он, этот коварный враг? Где и когда - завтра, через неделю - мы должны вступить с ним в бой? Казалось, все должно быть ясно и понятно: что и как делать каждому. В действительности же многое происходило далеко не по плану.

Собравшись по тревоге, мы стояли в строю, ждали распоряжений и тихо переговаривались. Сразу же возникла твердая уверенность, что враг будет разбит и уничтожен. Но успеем ли в этой борьбе принять участие мы?

- В обороне главное - харч! - негромко сказал Вася Гущин, как бы желая снять напряжение.

События же шли своим чередом. Сначала состоялся митинг. Речь держал наш любимый батальонный комиссар Мололетков. Он сказал, что война будет трудной, что надо готовиться к ней серьезно и всем. И выступавшие заверили, что в борьбе с фашизмом отдадут все силы, а если потребуется - и жизнь.

На следующий день войны мы уже увидели прошедший над аэродромом "юнкерс". Стояла низкая облачность, и на фюзеляже пролетевшего Ю-88 хорошо можно было рассмотреть фашистские кресты. В воздухе в это время находилось несколько самолетов, которые летали, как всегда, по плану. Они пытались перехватить гитлеровскую машину, но немец скрылся в облаках.

Наша курсантская жизнь резко изменилась, и к худшему. Мы стали меньше летать, так как часть боевых самолетов отправили на фронт, а на оставшихся летали те, кто по программе был впереди. Наш же отряд отставал: полеты мы начали позже других.

Поступали первые вести с фронтов. В воздушных схватках уже отличились младшие лейтенанты М. П. Жуков, С. И. Здоровцев, П. Т. Харитонов. Петр Харитонов - наш, всего полгода назад окончил авиашколу. Через месяц засверкала слава выпускника нашей эскадрильи Николая Тотмина - летчик таранным ударом уничтожил фашистский самолет.

Но, несмотря на стойкость, мужество и отвагу советских воинов, война стремительно подкатывалась к Ростову-на-Дону. Началась подготовка к перебазированию. Полеты практически прекратились. Многие инструкторы всеми правдами и неправдами добивались направления на фронт.

Попрощались и мы с полюбившимся нам Николаем Нестеренко, инструктором первой группы. Вместе с ним в боевые части уехали Кожевников, Киселев, Кириллов. На их место инструкторами назначили совсем молодых сержантов. Но теперь главной нашей задачей были не полеты, а погрузка самолетов и имущества в эшелоны, которые вместе с нами отправлялись на юг. Куда едем - никто не знал.

Через несколько суток мы оказались в Закавказье. Помню, на одной из станций прошел слух, что недалеко от эшелона продают гранаты. Выходить из вагонов запрещалось, поэтому, быстро сговорившись и сложив оставшиеся деньги, отправили Новикова и Давыдова закупить хотя бы по парочке гранат на каждого. Через несколько минут курсанты принесли какие-то фрукты, похожие на красные яблоки.

- Зачем деньги зря тратите? Сказано же: гранаты нужны! - возмущались ребята.

- Так вот они, гранаты, дары кавказской природы.

Долго мы вспоминали потом эти гранаты...

Эшелон разгрузили ночью на какой-то станции. Конечно же никакой станции, по нашим представлениям, здесь не было. Соблюдая глубокую маскировку - война уже приучила, - поставили палатки, зажгли фонари "летучая мышь". А где-то совсем близко, в кустах за палатками, притаились, злобно воя, шакалы.

Здесь, на азербайджанской земле, в степи, не найдешь зеленого ковра кругом сухая, потрескавшаяся от зноя земля. Над ней предстояло летать, и мы принялись строить аэродром. Когда обжились, подготовили летное поле, казалось, в самый бы раз развернуть полеты. Но нам все меньше и меньше доставляли бензина, да и самолетов совсем мало осталось.

* * *

Наступил 1942 год. Мы все еще курсанты. Менялись инструкторы, командиры звеньев, отрядов, эскадрилий. Одни

поднимались вверх по служебной лестнице здесь, в школе, другие добивались разрешения и отправлялись на фронт. Нас, курсантов, часто посылали на помощь колхозникам Азербайджана, самоотверженно трудившимся на полях. Особенно охотно работали мы на сборе винограда, персиков, бахчевых культур.

Для меня же важнейшим событием этого года стало вступление в партию. Был я уже старшиной отряда, комсоргом звена, выполнял множество общественных поручений, поэтому считал себя вполне подготовленным к вступлению в ряды ВКП (б). Правда, заявление подал не сразу - мучили сомнения: курсант ведь, люди на фронте бьются, а я в тылу... С чего начать? К кому за рекомендацией обратиться?

Все оказалось несколько проще, чем я предполагал. В ответ на мое первое несмелое обращение в комитет комсомола получил рекомендацию. Охотно поручились за меня и коммунисты нашего отряда, доверие которых я стремился оправдать всей своей жизнью.

Но вот невзгоды, трудности и радости учебы позади. Инструктор старший сержант Волков пишет служебную характеристику:

"Летную программу закончил с общей оценкой "отлично". Имеет налет на УТИ-4:

вывозных - 109 полетов - 10 час 03 мин

контрольных - 114 полетов - 13 час 49 мин

самостоятельно - 83 полета - 10 час 43 мин

Считаю целесообразным дальнейшее обучение на новой материальной части..."

Не знал я тогда этой характеристики и твердо был уверен, что готовится выпускная, а следовательно, на фронт. Но мой выпуск был отсрочен.

Повезло, правда, что вскоре инструктором группы был назначен Сергей Саломатов, раньше пас успевший окончить школу и ускоренную программу подготовки инструкторов. Ежедневные настойчивые просьбы - и вот уже Саломатов пишет выпускную характеристику:

"Партии Ленина-Сталина и социалистической Родине предан. Летать любит, в полете вынослив. Активно участвует в общественной и политической жизни подразделения. Целесообразно использовать в истребительной авиации РККА. Достоин присвоения воинского звания сержант.

С аттестацией и выводом согласились:

Командир звена мл. лейтенант Шалдыр.

Командир отряда лейтенант Хозяйчиков.

Командир 4 иаэ капитан Потапов.

Решение утверждающего аттестацию: Выпустить военным пилотом в строевую часть. Присвоить воинское звание сержант.

Начальник школы полковник Кутасин.

11 января 1943 г."

* * *

Прощай, родная школа! Почти три долгих нелегких года шел к цели. Своим внешним видом мы значительно отличались от выпускников довоенных и послевоенных лет: поношенные серенькие шинели, шапки-ушанки, обмотки. Какую же надо было иметь сноровку, чтобы, надев ботинки, быстро и в меру красиво намотать эти знаменитые обмотки!

И вот в начале февраля 1943 года небольшая группа выпускников-батайцев прибыла для прохождения дальнейшей службы в 25-й запасной авиационной полк, базировавшийся тогда здесь же, в Азербайджане. Хотя и не на фронт мы попали, но уже считались самостоятельными летчиками. Мы понимали, что в запасном полку долго не задержимся и что по прибытии очередной части с фронта для пополнения или переучивания сразу же вольемся в нее.

Два месяца службы в 25-м запасном успеху в летном деле не сопутствовали, так как все внимание командование уделяло переучиванию, комплектованию маршевых полков. Мы же летали редко - ходили в наряды, изучали новую авиационную технику. Большим счастьем считали встречи с летчиками-фронтовиками, которые имели боевой опыт, были награждены орденами, а некоторые стали уже и Героями Советского Союза.

В это время заканчивали переучивание на "Аэрокобрах" летчики 16-го и 45-го истребительных авиационных полков, в которых служили будущие знаменитые асы Покрышкин, братья Глинка, Речкалов, Клубов, Бабак, Фадеев. Довелось видеть их в полетах, в летной столовой, а иногда и слушать беседы с необстрелянными вроде нас выпускниками. Мы втайне надеялись попасть в один из этих полков, но вскоре они убыли на фронт. А уже через два месяца в воздушных боях над Кубанью родилась слава Покрышкина и Глинки, Бабака и Клубова, Фадеева и Лавицкого.

Мог ли я тогда подумать, что совсем скоро мне посчастливится прибыть на Кубань и вместе с этими прославленными летчиками ходить в атаки. А пока что в начале апреля Евгения Денисова, Николая Новикова и меня направили в 494-й истребительный авиационный полк, находившийся на переучивании и пополнении.

Здесь также было немало летчиков с боевым опытом. Командовал полком майор Белов, который принял нас, как

показалось, с неохотой: "Зеленые, необстрелянные..."

Я попал в эскадрилью капитана Цикина. Имевший на своем счету около десятка сбитых фашистских самолетов комэск был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. К нему меня и назначили ведомым. Радовался я несказанно, но мучили и сомнения: ведь чтобы быть ведомым у такого известного бойца, самому надо многое уметь и знать.

И вот в первый же летный день комэск проверил мою технику пилотирования в зоне. После полета, зарулив самолет на стоянку, я хотел только одного скрыться куда-нибудь, чтобы не слышать, о чем будет говорить комэск: слетал я хуже некуда - на петле "перетянул" машину и едва не сорвался в штопор, на глубоких виражах "гулял" по крену и высоте, как по крутым волнам, да к тому же и сел с "козлами".

Капитан Цикин вылез из кабины раньше. Заметив мое замешательство, сказал:

- Вылезай! Чего сидишь?

Отстегнув ремни, я нерешительно подошел к командиру эскадрильи. Он положил руку на мое плечо, как-то внимательно поглядел в глаза и спросил:

- Давно не летал?

- Месяца два, - ответил я, чуточку слукавив: на самом деле летал я недели две назад.

- Ну, тогда ничего. Бывает и хуже.

- Куда уж хуже, - говорю, - гоните сразу.

- А вот это хорошо! Правильно даешь оценку.

Комэск долго и подробно разбирал мой полет, потом практически показал все в полете сам. Я повторил - получилось хорошо, но мудрый ведущий, подметив мой бравый настрой, заметил:

- Теперь я уверен, что летать со мной в паре будешь. Только старайся в меру, а не как в первом полете.

Летать мы стали часто. Это радовало: скоро на фронт. Через месяц нам присвоили звание старший сержант - мы, трое прибывших в полк последними, сравнялись в звании с остальными молодыми пилотами.

А стоял уже июнь сорок третьего. Помню, жара нестерпимая, сушь... Как-то вечером после ужина, когда весь полк смотрел на открытом воздухе, в так называемом летнем клубе, кинофильм, дежурный по части объявил громко:

- Всем молодым летчикам срочно в штаб!

Выскочили как по тревоге, и каждый думал: "Что означает этот вызов? Почему только молодых?"

Вскоре все разъяснилось. Начальник штаба приказал:

- Старшие сержанты Гучек, Денисов, Дольников, Богашов, Кондратьев, Можаев, Кшиква, Новиков, Климов и лейтенант Шанин, собрать вещи и быть готовыми сегодня ночью отправиться на фронт.

Бывает же так!

Проводили нас добрыми напутствиями. Заняв теплушки, короткой июньской ночью мы двинулись в путь. Уже по дороге узнали, что едем в распоряжение командующего 4-й воздушной армией.

В небе Кубани

Нестерпимо душно и тесно в солдатских теплушках. Здесь и бывалые фронтовики после ранений и переформирования, и совсем зеленые новобранцы, еще не обстрелянные, не нюхавшие пороха. В нашем вагоне посвободнее: только офицерский состав. Слово "офицер" для нас пока еще не привычное, будто чужое. Красный командир - вот это родное, армейское. Соседи дружно поют "Катюшу". У нас тихо. Правда, кто-то пытался запеть "Синий платочек", но поддержки нет все в думах.

Все еще не верится, что едем на фронт. Прежде боялись: кончится война без нас. Теперь видим: хватит и на нашу долю. О положении на фронтах знаем лишь в общих чертах из сводок информбюро, сообщений газет, рассказов фронтовиков.

...Весной 1943 года, после успешного зимнего наступления, советские войска повсеместно готовились к новым решающим операциям. Лишь на юге нашей страны, в низовьях Кубани и на Таманском полуострове, продолжались бои. Немецко-фашистское командование ставило своей целью во что бы то ни стало удержать в своих руках занимаемые позиции и ликвидировать плацдарм юго-западнее Новороссийска, где еще 4 февраля 1943 года в районе рыбацкого поселка Станичка высадился штурмовой отряд под командованием майора Ц. Л. Куликова.

17-я немецкая армия, имеющая в своем составе шестнадцать дивизий, занимала рубеж обороны восточнее Крымской. Но, не имея достаточных сил для удержания таманского плацдарма, гитлеровцы рассчитывали сорвать готовящееся наступление советских войск с помощью авиации. С этой целью на аэродромах Крыма и Тамани было сосредоточено до 1000 боевых самолетов 4-го воздушного флота. Кроме того, для ударов по нашим войскам постоянно привлекались до 200 бомбардировщиков, базировавшихся в Донбассе и на юге Украины. Именно здесь действовали лучшие истребители эскадры Геринга - "Удет", "Мельдерс".

Первое воздушное сражение началось 17 апреля. Немцы предприняли попытку ликвидировать паши десантные части на

плацдарме в районе Мысхако. Тогда на войска 18-й армии было брошено 450 бомбардировщиков, около 200 истребителей. С нашей стороны противодействовало 500 самолетов, в том числе 100 бомбардировщиков.

В течение восьми дней велась ожесточенная схватка в воздухе. Враг потерпел поражение, потеряв около 200 самолетов.

После нескольких дней затишья над Кубанью вновь разгорелись крупные воздушные бои. Утром 29 апреля войска Северо-Кавказского фронта перешли в наступление. В этот день произошло 42 групповых воздушных боя, в которых наши истребители сбили 75 самолетов противника. А всего за 12 дней боевых действий (с 29 апреля по 10 мая) на Кубани было уничтожено 368 вражеских самолетов. Наши потери составили 70 самолетов.

После освобождения Крымской войска Северо-Кавказского фронта начали готовиться к новой наступательной операции в целях прорыва Голубой линии противника. Чтобы ликвидировать угрозу прорыва обороны, фашистское командование все надежды опять возложило на свою авиацию. С этой целью авиационная группировка немцев была усилена бомбардировочными эскадрами. Около 1400 самолетов было сосредоточено против наших войск. И на короткое время инициатива в воздухе перешла к противнику.

В создавшейся обстановке командующий 4-й воздушной армией генерал К. А. Вершинин почти все силы истребителей нацелил на борьбу с гитлеровскими бомбардировщиками. Наши ночные бомбардировщики усилили удары по вражеским аэродромам. И принятые меры позволили вернуть инициативу в воздухе. Потеряв 315 самолетов с 26 мая по 7 июля, гитлеровская авиация резко сократила налеты.

Более двух месяцев длилась ожесточенная борьба в небе Кубани. По количеству боевых схваток и участвующих в них самолетов на столь узком участке фронта это было крупнейшее авиационное сражение за всю войну: враг потерял 1100 самолетов, из них более 800 в воздушных боях.

На Кубани наши летчики стали хозяевами неба. О мужестве, героизме многих выдающихся мастеров воздушного боя молва летела по всему фронту. И каждый из нас, молодых пилотов, втайне мечтал попасть в ученики к этим прославленным асам.

И вот мы прибыли в Краснодар. На станции нас встретил майор, представитель штаба 4-й воздушной армии, и сообщил, что все мы назначены в 9-ю гвардейскую истребительную авиадивизию.

- Вот оно как - сразу в гвардейцы! - шепнул Евгений Денисов.

- Что-то не верится, - мелькнула у кого-то недобрая мысль. - Да и майор какой-то подозрительный...

Однако сомнения сомнениями, а по команде майора мы быстро уселись в "студебеккер", крытый брезентом, и к вечеру приехали в большую кубанскую станицу Поповическая, где размещался тогда штаб авиадивизии.

Первых два дня никто из официальных лиц с нами не беседовал, казалось, никого мы не интересовали. Заглядывали, правда, некоторые военнослужащие -больше из любопытства, другие надеялись встретить сослуживцев или земляков, а узнав, что мы прибыли из 25-го запасного авиационного полка, наводили справки о знакомых, однокашниках. Боевых летчиков видно не было, но пары и звенья самолетов, проходя бреющим над станицей, исчезали вдали, потом возвращались. Значит, боевая работа продолжалась...

Теперь мы уже твердо знали, что именно в этой 9-й гвардейской дивизии, в ее полках, воюют самые прославленные на Кубани летчики: А. И. Покрышкин, братья Д. Б. и Б. Б. Глинка, Г. А. Речкалов, В. И. Фадеев, Н. Е. Лавицкий, И. И. Бабак, В. Г. Семенишин и многие другие. Особенно много рассказывали о командире дивизии полковнике И. М. Дзусове, которого пилоты между собой звали просто Батя. А вечером состоялось наше первое знакомство с боевым летчиком, да еще с каким!

Как-то неожиданно мы увидели перед собой плотного, высокого, в поношенном кожаном реглане человека. Никто не заметил, когда он вошел. Неторопливо снял синюю пилотку, реглан, пилот повернулся, и на его широкой груди сверкнули два ордена Красного Знамени, орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза.

- Давайте знакомиться: лейтенант Глинка Борис Борисович! - представился он.

- Вот это да-а... Сам ББ, - протянул Петя Гучек.

О том, что братьев Глинка именуют первоначальными буквами имени и отчества - ДБ и ББ, то есть Дмитрий Борисович и Борис Борисович, было известно, пожалуй, всему фронту. Таковы были и их позывные по радио в воздухе.

Борис Борисович прибыл в полк не намного раньше пас. А вернее сказать, в полк его никто не направлял. Иван Бабак позже вспоминал, как однажды, в нелетную погоду, они шли по городу. И вдруг навстречу группа незнакомых летчиков. Когда поравнялись, к одному из них кинулся Дмитрий Глинка. Крепкие мужские объятия, поцелуи. Потом Дмитрий Борисович радостно объявил:

- Знакомьтесь, братва, мой старший брат Борис!

Пилоты узнали, что Борис Дмитриевич Глинка работает инструктором в авиационном училище, которое эвакуируется в тыл. Тут же кто-то предложил ему остаться в боевом полку. С просьбой обратились к Дзусову. Выслушав всех, Дзусов, к общей радости, согласился:

- Оставайтесь! Переучимся на новые самолеты - и всей семьей на фронт. Надеюсь, вышестоящее командование поддержит меня.

Так и остался старший брат Глинка в полку.

Опытный летчик, он отличился в боях на Кубани и за короткий срок сбил 12 самолетов противника, чем сразу же завоевал уважение и признание однополчан. Как человек Борис Глинка представлял собой счастливое сочетание многих блестящих качеств: ума, образованности, с одной стороны, а с другой душевного благородства, сердечности и простоты. Я мало встречал людей, которые могли бы сравниться с Борисом Глинкой в добродушии и доверчивости.

Но об этих человеческих чертах пилота мы узнали несколько позже. А тогда, тонкий наблюдатель и интересный собеседник, Борис Глинка уже через полчаса знал все о нас, особенно о наших летных "достижениях". По его выражению, мы были еще птенцами, рано вылетевшими из гнезда, и потому ему поручили поднатаскать нас в прифронтовых условиях, прежде чем вести в бой.

Кратко охарактеризовав обстановку на фронте, Борис Борисович перед уходом ободрил нас, сказав, что летать мы начнем не позднее чем через день. Поэтому его приказ - хорошенько изучить район полетов, характеристики и отличительные признаки самолетов противника, о чем завтра он же лично спросит каждого.

Долго мы не могли прийти в себя после встречи с ББ. Покорил нас воздушный боец своим богатырским видом, простотой, доступностью. Мы еще долго делились впечатлениями в тот вечер и сошлись на том, что нам действительно крупно повезло - без сомнения, попали к настоящим асам, и до глубокой ночи дружно чертили район полетов, изучали самолеты врага: никому не хотелось оплошать перед прославленными летчиками.

На другой день, в самый разгар подготовки к предстоящим полетам, к нам запыхавшись вошел капитан с повязкой дежурного.

- Вы, что ли, молодые пилоты, прибывшие в нашу дивизию? - спросил он.

- А что, кроме нас, еще прибыли пилоты? - вопросом на вопрос ответил Женя Денисов, который все еще не был уверен, что мы здесь не по ошибке.

- Быстро собирайтесь! - приказал капитан. - С вами будет разговаривать сам Батя. - И так же быстро, как и появился, ушел.

Никто из нас не понял, что нужно делать: то ли куда-то идти, то ли ждать приезда Бати сюда, к нам. Поразмыслив сообща, решили, что надо идти в штаб и все выяснить. В штабе нас на самом деле ждали командир дивизии полковник И. М. Дзусов, начальник политотдела дивизии полковник Д. К. Мачнев и начальник штаба полковник Б. А. Абрамович.

Когда мы вошли в кабинет, навстречу нам из-за стола поднялся немолодой, крепко сложенный человек с волевым крупным лицом, бритой головой и массивными очками на переносице. Грубовато, с легким кавказским акцентом он пригласил нас сесть, а сам вернулся за тот же стол, на свое место между двумя другими полковниками.

Справа от комдива сидел худощавый, подтянутый, с портупеей через плечо Дмитрий Константинович Мачнев. Внешне он был похож на тех несгибаемых комиссаров, которых описывали в книгах, показывали в кинофильмах о гражданской войне.

Слева сидел небольшого роста, коренастый, с броскими чертами смуглого красивого лица Борис Абрамович Абрамович.

Полковник Дзусов стал командиром дивизии месяц назад. До этого, еще с довоенной поры, он командовал 45-м, теперь уже 100-м гвардейским истребительным авиационным полком этой же дивизии. Полковник Мачнев был комиссаром дивизии со дня ее формирования - с мая 1942 года, Абрамович начальником штаба с ноября 1942 года.

И вот командование дивизии подробно расспрашивает каждого из нас о жизни до войны, об учебе в училище, об опыте летной работы. Затем нам рассказали о положении на фронте, о боевом пути дивизии. Помнится, полковник Дзусов особенно много внимания уделил тактике, хитрости и коварству фашистских летчиков. Он с гордостью говорил, что именно здесь, в небе Кубани, наши воздушные бойцы противопоставили гитлеровцам научно обоснованную тактику воздушного боя, что много нового внесли летчики дивизии, что нам предстоит все это изучить прежде, чем идти в бой.

Пользуясь затишьем на фронте, комдив решил дать нам возможность недельку-другую потренироваться в технике пилотирования, в ведении учебного воздушного боя с учетом опыта минувших сражений. С этой целью он и назначил нашим руководителем лейтенанта Б. Б. Глинку, опытного инструктора, одного из лучших летчиков дивизии.

- Мы одержали крупную победу здесь, на юге, но противник

еще силен. До Берлина далеко. Так что учитесь воевать, возможность есть. Я верю в вас! В добрый путь.

Уходя, Дзусов спросил:

- А вы что же, все в сержантах ходите?

Мы не поняли вопроса комдива и на всякий случай промолчали.

- Борис Абрамович, разберитесь, - указал он начальнику штаба. - Приказ в мае был. Летчиков надо срочно переаттестовать.

Мы уже больше месяца ходили в сержантах, не зная о том, что всем нам еще в мае было присвоено звание младших лейтенантов. В то время подобное случалось нередко: люди переходили с фронта на фронт, из одной армии в другую, а документы намного опаздывали.

Около двух недель ежедневно наша группа тренировалась по программе, разработанной лейтенантом Б. Б. Глинкой. Каждый из нас старался, делал все возможное, чтобы показать, на что он способен в воздухе. И в первые дни оценки, которые скупо давал на разборе полетов Борис Глинка, вселяли надежду, что дела мои не плохи. Школа Глинки благодаря его опыту и нашим неустанным стараниям усваивалась успешно.

Но как бывает в жизни? Вот-вот финиш, цель близка - и вдруг разом все обрывается. Недаром говорят: старые ошибки не забывай - споткнешься. С первых полетов в аэроклубе, реже в авиашколе, периодически и в боевом полку у меня повторялась одна и та же ошибка на посадке - высокое выравнивание. Летчики знают, как и чем в различных ситуациях это кончается.

Тогда стоял ясный, солнечный день. Я выполнил на "отлично" несколько полетов. И вот последний...

Планирую после четвертого разворота, четко вижу посадочный знак, но тут резкая, необычная команда по радио: "Ниже! Ниже! Ниже!.." Скорее почувствовал, чем увидел, - высоко. В оставшиеся секунды сделать, однако, ничего не успел, и самолет без скорости с небольшим левым креном грубо упал, не долетев до посадочного "Т". Что-то треснуло... Машина неуклюже на правой и передней стойке шасси с плавным уклонением влево не катилась, а ползла. Ползла, казалось, вечность. Наконец самолет остановился. Я выскочил из кабины, посмотрел под фюзеляж - левой стойки шасси нет. Она осталась далеко позади, на месте первого приземления.

Подбежали техники, механики, пилоты-однокашники - смотрят сочувственно. Неторопливой походкой подходит Глинка. Мелькнула было мысль скрыться. Но где?! А Борис Борисович уже рядом и спокойно спрашивает:

- Ну что, все собрались? Подумаешь - нога оторвалась! Товарищ инженер, оттащите самолет на заправочную, поставьте новую стойку шасси и продолжаем полеты. Время - деньги.

Я не верил своим ушам: ждал разноса, всевозможных упреков, взысканий, как это часто делалось в подобных случаях. А тут:

- Ну а ты, пилот, что приуныл? - Глинка отыскал меня глазами: - Зевнул, зевнул немножко... Я же подсказывал - ниже! Не успел... Ну ничего, не такое бывает...

Стою, опустив голову, чувствую, нужно что-то сказать, а слова на ум не идут.

- Все задания сегодняшние выполнил? - спрашивает Глинка.

- Последний полет был, - отвечаю тихо.

- Ну ладно. Слетай вне плана вон на том крайнем самолете по кругу и успокойся.

Не верю, не может быть! Стою как вкопанный.

- Что стоишь, боишься, что ли? - улыбается Глинка.

Я пулей рванулся к самолету. От волнения дрожат руки. Это замечает механик и начинает меня успокаивать:

- Таких случаев при переучивании у нас много бывало. Слабые стойки шасси больное место, у этих самолетов...

Слушаю, знаю, что это неправда, что говорится это только для меня, чтобы приободрить, поднять настроение. А сам запускаю мотор. И вот уже выруливаю, взлетаю...

Посадку я произвел отлично, но все словно во сне.

На разборе полетов о моей неудаче Борис Глинка промолчал. Получилось так, что и друзья-пилоты вроде бы ничего не видели. Только Женя Денисов не удержался и заключил с восхищением:

- Во метода! А какой смелый наш ББ!..

Я же не переставал думать о злосчастной посадке, твердо был уверен, что все еще впереди и за поломку поплачусь сполна. К счастью, я глубоко тогда ошибался.

Умный, тонкий, чистый человек был мой первый фронтовой учитель. Чертовски нам всем повезло, что попали к нему. В Борисе Глинке была сильно развита ироническая жилка. Иронией он заменял окрики и внушения, и действовала она лучше всяких выговоров. Когда Бориса Глинку отозвали на повышение, мы горевали так, словно теряли родного человека. Да он и впрямь стал родным.

После войны, окончив военно-воздушную академию, Борис Борисович Глинка занимал высокие командные должности и продолжал учить молодежь многотрудному искусству воздушного боя.

* * *

...Программа нашей тренировки закончилась. Мы прошли короткую, но хорошую школу подготовки. И вот всех пилотов распределили по полкам. Гучек, Кондратьев, Шанин, Денисов, Можаев, Кшиква, Богашов и я попали в 45-й, только на днях переименованный в 100-й гвардейский истребительный авиационный полк. Остальные ребята - в 16-й и 104-й гвардейские истребительные авиаполки 9-й гвардейской истребительной авиадивизии.

Наш, 100-й гвардейский, был сформирован еще до войны, в 1938 году. Боевые действия начал в Крыму в боях по обороне Севастополя. Большой вклад внес полк и в оборону Северного Кавказа в период с июля по сентябрь 1942 года.

Высокая активность гитлеровцев рвущихся к кавказской нефти, требовала максимального напряжения наших войск, особенно авиации. И в ожесточенных воздушных боях летчики полка сбили 34 немецких самолета. Мужеством, мастерством отличились здесь Михаил Петров, Николай Лавицкий, Дмитрий Глинка и многие другие пилоты. 23 августа 1942 года в схватке против шести Ме-109 Василий Вазнан, умело маневрируя, сбил один "мессер", а когда кончились боеприпасы, пошел на таран. Герой погиб смертью храбрых...

Необычайно велик был успех полка в битве над Кубанью. За два месяца напряженных воздушных боев летчики сбили 118 фашистских самолетов! Особо отличившимся пилотам - братьям Борису и Дмитрию Глинка, Павлу Берестневу, Николаю Кудре и Дмитрию Ковалю было присвоено звание Героя Советского Союза. По два-три ордена получили летчики Николай Лавицкий, Михаил Петров, Иван Бабак, Василий Шаренко, Гедалий Микитянский, Дмитрий Шурубов, Виктор Островский... Но поредел и летный состав полка. Навсегда остались в кубанской земле мужественные воздушные бойцы Дмитрий Коваль, Николай Кудря, Владимир Канаев, Иван Шматко, Николай Кудряшов, Александр Поддубский.

О гибели Шматко, Поддубского и Кудряшова подробно рассказал в своей книге "Звезды на крыльях" один из лучших летчиков полка, мой боевой учитель и друг Иван Ильич Бабак. Вот как описывает он тот памятный бой:

"Время патрулирования группы над отведенным участком линии фронта - это было северо-западнее Красноармейской - подходило к концу... А в стороне, как назло, появилась четверка "мессеров". Когда мы развернулись, чтобы следовать на свой аэродром, они устремились за нами, чтобы атаковать с задней полусферы. Тогда ведущий группы Петров дал команду развернуться и перестроиться в боевой порядок для атаки.

"Мессеры" начали явно уклоняться от боя. Но здесь мы заметили, что чуть выше, в стороне, находится еще восемь истребителей, которые готовятся к атаке с верхней полусферы. Когда наша группа стала принимать соответствующий боевой порядок, чтобы контратаковать эту восьмерку на встречных курсах выше - теперь сзади! - мы увидели еще одну группу немецких самолетов, тоже подготовившихся к атаке. Стало ясно: четверка "мессеров" должна была отвлечь внимание наших летчиков, атаковать же противник собирался другими, значительно большими силами. Бой предстоял тяжелый: противник имел значительный численный перевес и тактическое превосходство. К тому же горючее в баках наших самолетов было на исходе.

Несколько раз пробовали то одна, то другая группа фашистов атаковать нас, но хорошо построенный боевой порядок и четкое взаимодействие пар не позволяли им добиться успеха, и все же кольцо вокруг нас сжималось.

Вот опять группа "мессеров" норовит зайти сбоку и сзади. Как только Петров стал разворачивать группу, один из немецких летчиков, находившихся выше, резко перевел свой самолет в пике. "Мессер" камнем устремился на нашу группу, оставляя за собой два дымчатых шлейфа - следы от выстрелов пушек, размещенных в крыльях. Еще миг - и он проносится вниз, а самолет Поддубского переворачивается на "спину" (кабиной вниз) и начинает падать в плоском штопоре, словно осенний лист, оторвавшийся от дерева.

Бой продолжался, но каждый из нас ловил мгновение, чтобы посмотреть на самолет Поддубского, который неумолимо приближался к земле. Вслед ему неслись советы; "Саша, прыгай!", "Саша, покидай самолет!", а затем прозвучала команда: "Поддубский, приказываю прыгать!" Но летчик не смог покинуть горящую машину...

А бой разгорался с новой силой. Даже трудно сейчас представить, как удавалось Петрову сохранять необходимый порядок и командовать группой: атаки противника следовали одна за другой, огненные трассы кинжалами скрещивались вблизи наших самолетов. Кажется, еще мгновение - и резанет по самолету смертоносный свинец. Но нет! Молодцы наши ребята, не растерялись в этой ситуации. А вот уже и первый "мессер" начал падать, переваливаясь с крыла на крыло. Вскоре загорелся второй. Летчик повел машину на снижение, стараясь сбить бушевавшее пламя.

И опять по радио нерадостная весть:

- Ранен... выхожу из боя...

Это голос Бориса Глинки. Снаряд попал прямо в его кабину.

Каждый из нас хотел прийти на помощь раненому летчику, но сделать это не было никакой возможности. Каждая наша пара (группа уже распалась на отдельные пары, все еще стремившиеся взаимодействовать между собой) была связана несколькими парами противника.

Когда Борис Глинка стал выходить из боя, за ним последовали четыре пары "мессеров". Они непрерывно бросались в атаки, чтобы добить поврежденный самолет, но все их наскоки умело отражал молодой летчик сержант Кудряшов, ведомый Бориса Глинки. Тогда гитлеровцы сосредоточили огонь по самолету Кудряшова и после нескольких атак подожгли его.

Сержант Кудряшов передал по радио: "ББ, я горю, прикрывать больше не могу". Его самолет направился в сторону. Набирая высоту, летчик готовился, очевидно, покинуть горящую машину на парашюте. А самолет ББ фашисты стали брать в клещи. Казалось, судьба нашего летчика предрешена...

И вдруг на виду у всех самолет Кудряшова разворачивается и горящим факелом несется на гитлеровца, который вплотную пристраивается к машине Бориса Глинки. От удара при столкновении двух самолетов на миг вспыхнул яркий огненный факел. И все... Как будто в невиданную пропасть провалились оба.

А через несколько минут ситуация повторилась: теперь загорелся самолет старшего лейтенанта Ивана Шматко, а его ведомый сержант Кудря, отсеченный от наших самолетов, попал в трудное положение. Теперь старший лейтенант отказывается от единственной возможности спасти жизнь, выбросившись на парашюте, и идет на таран...

Эти два тарана стали переломным моментом боя. В действиях противника почувствовалась неуверенность.

Из восьми наших самолетов на аэродром вернулось пять, только три из них были невредимы, а летчики не ранены: Петров, Дмитрий Глинка и я. Дорого поплатился враг за гибель наших товарищей: из 30 его самолетов, участвовавших в бою, 13 было сбито и упало в расположение наших войск".

Об этом бое нам, молодым пилотам, постоянно рассказывали его участники. Это была жестокая схватка, символизировавшая боевое братство, доблесть и мужество советских воинов. И таких боев было немало. Поэтому наши летчики и завоевали в небе Кубани господство в воздухе и удерживали его до полной победы в небе Берлина.

* * *

В полку нас распределили по эскадрильям, а там, в свою очередь, - по звеньям. Петя Гучек попал ведомым к самому Борису Глинке, Женя Денисов - к командиру эскадрильи Микитянскому,

Вася Можаев - к Шурубову. Им крупно повезло (так мы тогда все считали). Меня же ведомым определили к младшему лейтенанту В. Сапьяну, и я, откровенно говоря, поначалу был огорчен, думал, что виной всему - моя злополучная посадка. Но вскоре убедился, что лучшего ведущего мне не найти.

Василий был скромный, застенчивый, тихий, ко всем очень внимательный и серьезный. У него было редкое по нынешним энергичным временам, почти исчезающее качество - он умел слушать. Спокойно, не перебивая, думая над словами собеседника. Я сделал с Василием несколько первых боевых вылетов. И получилось так, что благодаря его умелому, бережному и вместе с тем требовательному вводу в строй впоследствии прослыл одним из лучших ведомых полка.

А на боевое задание первым из нас вылетел Иван Кондратьев. К этому времени в полку уже выработалась четко продуманная методика ввода молодых летчиков в строй. Какова бы ни была группа, больше одного новичка на боевой вылет в нее не включали, причем постоянно наблюдала за ним и оберегала его, порой в ущерб общему замыслу боя, вся группа.

Мы с нетерпением ждали ушедших на задание, чтобы от самого первого побывавшего в бою узнать; как оно там, в атаке... Но Иван Кондратьев из этого полета не вернулся.

Настроение резко упало: ведь Кондратьев по технике пилотирования был лучшим среди нашего выпуска. К тому же все "старики" вернулись невредимыми, даже одержали победы, а для Кондратьева первый полет оказался роковым...

Ведущим у Кондратьева был лейтенант Василий Бондаренко, который прибыл в полк всего несколькими днями раньше нас. Это был веселый, никогда не унывающий летчик. Вася неплохо играл на баяне и пел украинские песни, лихо отбивал чечетку. Своими рассказами о боевой работе он привлек к себе общее внимание, и даже Иван Бабак намеревался присмотреться к его хватке, поучиться воевать.

Для Бондаренко этот боевой вылет в нашем полку тоже был первым. Видимо, переоценил он свой в общем-то скромный опыт первых месяцев войны и не смог своевременно оказать помощь ведомому в сложной обстановке. К счастью, Иван Кондратьев остался жив. Он выпрыгнул с парашютом и к вечеру вернулся в расположение полка. Радости нашей не было предела!

Впоследствии они хорошо слетались парой, прекрасно понимали друг друга в воздухе и на земле. Василий Бондаренко стал Героем Советского Союза, а Иван Кондратьев прослыл храбрейшим летчиком полка.

Первый боевой вылет, первый воздушный бой, первая победа

- эти события фронтовой жизни в подробностях помнятся каждому пилоту. В последующих боях, радость от побед не меркнет. Но счастье первых победных атак навсегда оставалось с нами. Не боясь показаться сентиментальным, скажу, что такое счастье, наверное, сродни чувству первой любви...

В июле в небе Кубани было сравнительно спокойно. Не каждый боевой вылет заканчивался воздушным боем, как это было в марте - апреле. Вот и мое боевое крещение оказалось, образно говоря, холостым. Но командир группы капитан Петров на этот раз разбор полета провел особенно тщательно. Остановившись на несоблюдении установленного боевого порядка в парах, он кивком указал в мою сторону. "Излишне много разговоров по радио" - это также относилось к нашей паре, вернее, к моему ведущему Сапьяну, который чересчур заботливо опекал меня.

В конце разбора ведущий группы совсем огорошил меня - приказал нам с Васей потренироваться на земле по системе "пеший по-летному". "Плохи мои дела, подумал я, - надо стараться". И старался. Ходили мы по аэродрому с Сапьяном, растопырив руки, - атаковали невидимого противника, сами уходили из-под атаки, в азарте нарушая боевой порядок, отчего мой олимпийски невозмутимый ведущий повышал голос и повторял маневр.

Эта нехитрая методическая форма тренировки в слетанности, в понимании выполняемых маневров и замысла предстоящего полета, так метко названная "пеший по-летному", до сих пор одна из лучших форм подготовки летного состава.

А с противником я не встретился и в трех последующих боевых вылетах. Гучек, Денисов, Караваев уже провели по воздушному бою. И мы подробно, втайне от "стариков" анализировали их до глубокой ночи. Правда, анализ этот был весьма относительный: мало еще разбирались ребята в динамике боя.

И вот мой пятый боевой вылет... В тот день ведущим группы был капитан Дмитрий Глинка. Еще задолго до вылета Василий Сапьян предупредил меня:

- Полетишь ведомым у ДБ.

Почему принято такое решение и кем - спрашивать не стал. Знал, что летать с Дмитрием почетно, хотя и нелегко. Это был прирожденный летчик-истребитель. Как и старший брат, Дмитрий Глинка был высокого роста, волевой взгляд из-под коротких бровей придавал лицу строгое, даже суровое выражение, и мы, молодые, откровенно побаивались этого взгляда. Мастер воздушного боя, Дмитрий очень метко стрелял с коротких

дистанций, пилотировал с большими перегрузками, чаще всего не предупреждая о своем маневре по радио.

Долгое время ведомым Дмитрия летал Иван Бабак. Об этом воздушном бойце мы услышали задолго до того, как увидели его. А встретились - и немало удивились. Представляли себе сурового великана, а перед нами оказался симпатичный, несколько сутуловатый, лейтенант. Иван был невидным, но умное лицо и всегда изысканная опрятность делали наружность его довольно приятной. Честный и прямодушный, он отличался тонкостью, свойственной людям его профессии (до войны Бабак работал учителем). Откровенность его, совсем непритворная, была, однако же, не без расчета: он так искусно, шутливо, необидно умел говорить величайшие истины людям сильным, что их самих заставлял улыбаться. Словом, очень быстро и незаметно Иван стал среди нас "своим" - не бывалым "стариком", а скорее, опытным старшим братом. Теперь он уже сам водил пару. Ведомым к нему определили Валентина Караваева.

В моем пятом боевом вылете эта пара стояла в нашем звене, летевшем в качестве ударной группы. Вторую четверку возглавлял командир эскадрильи капитан Микитянский с ведомым Денисовым, который к этому времени успел совершить десять боевых вылетов и участвовал в двух воздушных боях. Ведущий второй пары старший лейтенант Лавицкий взял к себе ведомым Сапьяна.

Стоя в строю и слушая предполетные указания Дмитрия Глинки, я думал, что при встрече с пашей группой никаким гитлеровским эскадрам несдобровать, хотя на себя я не очень рассчитывал. Дмитрий, как всегда, был немногословен. Еще раз уточнив место и задачи каждой пары в боевом построении, а также время взлета, он обратился ко мне:

- Ну а ты, Горачий, будешь выполнять только одну задачу - держаться моего хвоста. Оторвешься - убьют. Немцы ждут одиночек, специально пары такие держат в воздухе, вроде охотников. Понял? - Заметив робость новичка, мой ведущий, уже уходя к самолету, на ходу добавил: - Да ты не дрейфь, Горачий, не дрейфь Г В обиду не дадим. Сзади нас Бабак, а еще выше Лавицкий о Микитянским. Это же во братва! - И показал большой палец.

Разумеется, каждый боец - характер на свой лад, со своими особенностями, но есть еще и фронтовое братство, которое, не стирая индивидуальности, придает новые силы, столь необходимые для того, чтобы перенести тяготы и скорбь трагических обстоятельств, неумолимо возникающих на войне. Эти силы - та нравственная чистота, которая не внушалась

поучениями или приказами и возникала в сознании не по абстрактным кормам и застывшим рецептам, а формировалась во фронтовом братстве, проверялась жизнью и смертью...

Взлетели мы парами. Быстро собрались и в установленном боевом порядке эшелонированно по высоте и в глубину - с набором высоты пошли к линии фронта для прикрытия наших войск. Строго держал свое место: справа сзади и чуть выше самолета ведущего. Хотелось посмотреть, где остальные, но боялся оторваться. Слышал, Дмитрий докладывал на землю, что прибыли в район на работу, просил сообщить обстановку.

- Пока спокойно. Выполняйте задание, - ответила земля.

На солнце шли с набором, затем разворотом "все вдруг" от солнца со снижением и разгоном скорости. Чуть больше скосил взгляд влево - увидел пару Бабака. Ходили уже минут десять. Все тихо. И вдруг...

- ДБ, с запада большая группа! От вас на встречных на одной высоте смотрите! - передала наземная радиостанция.

- Пошли выше на солнце! Всем смотреть! - скомандовал Дмитрий.

И началось... Четкие, отрывистые команды - то Глинки, то Бабака, то Микитянского:

- Атакуем слева! Прикрой, Коля!

- Смотри снизу, отсекай!

Чаще всего слышались команды для меня:

- Крути влево, Горачий. Держись!..

Куда крутили, зачем - я понимал плохо и, кроме хвоста машины своего ведущего, ничего не видел. А перегрузки такие, что временами в глазах темнело. "Когда же все это кончится? - вкрадывалась мысль. - А может, никакого боя и нет? Может, это летчики меня тренируют да проверяют?" Но нет, судя по возбужденным командам и сложным стремительным маневрам, наверное, все-таки бой. Временами в поле зрения я все же замечал силуэты самолетов, но чьи машины - наши или противника - различить не мог.

Все как-то разом вдруг утихло. Последовала команда с земли, разрешавшая следовать на посадку, при этом была передана благодарность за работу. На аэродром вернулись попарно, с небольшими интервалами по времени. Мы с Глинкой сели последними. Зарулив и выключив мотор, заметил, что самолет несколько накренился вправо. Поспешно вылез из кабины. Увидел теплый, сочувствующий взгляд встречающего техника:

- Трудно пришлось?

- Нелегко!

- Эх, прикрыть не могли молодого! Куда смотрели?.. - ворчал мой встречающий.

Оглядев хвостовое оперение, затем изрешеченную правую плоскость и спущенную стойку шасси, я понял, что побит действительно крепко. Более двадцати пробоин насчитал техник в моем самолете. Сразу стало как-то не по себе...

Подошел Дмитрий Глинка, поздравил с боевым крещением.

- Молодец, удержался... - сказал скупо и пошел своей неторопливой, ровной походкой на КП.

Не помню, сколько я сидел под моим израненным самолетом в глубоком раздумье. Только вдруг заметил - рядом Иван Бабак. Спокойно, не торопясь, по-пилотски жестикулируя для ясности, рассказал мне Иван Ильич все подробности прошедшего боя. Объяснил, что это был сложный, неравный по силам, но выигранный нами бой. Главное же, что мы не понесли потерь, а четверых гитлеровцев фюрер недосчитается.

Бабак особенно подчеркнул в своем рассказе действия ведомых, отметил, что в таком трудном, маневренном бою я не оторвался от ведущего, а это редко кому удавалось в первой боевой схватке.

- Что, и вас так били? И вы ничего не видели и не понимали?.. - робко спросил я, в глубине души надеясь на поддержку.

Иван Ильич подробно, не рисуясь, рассказал мне о своем

боевом крещении, о первых воздушных боях других, теперь уже известных летчиков. О многом мы говорили в тот трудный для меня день. Итог его был очень важен для меня: я поверил в себя, а еще больше - в смелых и преданных друзей-однополчан. Один из них стал для меня другом на всю жизнь - человек рыцарского, героически самозабвенного отношения к своему долгу перед Родиной Иван Ильич Бабак.

Огненные рубежи

Вот уже несколько дней, как мы всей дивизией перебазировались с Кубани на очищенную от фашистской погани украинскую землю, на юг Донбасса. Кругом разруха, вместо городов - груды развалин, вместо деревень - обгоревшие, скособочившиеся одинокие трубы печей.

До жгучих слез тяжело смотреть на освобожденных от немецкого ига людей. Худые, оборванные, голодные... На лицах отпечатались невыносимо трудные два года мук, насилий и истязаний. Это те, кто выжили. А сколько еще томится в фашистских застенках по всей Европе!.. Сердца солдат спекались от огня и страданий; "Мстить, мстить, мстить!.."

И в небе Донбасса я одержал свою первую победу. Это произошло в наш праздник - День Воздушного Флота, 18 августа 1943 года.

Мы вылетели тогда на прикрытие наземных войск в районе Голая Долина, Богородицкое, Красный Лиман. Ударную группу из шести самолетов возглавлял капитан Шаренко. Группу прикрытия, также из шести самолетов, вел капитан Микитянский. Наша пара находилась в ней выше всех со стороны солнца.

И вот появились "мессершмитты". Они пришли в этот район явно с целью связать нас боем, так как следом за ними с незначительным интервалом по времени под прикрытием истребителей летела большая группа Ю-87 для выполнения основной задачи - нанесения бомбового удара по нашим войскам. Первой в борьбу с восьмеркой Ме-109 вступила группа Шаренко. В атаку на фашистских бомбардировщиков всем звеном пошел Микитянский. Нам же с Сапьяном он приказал связать боем истребителей прикрытия - двенадцать Ме-109.

Первоначальный замысел противнику удался. Ударная шестерка Шаренко на некоторое время была связана восьмеркой "мессершмиттов", и поэтому основную задачу - не дать прицельно отбомбиться группе Ю-87 - решали истребители Микитянского. Смелый и дерзкий их удар нарушил боевой порядок первой шестерки бомбардировщиков, однако следом шли вторая и третья группы Ю-87.

Летчики Шаренко, сбив два Ме-109, постепенно оттеснили

остальных с поля боя и ринулись на помощь Микитянскому. Общими усилиями удалось не допустить к цели и вторую шестерку бомбардировщиков противника. В это время наша пара завязала бой с группой прикрытия. Сапьян, искусно маневрируя, уходил из-под атак нескольких пар противника, но слишком неравны были силы...

Мой опыт уже позволял видеть складывающуюся обстановку. Я понимал, что нам необходимо еще немного продержаться, связывая истребителей прикрытия, и тем самым дать возможность Шаренко и Микитянскому решить главную задачу. Но, разгадав наш замысел, противник изменил тактику, ведь мы парой сковывали всю группу прикрытия. Гитлеровцы решили разделаться с нами побыстрее и, взяв в клещи сверху и сбоку, еще одной парой зашли снизу в хвост. Хорошо, что эту нижнюю пару я вовремя заметил и успел передать Сапьяну:

- Уходи под атакующих справа сверху, я отсекаю нижних!

Полупереворотом сваливаюсь на пару гитлеровцев, тут же круто закручиваю машину - и вот я в хвосте ведомого. Из всех семи точек даю очередь... Мимо... Эх и досада! Ошеломленный фашист переворотом выходит из боя, а ведущий пытается зайти мне в хвост, но - врешь! - на этом маневре меня не купишь. Секунды борьбы - и я в хвосте "худого", который пытается спастись переворотом. Иду за ним. Близко земля, растет скорость. Даю очередь - "мессершмитт" вроде бы споткнулся, клюнул носом, и тут же взрыв. Меня сильно тряхнуло. Рванул ручку на себя - машина вздыбилась вверх. Никого не слышу. Что же там с нашими? Попытался запросить по радио, но по-прежнему тихо. Куда же я ушел, где нахожусь?

Ориентировка над Донбассом сложная. Нас предупредили, что в случае отрыва от ведущего, потери ориентировки проще всего взять курс 90 градусов и производить посадку на наш первый попавшийся аэродром. Так и делаю. Беру курс 90, лечу, а стрелка бензиномера все ближе и ближе к нулевому делению. Где же эти аэродромы? В воздухе тихо. Постоянно осматриваюсь. Кажется, лечу уже вечность, да к тому же не знаю, над чьей территорией...

И наверное, я обрадовался больше, чем Робинзон Крузо, заметивший подплывающий корабль, когда наконец увидел впереди аэродром. Лечу напрямую, жду: вот-вот мотор встанет - стрелка бензиномера на нуле. Захожу на посадку с ходу, и тут мелькнула недобрая мысль: "А вдруг аэродром не наш?.." Сектор газа вперед до отказа, лучше плюхнусь где-нибудь в поле, чем... Но тут мотор несколько раз надрывно заскрежетал и замолк. Стало тихо. Скорости хватило, чтобы перетянуть через дорогу и

приземлиться на аэродроме далеко от посадочных знаков. На мое счастье, эта часть летного поля была сравнительно ровной. Еще на пробеге увидел самолеты со звездами на фюзеляже и облегченно вздохнул...

Со всех концов аэродрома, как это всегда бывало, когда садился кто-то чужой, бежали техники, механики и все, кто был свободен. С любопытством разглядывали самолет и с каким-то особым уважением посматривали в мою сторону. Я не спеша вылез из кабины. Посыпались вопросы.

- Что за самолет?

- Не видишь, деревня, "Кобра" американская! - ответил за меня кто-то.

- Откуда прилетел? Почему мотор тут выключил? - полюбопытствовал один из механиков.

- В гости к тебе. Видишь, звезд сколько привез, - съязвил другой.

Подъехала машина, и все расступились, давая пройти вышедшему из полуторки капитану, которому прямо на ходу старший из присутствующих что-то докладывал.

Капитан понимающе посмотрел на чужой самолет, подойдя ко мне, представился: это был инженер полка.

- Что, командир, вынужденно к нам? - спросил.

- Вынужденно... 22 звезды! Один целый полк фашистский угробил. Вот как воевать надо! - указывая на звездочки на фюзеляже моего самолета, проговорил стоявший рядом с инженером техник.

И только тогда я понял особый интерес ко мне всех собравшихся. Я ведь совсем забыл, что в этот раз на боевое задание ушел на самолете старшего лейтенанта Лавицкого. И звездочки на фюзеляже его машины - количество сбитых Лавицким самолетов.

- Товарищ инженер, пожалуйста, заправьте мой самолет горючим. Только что из боя, но вот до своего аэродрома не дотянул, - тут же обратился я к капитану, сообразив, что здесь я не младший лейтенант Дольников, а знаменитость и таким положением можно воспользоваться.

- Это мы быстро, - ответил он и отдал распоряжение. - Вот только насчет бензина сомневаюсь: какой вам надо? Техника-то американская, а мы, как видите, на Ил-2 воюем.

К моему стыду, я точно не знал, каким бензином заправлялись наши "Кобры".

Спрашиваю у инженера:

- А у вас какой бензин?

- Б-70.

- Лейте, долечу, - лихо приказал я.

Хотелось поскорее улететь к себе - знал, что там волнуются, ищут... Но я еще не выяснил, на каком же, собственно, аэродроме нахожусь и как лететь домой.

Спрашивать в открытую было как-то неудобно, ведь в глазах присутствующих я не младший лейтенант, только что сбивший первый самолет, а по меньшей мере капитан, уничтоживший более двух десятков фашистских стервятников...

Тем временем слух о посадке знаменитого аса дошел до пилотов, и вот они в комбинезонах, как и я, с планшетами через плечо, по двое, по трое потянулись к месту, где я руководил заправкой самолета. Штурмовики наперебой расспрашивали, когда сбил первого, когда последнего фашиста, когда было труднее воевать: год назад или сейчас. Было множество и других вопросов, и как отвечал, как выкрутился из создавшегося положения - не помню.

Потом, взяв полетную карту у одного из пилотов, как бы невзначай я поинтересовался о заходе на посадку на их аэродроме. Затем попросил об одолжении - прикинуть на карте курс и время на мой аэродром: мол, некогда. Сел, как оказалось, на полевом аэродроме в Купянске, и лететь до своих предстояло довольно далеко.

Наконец я, к радости однополчан, особенно моего ведущего Василия Сапьяна, благополучно вернулся на аэродром. К вечеру появился и Коля Новиков, выпрыгнувший на парашюте. Следовательно, мы потеряли только один самолет, а сбили шесть. Подтвердилось и место падения сбитого мной Ме-109.

Вот запись из боевого донесения полка, хранящегося в архиве: "Гвардии младший лейтенант Дольников, будучи в паре ведомым у гвардии младшего лейтенанта Сапьяна, во время воздушного боя погнался за Ме-109, который уходил от него левым переворотом. Догнав его на бреющем в 12 километрах западнее Красного Лимана, загнал в землю. Сам после этого произвел посадку в Купянске, где заправился и прилетел на свой аэродром".

Вечером при подведении итогов за день командир полка поставил в пример всем работу группы Шаренко. Вместе с тем он указал на неправильность моих действий. Как ведомый, я не должен был гнаться за сбитым мной самолетом, необходимо было только отбить атаку и снова пристроиться к ведущему. За сбитый же самолет комполка поблагодарил и приказал представить меня к награде.

В тот вечер на разных уровнях долго обсуждался боевой вылет нашей группы. И конечно, мои действия вызвали много

споров среди молодых пилотов, хотя большинство ребят сошлись на том, что отрыв от ведущего при подобном исходе боя был все же правильным. А я чувствовал неудовлетворенность и даже вину перед Сапьяном - все-таки бросил его... А пара не должна распадаться...

В тот вечер за ужином боевые друзья шутили:

- Да здравствует рыцарь крестового туза, "Горачий" белорус Рыгор, сын Устина, ура!

- Есть предложение послать "горбатым" в Купяпск телеграмму о новой победе их сегодняшнего знаменитого гостя!

- Придется Гришке догнать Лавицкого!

- Подумаешь, осталось-то всего ничего - 21 гада прибить!..

Так пилотская братва, всякий раз в часы затишья, чаще вечерами за ужином (особенно когда подкреплялись по "фронтовой"), любила пошутить. За простоватостью и ребячливостью суждений, за высокопарностью языка порой скрывались удивительная зрелость и внутренняя красота нравственных чувств, глубокое и цельное понимание гражданского долга, осознанная любовь к родной земле, решимость защищать ее до последнего дыхания...

* * *

Август 1943 года был, пожалуй, самым напряженным для нас временем за всю войну. За один месяц - с 3 августа по 1 сентября - нашим полком было выполнено 897 боевых вылетов, сбито 63 самолета противника. Рекордным этот месяц был и для меня: в 35 боевых вылетах я провел 16 воздушных боев, сбил 3 вражеских самолета. За этими сухими цифрами огромнейшее напряжение, непомерная усталость, но одновременно и окрыленность, радость побед. Меня охотно брали на самые трудные задания. Доверие придавало сил, а молодость и трудовая закалка помогли выдержать небывалые перегрузки, как физические, так и психологические.

Но наши многочисленные победы оплачивались немалыми потерями. За этот месяц полк потерял 15 самолетов и четырех летчиков. Особенно тяжело переживали в полку гибель командира эскадрильи капитана Микитянского.

...В тот трагический день боевые действия начались с рассветом. Мы прикрывали свои войска в районе Калиновка, Криничка, Артемовна, Алексеевка. Группы прикрытия регулярно менялись в воздухе. Фашистские летчики эшелонированно, большими группами бомбардировщиков в сопровождении истребителей непрерывно рвались в расположение советских частей и соединений, Командование требовало усилить отпор врагу, не допустить вражеской бомбардировки наших войск. В

полки то и дело приезжали представители фронта, армии, и наш неутомимый комдив Дзусов постоянно был среди летчиков. Его советы, личное участие в боевых вылетах вдохновляли пилотов. Несмотря на огромное напряжение и усталость, мы рвались в бой.

И вот в 10 часов утра 22 августа 1943 года очередную шестерку на прикрытие войск повел командир эскадрильи капитан Микитянский. Мы все любили этого скромного, грамотного летчика, требовательного и необычайно заботливого командира.

Ведомым у Микитянского был младший лейтенант Борис Лихонос, прибывший в полк незадолго до конца боевых действий па Кубани. Вторыми летели Василии Сапьян и я, а прикрывающей парой - Дмитрий Глинка с Иваном Кондратьевым. По прибытии в заданный район с ходу вступили в бой с подходившей группой "юнкерсов" из 15 машин, прикрываемых шестеркой Ме-109.

Это была короткая, но решительная схватка. Уже в первой атаке боевой порядок бомбардировщиков был расстроен. Еще одна смелая атака - и мой ведущий с короткой дистанции зажег Ю-87, который упал факелом, рассыпаясь в воздухе. Дмитрий Глинка с Иваном Кондратьевым закрутились на вертикалях с шестеркой "мессершмиттов". Вскоре один из них, сраженный Дмитрием Глинкой, рухнул на землю.

Прорвавшаяся к нам незаметно сверху со стороны солнца при очередной атаке по "юнкерсам" пара "худых" зашла Василию в хвост. Я заметил их поздновато и крикнул Сапьяну:

- Крути вправо!

Но очередь фашиста все-таки прошила хвост "Кобры". (Всю следующую ночь наши неутомимые технари клеили и штопали многочисленные пробоины, к утру самолет был в строю.)

А где же Микитянский?.. Несколько дерзких, решительных атак комэска окончились еще одним сбитым стервятником, но и самолет Микитянского загорелся. Тогда командир направил свою горящую машину на ведущего группы бомбардировщиков.

Так героически погиб наш любимый комэск. Могила его осталась безымянной, но память о нем живет в сердцах ветеранов...

Не менее тяжело переживали мы другую утрату - гибель штурмана полка майора Федора Михайловича Телегина. Человек легендарной биографии, Федор Михайлович воевал в гражданскую, был награжден орденом Красного Знамени, который носил с особой гордостью. Своей житейской мудростью, огромным опытом летной работы он щедро делился с молодежью, был приветлив, доступен каждому, но вместе с тем и строг. Несмотря на нелетный возраст, штурман полка активно

участвовал в боевых действиях. Пилоты наблюдали за ним в воздухе, оберегали по возможности, но в тот роковой вылет Федора Михайловича не уберегли...

Всякий успех, даже маленькая победа оплачивались на войне кровью, но количество жертв зависело от многих условий, некоторые из них можно было, необходимо было предугадать и предусмотреть. Что же случилось? И почему не вернулся с боевого задания майор Телегин?

В том вылете группа капитана Шаренко прикрывала наши войска в районе Розенталь, Ворошиловка, Эрастовка, что расположены северо-западнее Большого Ток-мака. Ведомым у майора Телегина был лейтенант Тапин. Летчика этого мы знали еще по службе в 494-м истребительном авиационном полку: друзей он не имел, был высокомерен, пытаясь выделиться среди остальных даже своей внешностью, постоянно носил темные очки, говорил всегда с какой-то неестественной ехидной улыбочкой. До полка Тапин был инструктором в авиашколе. Отработав там технику высшего пилотажа, часта демонстрировал над аэродромом на глазах у всех свое мастерство. Но когда дело доходило до воздушного боя, эти свои способности Тапин почему-то будто терял и явно тушевался.

За месяц до гибели Телегина при невыясненных обстоятельствах не вернулся с боевого задания Виктор Островский, опытный и смелый летчик, имевший на своем счету около десяти сбитых фашистских самолетов. Пилоты, участвовавшие в том бою, видели, как Островский смело пошел в атаку на группу бомбардировщиков. Прикрывающие противника истребители тут же атаковали сверху сзади и подожгли самолет Островского. Ведомого на месте не оказалось, а им был лейтенант Тапин...

Мне хорошо запомнился другой вылет, когда Тапин пытался выйти из боя, но привлек к себе целую группу "мессеров". Мы вылетали тогда на прикрытие своих наземных войск. Ударную группу вел Борис Глинка, ведомым у него был Гучек. Затем шли пары Сапьян - Кшиква и Бабак - Караваев. Звено прикрытия возглавлял Дмитрий Глинка, я у него стоял ведомым, за нами Тапин с Кондратьевым.

Еще не дошли до района прикрытия, как получили предупреждение, что в заданном месте на разных высотах ходят звеньями "мессеры" и на подходе большая группа бомбардировщиков Ю-88. С земли приказали увеличить скорость, чтобы быстрее прибыть в район боевых действий. И вскоре мы вступили в бой - всей группой с ходу. Взаимодействие у нас было очень четким, потерь мы не несли. Противник же на первых

минутах недосчитался трех самолетов. По одному Ме-109 сбили Бабак и Борис Глинка, Караваев поджег Ю-88. К концу боя опять Бабак с Борисом уничтожили по одному Ме-109. Наше звено отражало многочисленные атаки истребителей прикрытия.

Но вот Дмитрий Глинка, искусно маневрируя, смело пошел в лобовую атаку на "мессеров". Фашисты дрогнули - с большой дистанции они открыли огонь и отвернули первыми. Этого-то мы как раз и ждали: развернулись круто влево и... в хвосте ведомой пары! А где же Тапин? Он должен был находиться слева выше, но я видел пока одну "Кобру".

- Кто сзади выше?

- Я, Кондрат.

- Где ведущий?

- Ушел вниз!..

Взгляд вправо вниз. Незабываемое зрелище! Пикирует "Кобра", а за ней, вытянувшись в цепочку, шесть "мессеров"...

- ДБ, справа внизу бьют "Кобру"!

- Вижу. За мной! - И Дмитрий Глинка переворотом свалился в хвост замыкающему "мессершмитту".

Я не успел осмотреться, как этот Ме-109, вспыхнув, пошел к земле. А Дмитрий уже пристроился к следующему. Короткая очередь - и второй самолет противника взорвался в воздухе.

- Горачий, вперед! Бей следующего, пока не опомнились. Видишь, увлеклись "Коброй"...

Я вышел вперед, пристроился к немцу, как будто в учебном бою, нажал на все гашетки, и вражеская машина, сделав полубочку, направилась к земле.

Только теперь оставшаяся тройка "худых", видимо, заметила опасность сзади. Фашисты, так и не догнав "Кобру", резким разворотом ушли на запад. А наша "Кобра" продолжала пикировать.

- "Кобра", "Кобра", ты кто?.. Выводи, выводи! - напряженно кричал по радио Дмитрий Глинка.

У самой земли истребитель вышел было из пикирования, но высоты уже не хватило. Я увидел пыльный след на недавно убранном поле. Это конец...

Но... что такое? Не верится глазам! Сделав круг, мы проходили над упавшей "Коброй", а она - целехонькая - лежала на "брюхе", и на ее плоскости стоял летчик. Это был Танин. Мягкий грунт и ровное поле спасли ему жизнь.

Прибыв в полк, Тапин опять выкрутился. Только теперь летчики не хотели летать с ним на задания. А вот Телегин, поверив еще раз, полетел... Вскоре после гибели штурмана Танина из полка убрали. Трус страшнее предателя.

За годы войны подобных людей я встречал единицы. Но таких не сразу распознаешь, расплата же за их трусость слишком дорога...

* * *

Напряжение последних августовских дней росло. До четырех-пяти, а то и до шести боевых вылетов, да еще с большими боями, выполняли пилоты полка. Некоторые, послабее физически, в конце дня вылезти из самолета самостоятельно не могли - помогали техники.

Запомнилось состояние: снимаю с педалей ноги, вытягиваю из кабины, последним усилием лихо соскакиваю с плоскости. Земля... Твердая земля! Ноги, будто чужие, вяло гнутся под тяжестью тела, волочу их к землянке на отдых. Сон нападает еще до постели. Сил хватает только на один сапог: кто-то сжимает руки и но отпускает - брякаюсь с размаху в крепкий сон...

31 августа 1943 года стоял солнечный день. Командир полка майор Сайфутдинов предупредил, что вечером перебазируемся на новое место.

До вечера далеко, а мы собираемся в четвертый боевой вылет, не отдохнув еще от предыдущего. Вот и команда "На взлет!". На этот раз идем шестеркой: Шаренко - Синюта, Петров - Берестнев, Лавицкий - Дольников. Лавицкий назначен командиром эскадрильи вместо погибшего Микитянского.

После взлета мы с Лавицким от группы чуточку отстали. Смотрю на скорость меньше обычной на 50 километров. Не понимаю, в чем дело. Передаю по радио Лавицкому:

- Прибавить надо - Шаренко уже еле видно!

- Погоди, Горачий. Что-то мотор не тянет... - отвечает Лавицкий.

- Так, может, вернемся?

- Может, прогазую...

Тем временем группа Шаренко уже скрылась из виду. Скорость не увеличивается. Из самолета Лавицкого временами вырывались выхлопы белого дыма. В очередной раз спрашиваю ведущего. Отвечает, газую...

Четверку Шаренко с земли навели на большую группу Ю-88. Завязался бой. Шаренко требует:

- Лавицкий, свяжи "худых"!

Мы наконец подходим в району боя, но без скорости и явно ниже по высоте. А помогать своим надо. Лавицкий пытается снизу на встречных курсах атаковать группу "юнкерсов", но в это время звено "мессершмиттов" сваливается на нас сверху.

- Лавицкий, крути вправо! - едва успел я крикнуть в эфир.

Атака противника сорвана. Однако на вертикаль Лавицкий не

пошел - нет скорости. Немцы, похоже, догадались об этом и вцепились в нас. Отбиваемся уходом под атакующих. Вот проскочила пара. Лавицкий как-то ухитрился, круто подвернул - потянулись огненные струи от его самолета, и "худой" готов. Эх и здорово!..

Подошла еще пара "мессершмиттов". "Э-э, - подумал я, - дело плохо, да еще с таким мотором, как на машине Лавицкого. Надо бы уходить..." Немцы атакуют попарно - снизу и сверху. Норовят первым сбить Лавицкого. У меня запас скорости, и я верчусь вокруг ведущего, принимая огонь на себя.

- Уходить надо, Коля! Похоже, я подбит! - предлагаю Лавицкому.

- Давай переворотом, прикрою! Быстрей давай переворот! Дымишь сильно!.. Это уже кричит мой ведущий.

Но команды Лавицкого я не слышал - приемник молчал, а я в свою очередь передавал: "Уходи, Коля! Уходи!.."

Пока мог, держался у хвоста его машины. Потом стало жарко - одна огненная трасса прошла чуть выше кабины и по кабине... Самолет свалился в штопор. Высоты нет. Задыхаясь в едком дыму, я пытаюсь выпрыгнуть из крутящейся машины. Кажется, удалось... Рву вытяжное кольцо парашюта - резкий удар. Сапоги слетели. Куда-то назад и вверх завернуло стропами левую руку. Пытаюсь ее освободить, но она почему-то не действует.

О землю ударился правым боком. Парашют сильным ветром волокет по скошенному полю, и я босыми ногами торможу, перебираю, словно по гвоздям, стерня колется... Правой рукой наконец освобождаюсь от парашюта. Прилег...

Но вдруг вижу, как из-за кустов слева и справа с автоматами наперевес выскакивают солдаты. Их много. Они окружают меня... Тянусь за пистолетом. Но что это?

- Сдавайся! Руки вверх! - кричат по-русски. Наши! И тут заболело все разом: рука, ноги в крови... Даже "сдаться" не мог: руки не поднять. Кричу:

- Я свой, русский!

- Братцы, та тож наш, летун!

- Э-э, так он в крови весь!

- Наташу сюда, Наташу!

- Эк его извозило! Флягу давай, Семен! Спирту ему зальем, вот шоколаду нет. Летуны, говорят, шоколадом горилку закусывают!

И влили. Обожгло... Закашлялся... Даю словесно пулеметную очередь неплохо усвоенного мной за годы войны солдатского фольклора, из которого единственно безобидным было междометие "ах". Помогло. Вскоре подошла санитарная машина.

Девушка в солдатской гимнастерке без погон, осмотрев меня, скомандовала:

- На носилки - и в санбат!

В прифронтовом санитарном батальоне мне заботливо обмыли и вправили вывихнутую левую руку, подвесив ее на бинтах через шею, обработали йодом лицо, голову, усыпанные мелкими осколками лобового стекла самолета, и покормили по-фронтовому, с чаркой спирта.

Уложили меня в небольшую комнату, плотно заставленную солдатскими койками.

- Вот здесь отдыхать и поправляться будете, товарищ летчик! - объявила медсестра.

- А обмундирование мое где?

- А в шкафу вон там, все в целости, почищено. Там и парашют, на котором спускались вы.

Спал я плохо. Продумывал, как сбежать из санбата. И вот на рассвете, когда всю палату сковал крепкий утренний сон, нашел свое нехитрое обмундирование, оделся, захватил парашют, вылез в окно и через несколько минут уже голосовал на фронтовой дороге.

К обеду я добрался до своего аэродрома, где застал только небольшую группу технического состава полка. Погрузив оставшееся имущество, вместе отправились в Таганрог.

Удивлению и радости друзей при встрече не было границ. Все считали, что я погиб. Лавицкий видел взрыв моей "Кобры", но когда и как я выпрыгнул с парашютом - не заметил. Ему и самому было очень нелегко оторваться от преследующих "мессеров".

Неловко, по-мужски грубовато обнимал и целовал меня Коля Лавицкий. У этого далеко не сентиментального, мужественного человека на глазах показались слезы - слезы радости. Уже потом от Пети Гучека и Жени Денисова я узнал, как изрядно побитый Лавицкий вернулся из полета и сказал:

- Гриша Дольников был не только смелым летчиком. Он был преданным другом и товарищем. Гриша прикрыл меня своим самолетом...

* * *

На площадке Таганрога мы базировались больше недели. Здесь все напоминало о недавнем присутствии немцев. Фашистским летчикам создали хорошие бытовые условия и даже комфорт. В отлично защищенных и оборудованных землянках осталось много нацистской литературы, портретов фашистских вождей, различных порнографических изданий и открыток. Поспешно отступая, гитлеровцы бросили неисправные самолеты и большой запас боеприпасов.

Поскольку повсюду валялось множество портретов Гитлера, кто-то из летчиков предложил использовать их как мишени для тренировочной стрельбы из пистолетов. И дело приняло такой оборот: поднявшись поутру, каждый пилот, выходя из землянки, в первую очередь стрелял в портрет бесноватого фюрера. Затем Гриша Синюта не без помощи аэродромщиков завладел целым складом немецких гранат "лягушек". Синюта - одессит, в самом начале войны воевал в пехоте. Почему и как туда попал - мы толком не знали, а он на этот счет не распространялся. Однако оружие пехоты: гранаты, пулеметы, автоматы разных систем - Гриша знал превосходно, и с его помощью мы взяли на вооружение и тоже начали использовать для тренажа немецкие "лягушки".

Как-то принялись бросать их на дальность. Чтобы как можно дальше забросить гранату, придумали усовершенствование. Привязывали "лягушку" к веревке и, раскрутив над головой, пускали в нужную сторону. Но вот одна граната оборвалась и, зловеще шипя, упала тут же, рядом с нами. Последовал взрыв... И вот результат. Те, кто успел упасть на землю, остались невредимы. А Коля Новиков и Дмитрий Глинка кинулись бежать, и осколками их ранило в ноги. Ранения, к счастью, оказались легкими. А шуму, конечно, было много.

Летчики постарше участия в подобных мероприятиях, как правило, не принимали, кроме Дмитрия Глинки. Он вообще был очень неровным: временами чересчур серьезным, а временами готов играть не только с нами, но и с детьми. При всей неустойчивости характера Дмитрий, однако, сумел сохранить лучшие свои качества: душевную чистоту, правдивость, самую искреннюю любовь к друзьям, живость и четкость мысли, которую легко было принять за трезвую практичность, умение найтись. Такие крайности как-то легко совмещались в нем.

Дмитрию Глинке и Александру Покрышкину в конце августа 1943 года присвоили звание дважды Героя Советского Союза. Со всех концов страны к Дмитрию полетели письма. Наш нештатный письмоносец Мария, будущая жена Василия Сапьяна, по профессии парашютоукладчица, чуть не мешками приносила их, преимущественно от девушек.

Почту, как правило, разбирал и я. Дмитрий требовал, чтобы ему зачитывали наиболее важные и патриотические письма. А это было трудно, так как все писали искренне, от души, желая скорейшей победы, поздравляли с боевыми наградами, предлагали знакомство, приглашали в гости...

Многие письма зачитывали и на комсомольских собраниях, а чаще после боевого дня в эскадрильях. Тут же находились

земляки писавших, которые предлагали немедля готовить ответ с их подписью и конечно же с подписями всех Героев Советского Союза нашего полка. Завязывалась переписка. Фронтовики обещали громить фашистскую нечисть и победителями войти в Берлин. Ответные же письма шли с заверением, что труженики тыла сделают все возможное, чтобы обеспечить фронт всем необходимым для победы.

Одно из таких писем было подписано секретарем Запорожского райкома комсомола Валентиной Чистовой. Ответ запорожским комсомольцам по поручению летчиков эскадрильи подписывал и я. Вскоре комсомольцы Запорожья рассказали нам о своих трудовых успехах, а потом сообщили, что группа девушек во главе с их бывшим секретарем Валентиной Чистовой убыла на фронт.

Каких только не было встреч на войне! Волей случая с Валентиной Чистовой мы встретились на польской земле. Но об этом несколько позже...

Наступление наших войск продолжалось быстрыми темпами. Часто менялись аэродромы. В небе Донбасса и Приазовья храбро сражались летчики нашей, теперь уже Мариупольской гвардейской авиадивизии: братья Глинка, Николай Лавицкий, Иван Бабак, Василий Шаренко, Александр Клубов, Григорий Речкалов, Аркадий Федоров, Николай Трофимов, Андрей Труд, Алексей Закалюк, Василий Дрыгин, Александр Вильямсон, Александр Румм, Алексей Луканцев.

Обрели смелые крылья и прочно заняли место в боевом строю мои друзья, недавние сержанты Петр Гучек, Евгений Денисов, Иван Кондратьев, Борис Лихонос, Василий Можаев, Александр Кшиква.

Начиналась схватка над рекой Молочной...

Плен

Было время несколько чрезмерного увлечения художественной и исторической литературы показом наших первоначальных поражений в первые дни войны, героизма в плену. Потом трагические испытания давних лет стали чуть ли не запретной темой. Ко мне однажды обратились из уважаемой военной газеты с просьбой (рассказать о боевых делах. "Только о плене ни слова! - предупредил корреспондент. - Лучше что-нибудь такое, героическое..." Ну что тут скажешь?

Человек, который хоть раз честно задумался о своей жизни, должен был бы ответить на нелегкие вопросы: что приводит к величию и к падению? Из каких поступков складывается его судьба? Эти вопросы рождены не отвлеченными нравственными исканиями - они вытекают из тех ситуаций, в которых может

оказаться и оказывается человек на войне.

Плен... Страшное слово! Помню, еще в детстве наш сосед, дядя Алексей, часто и подолгу рассказывал по вечерам в кругу сверстников о пройденных им тяжелых, унизительных для человека дорогах плена. К немцам он попал вскоре после начала первой мировой войны, а вернулся в родную Сахаровку только в 1919 году. И мы, подростки, жадно запоминали детали той страшной повести.

На фронте среди нас, военных летчиков, разговоры о плене почти не возникали. Все существо восставало не только против мысли о пленении, но и против самого слова "плен". И сейчас, спустя десятилетия, когда в тяжелых снах доносятся до нас прощальные голоса тех, кто ходил в яростные атаки, кто падал с высот, объятый пламенем, кто всхлипывал во сне в землянке, вспоминая родной дом, мать, невесту, я слышу голоса тех, кто шел рядом не всегда славными, многотрудными дорогами войны...

Не будем стыдиться слез и горя!

По грандиозности, самоотверженности, жертвенности, героизму нашего народа в годы Великой Отечественной не найти что-либо равное. Так что незачем нам приукрашивать да принаряжать историю. Ведь это значит попирать истину.

Итак, 30 сентября 1943 года. Мой третий, роковой вылет...

Избитый, раненный, обессиленный, я у врага. Минуту назад, когда фашистский сапог гулял по моему телу, все было как во сне, но теперь, теряя временами сознание, я отчетливо понимал, что это конец - плен.

Меня приволокли в небольшую землянку и бросили на пол перед столом, за которым сидел дородный, увешанный крестами, уже немолодой офицер. Бросившие меня дюжие солдаты, вытянувшись и вскинув руки, дружно гаркнули: "Хайль Гитлер!" Офицер что-то приказал им. Солдаты подняли меня и, посадив на длинную скамейку у противоположной стены землянки, вышли.

Немец приблизился ко мне почти вплотную, долго в упор рассматривал с головы до ног.

- Ви плох... Дохтор, дохтор, - по-русски выговорил он и, круто повернувшись, направился из землянки.

Оставшись один, я достал из кармана гимнастерки кандидатскую карточку ВКП(б) и опустил ее в левый сапог. Офицер вернулся с двумя сопровождающими, один из которых держал санитарную сумку. Я понял, что это доктор.

И вдруг этот доктор в немецкой форме на чистом русском языке сочувственно произнес:

- О, сталинский сокол! Как же тебя, соотечественника моего,

разделали. Мой долг врача - помочь...

Пока я соображал, кто же передо мной - русский или немец, доктор достал из сумки бинты и принялся перевязывать мою правую ногу, непрерывно бормоча:

- Вот так всех вас перебьют... Продали Россию жидам да большевикам...

Я не выдержал: здоровой левой ногой со всей оставшейся силой двинул предателя, который отлетел, ударившись о стенку. Ошеломленный, он поднялся и с невообразимым диким ревом кинулся на меня.

- Вэк! - показав на дверь, крикнул на него немецкий офицер.

- Сволочь! Счастье твое... Видать, ты им еще нужен... - прошипел предатель.

- Иди, иди... Подлюга! - не находя слов, бросил я вдогонку.

Оставшиеся немцы разразились громким смехом, показывая: вот, мол, встретились соотечественники...

Зазвонил телефон. Увешанный крестами оборвал смех и,: подняв трубку, долго говорил, непрерывно восклицая: "Яволь, яволь!" Окончив разговор, он что-то сказал рядом стоявшему, а тот, обращаясь ко мне, на ломаном русском языке произнес:

- Ви будет ехайт тепер говорит наш офицер гестапо.

И через несколько минут меня в сопровождении двух автоматчиков и плохо говорившего по-русски офицера на открытом джипе повезли в гестапо.

...За столом, развалившись, сидели трое. В центре - жирный, с отвисшим подбородком, в белой расстегнутой рубашке, сильно подпивший гестаповец, по-видимому старший по званию. Стол был заставлен закусками, бутылками, под ним сидела огромная овчарка. Все трое, разомлевшие, с удовольствием раскуривали сигареты. Окна в комнате настежь, и там, под окнами, толпились неожиданно быстро собравшиеся сельчане, в основном женщины и дети. Женщины, причитая, плакали. Слышались отдельные разговоры собравшихся:

- Дывись, який молоденький!

- Побили ж его як, божечки мий, гадюки.

- Видкиля ж вин? Мабуть, нашинский?..

- Хоть сказав бы, чи скоро наши придуть...

- Скоро освободят, очень скоро!-не глядя на окна, как бы сам себе сказал я громко.

Стоявший сзади автоматчик крикнул:

- Вэк! - и направил автомат в сторону окон.

- Пет вэк! - привстав и опершись о стол руками, произнес гестаповец в белой рубашке и, указывая на толпившихся у окон людей, продолжал: - Пусть смотряйт на свой худой большевик.

Нет ест, нет одежда, нет оружий!

- Все есть, не верьте! - сказал я.

- Молчайт! Ты будешь немножко пить за наша победа.

Сидевший крайним гестаповец налил рюмку водки и, подойдя ко мне, приказал:

- Пей за наша победа!

Я отрицательно покачал головой.

Тогда гестаповец выхватил кольт и, направив его мне в висок, зло прошипел:

- Пи-ей...

Кивнув на рюмку, я сказал:

- Мало!

Гестаповцы недоуменно переглянулись. Тогда второй из сидевших гитлеровцев налил полный стакан водки и молча подал мне.

- За победу! - громко произнес я и, посмотрев на стоявших под окнами, выпил эту водку в три приема до дна.

- О, карошо! Карошо! Надо кушайт! - кинул мне кусок курицы гестаповец в белой рубашке.

- Русские после первой не закусывают, - ответил я.

- О! Надо второй? Карошо... - С этими словами тот же самый фашист налил мне еще водки.

Я выпил и второй стакан до дна, хотя было уже тяжело - подташнивало. Когда же я увидел, как наливают третий стакан, то с ужасом подумал: "Вот ведь какой смертью придется умереть!" Но и на этот раз отказался от предложенной еды:

- Русские и после второй не закусывают.

Не ожидая подобного, гестаповцы на мгновение притихли, а потом жирными руками тыча мне в лицо, наперебой закричали:

- Карош рус большевик! Карош!

- За победа много пить надо, много!

- За победа умирайт много, мы любим патриот!

- Пей! Пей! Русски свиния...

Теперь уже самый старший по званию гестаповец подал мне полный стакан, и я с превеликим трудом выпил его. Тут мне стало по-настоящему худо, но на стол я не смотрю - там много вкусной еды. Гестаповец сует помидор и малосольный, с приятным запахом огурец:

- На, Иван. Перед смертью кушайт!..

Пришлось выдержать и это испытание.

- Мы и перед смертью не закусываем, - не очень громко, уже хмелея, произнес я.

Вдруг в комнату вошла старушка. Я ее хорошо запомнил: худенькая, с выбившимися из-под старенького, завязанного под

подбородком черного платка седыми волосами. Она держала в руках блюдце, на котором лежало несколько огурцов и помидоров. Женщина направилась в мою сторону, приговаривая:

- Ироды! Издеватели! Найдется же на вас всевышний! Накажет... А ты, сынок, закуси, закуси, бедненький. Оно если что - и умереть будет легче, закуси...

Скорее слышу, чем вижу, глухой удар начищенным тяжелым сапогом в грудь старушки. Со звоном разбилось блюдце, помидоры и огурцы покатились по полу... За окнами раздались вопли, крики - и автоматная очередь прямо туда, в толпу...

- Гады! - кинулся я на ближайшего гестаповца, но от удара сапога потерял сознание.

* * *

Сразу же после войны я начал было писать воспоминания о былом. Не вспоминал - помнил... Вот и сейчас смотрю на выцветшую, с обтрепавшейся обложкой тетрадку военных лет - в ней всего-то десяток листков, написанных разными чернилами. Некоторые страницы так затерлись, что их уже трудно прочесть. Мудрено ли? Не только бумага, но и мы, боевые истребители, постарели, поизносились... И все же дороги мне эти листки, где я пытался писать, подражая известному автору, свою будущую книгу. Ни умения, ни терпения, ни времени тогда не хватило, но в этих тетрадочных листках запечатлен первый день моей борьбы в стане врага...

Друзья-однополчане, узнав об описанном выше испытании, шутили, когда приходилось поднимать тост:

- Горячему закусь не давать! Проверим до трех стаканов...

Потом дороги фронтовиков разошлись. Стали забываться старые раны, горькие судьбы. Вдруг о страшных днях плена - словно ножом по сердцу - напомнил рассказ Михаила Шолохова "Судьба человека". Это же наша судьба... Много было нас, Соколовых, испытавших горечь и позор плена, перенесших нечеловеческие пытки врага. "Гриша, это же ты - Соколов! Здорово Шолохов все описал..." упоминали в письмах друзья, знакомые. "Ты как же с Шолоховым повстречался?" задавали вопросы.

С годами автор этих строк стал позаметнее - генералом, народным депутатом. Надо сказать, возрос интерес к моему прошлому. Приведу отрывок из письма болгарского писателя С. Попова.

"Уважаемый Григорий Устинович!

Вас беспокоит болгарский писатель-шолоховед. Вот уже много лет я изучаю творчество Михаила Шолохова. Мною издано несколько книг на болгарском языке. Печатаюсь и в советских

журналах. В связи с этим я много езжу по вашей стране. В одной из таких поездок, в вагоне поезда, следовавшего из Москвы на юг, я услышал, как трое ехавших в купе обсуждали кинофильм "Судьба человека". Один из них заявил, что он лично знает, кто является прототипом Андрея Соколова, что это летчик, теперь уже генерал, и рассказал вашу судьбу. Я представился и попросил ваш адрес.

Григорий Устинович! Мне удалось найти около десяти участников Великой Отечественной войны, чья судьба схожа с судьбой шолоховского Андрея Соколова. Расхождения незначительны. Учитывая вашу занятость, я все же осмелюсь просить вас ответить на следующие вопросы:

Как и где вы познакомились с Шолоховым?

Как удалось вам бежать из плена?

И наконец; мог ли в действительности Андрей Соколов, выпив три стакана, не закусывая, будучи полуголодным и отощавшим, вернуться в барак, не опьянев до беспамятства?

Я очень хотел бы с вами встретиться, но вы далеко - в Закавказье, а я пока нахожусь в Москве. Извините.

С глубоким уважением Стас Попов".

Я ответил, что, к большому сожалению, с Михаилом Александровичем Шолоховым лично не знаком. Кто является прообразом Андрея Соколова - мне неизвестно, скорее всего это образ собирательный. Что же касается сомнений в правдивости интересующего эпизода с Соколовым, то могу подтвердить - ни Соколов, ни я в ту минуту не опьянели: мы пили под дулом автомата...

- Думал ли я тогда о смерти? Конечно, думал. Пока жив, я готов был драться с врагом, лишь бы уцелеть, выжить, вернуться к своим, чтобы вновь бороться за то, за что боролся до этого. Я не имел права умереть, не сделав еще чего-то для Родины. Я верил: советские люди победят, они будут дышать полной грудью, работать, радоваться, любить, творить. Но не зависела ли в какой-то мере их судьба от того, как приму смерть я, двадцатилетний летчик-истребитель, младший лейтенант Дольников? Последний мой взнос оказался не столь весомым, как мне хотелось бы. Я сбил три "мессера", пошел на таран. А большего не смог.

Да, сколько уже лет прошло после воздушного боя над рекой Молочной, а в памяти до мелочей жива трагедия тех дней.

* * *

...Я очнулся в машине. Меня куда-то везли. Был твердо убежден - на расстрел. И в голове шумело, подступала тошнота. В дремотном полузабытьи куда-то проваливался.

Поздней ночью въехали в большое село. Темно, ни огонька.

Остановились возле длинного низкого здания, похожего на конюшню. Да и по запаху почувствовал, что угадал.

Стащив с машины, меня поволокли и втолкнули в конюшню. Упал на свежую солому вперемешку с сеном, прислушался. Кругом стоны, тревожный храп. Значит, тут люди. Но кто они?.. Пополз вперед и на кого-то наткнулся.

- Не ползай! Бери вправо, к стене. Там свободно... - послышался голос из глубины.

- Вы кто? - спросил.

Ответил тот же голос:

- Завтра увидишь. Такие, как ты...

Продвинувшись вправо, я уперся в стену, подгреб соломы под голову и прилег. Тело сильно болело, выпитая водка, все пережитое не давали покоя. А рядом кто-то просил пить, кто-то шел в атаку, кто-то звал мать... Сколько здесь людей? И все пленные?

Услышал, кто-то подполз и ощупью придвинулся вплотную. Почувствовал мягкую теплую руку. Хотел крикнуть, но рука закрыла рот.

- Тихо, родной, тихо, - прямо над ухом прошептал кто-то. - Я - Наташа, разведчица, а ты - летчик. Я все поняла, когда они, изверги, приволокли тебя сюда. Молчи, все расскажу.

- Уйди, подлюга! Кто подослал тебя? - злобно, но тихо сказал я, убежденный, что женщина эта действует по заданию гестаповцев.

- Дурачок, не шуми. Мне от тебя ничего не надо. Меня завтра расстреляют, я знаю. Хочу, чтобы ты передал нашим, что задание я выполнила полностью, но вот попалась. Теперь конец... А ты уйдешь, быть может.

- Все равно отстань. Ничего не скажу, сам смерти жду, - уже более спокойно ответил я.

- Ты ранен, - проговорила Наташа, - посветлеет - перевяжу. Днем я многим сделала перевязки, но некоторые и до утра не доживут. Их пригнали еще засветло, а то я одна была здесь - меня утром взяли. Завтра их дальше повезут, а тебя отдельно будут держать. Они ведь летчиков в специальных лагерях держат. Вот бы тебе поменяться одеждой с кем-нибудь из умирающих, а?

- Нет, своей смертью умру, - твердо решил я. - А ты уйди! Как ты могла перевязывать наших, если говоришь, что разведчица?

- Так ведь до войны в медицинском институте училась, на третьем курсе. Потом курсы разведчиков окончила, немецкий знаю... А перевязывала раненых их же бельем, да и свою нижнюю рубашку изорвала.

- А что это за сарай? Где мы? Может, есть возможность уйти?

- с надеждой спросил я Наташу.

- Даже здоровый был, ты бы отсюда не ушел, - отвечала она, - двери одни, охрана круговая. Попробуем лучше подменить тебя мертвым... если успеем...

Но мы не успели. Мы ничего не успели из того, что детально продумали с Наташей в ту ночь.

На рассвете ее увели первой. Уже у двери на фоне голубеющего утреннего неба, когда Наташа обернулась и крикнула всем: "Прощайте!", я разглядел стройную смуглую девушку, в гимнастерке офицерского покроя, в брюках-бриджах, в ладных армейских сапожках.

Наташей она была или носила другое имя, но эта девушка, я твердо уверен, если погибла, то смертью героя. А может, жива?

Потом пришли за мной. На этот раз ехали в черном закрытом лимузине - я, сопровождающий офицер и двое автоматчиков. Долго, без остановок пробирались в западном направлении, встречая многочисленные колонны фашистских войск. Между ними было заметное различие: те, что шли в сторону фронта, выглядели свежее, наглее, с фронта же тянулись соединения с уныло опущенными головами, поблекшие, обшарпанные - видимо, едва уцелевшие.

Временами слышался гул самолетов, и по звуку мотора я определял: вот фашистские, а вот наши - родной рокот "илов", "яков". Как же хотелось, чтобы кто-нибудь из наших братьев пилотов полоснул из пушек по этим колоннам, а заодно и по черному лимузину...

Когда солнце было уже в зените, мы подъехали к переправе через Днепр. Взору представилось огромное скопление фашистских войск. Наша машина долго стояла, ожидая своей очереди. И здесь я увидел картину "братского взаимодействия" гитлеровцев, румын и власовцев.

Немецкие войска переправлялись беспрепятственно, в первую очередь. Румынам отдавали предпочтение перед власовской сворой, которую и за союзников-то не принимали. И если кто-нибудь из власовцев пытался без очереди переправиться на западный берег, боясь попасть в руки наступавших советских войск, получал здоровенную оплеуху, а то и автоматную очередь. Последнее я видел сам: презренные предатели, они вызывали отвращение, чувство гадливости даже тогда, когда погибали от рук своих хозяев.

Переправляться со мной через реку немцы почему-то не стали. Круто развернувшись, черный лимузин покатил в обратном направлении, и вскоре мы приехали в Каховку.

Наша родная Каховка, изуродованная, испоганенная

фашистами, жила страшной, подневольной жизнью. Всюду грязь, развалины, на столбах и зданиях зловещая свастика.

Меня подвезли к городской тюрьме и временно передали местным полицейским властям. В камере, куда я был помещен, находились еще трое. Одним из них оказался летчик 104-го полка нашей дивизии старший лейтенант Крещук. Раненный в ногу, он лежал на нарах. Двое других были в тяжелом состоянии, раненные в ногу, спину и голову.

Я уже больше суток не ел и, когда увидел возле тяжело дышавших, лежавших на голых нарах раненых товарищей кусок заплесневелого хлеба, не выдержал схватил его и жадно стал есть.

- Ешь, не спеши. Должно, еще кинут. Тут среди них, сволочей, есть один, похоже, наш, завтра дежурить будет, - сказал Крещук, который находился здесь уже третьи сутки.

Выяснилось, что тюрьму охраняли полицаи-предатели. Под вечер двое из них вошли в камеру с грязным ведром и какими-то брошюрами и газетами в руках:

- Это ведро, господа большевики, вам горшком ночным будет. Приказано за вами следить, особенно вот за этим худым и подбитым, - показывая на меня, сказал один из полицаев.

- Видать, большой гусь, потому как завтра повезут самолетом в штаб, - как бы разъясняя, проговорил другой. - А это вот вам, комиссарики, немецкие умные книги и газеты. Может, образумитесь и поймете, куда вас Сталин с большевиками завели...

Первым не выдержал один из стонавших на нарах. Громко выругавшись и швырнув в полицаев лежавшими рядом такими же книжонками нацистских вождей, он яростно крикнул:

- Уйдите, скоты, отсюда! Жаль сил нет - задавил бы гадов!

- Выродки, ублюдки, гады ползучие... - не отставали в выражениях и мы с Крещуком.

- Кровью большевистской умываться будете, соколы сталинские! - гаркнул полицай, очень похожий на большую обезьяну, и прошелся плетью по каждому из нас.

- С голоду подохнете! - уходя, шипели предатели.

Страшной была та каховская ночь. В тяжелых мучениях к утру умер один из тяжелораненых, так и не сказав, кто он, откуда. В камере было темно и сыро, бегали крысы. На наши постоянные громкие просьбы и требования дать свет и воду никто не отзывался.

Утром нас, как дрова, бросили в грузовик и привезли па небольшой аэродром. Там стоял один-единственный самолет Ю-52, основной гитлеровский военно-транспортный самолет.

Наши летчики-истребители, летая на "свободную охоту", всегда мечтали встретить где-нибудь на маршруте в глубоком фашистском тылу такую машину. А теперь вот он, Ю-52. Через несколько минут я полечу в нем как пленный, под конвоем, куда-то в штаб. Ведь немцы приняли меня за значительную личность, за "большого гуся", как выразился полицай-тюремщик;

Летели мы недолго. Первым вынесли на носилках и увезли тяжелораненого Леонида - так назвал себя один из раненых. Вторым забрали Крещука. Сильно прихрамывая на правую ногу, я вышел из самолета самостоятельно, отказавшись от услуг сопровождающих.

Передо мной был большой аэродром, множество самолетов на стоянках безо всякой маскировки: здесь и "мессеры", и "фоккеры", и "юнкерсы"... "Вот бы поработать на этом летном поле звеньям Бабака, Глинки или Николая Лавицкого фейерверк бы вспыхнул на загляденье!" - сразу подумал я, но тут же отметил, что подойти к аэродрому совсем непросто - его усиленно прикрывали зенитные пушки "эрликон", расставленные вокруг но периметру, а в воздухе постоянно дежурила пара "мессеров".

На машине меня подвезли к небольшому зданию на краю аэродрома по-видимому, это был штаб одной из частей, базировавшейся здесь. У здания толпилась группа немецких летчиков, которые с откровенным любопытством принялись рассматривать меня, бурно обмениваясь впечатлениями. В центре стоял среднего роста пилот со множеством фашистских наград на груди, У него была забинтована голова, раненая рука висела на черной повязке. И меня подвели к нему почти вплотную.

Когда этому асу сказали, что перед ним именно тот русский летчик, который его сбил в воздушном бою, я заметил, как лицо немца исказилось, а глаза выдали крайнее удивление и разочарование. Еще бы! Этот самоуверенный пилотяга рассчитывал увидеть перед собой, очевидно, если не самого Покрышкина, то хотя бы равного по званию, по наградам. А перед ним стоял совсем молодой, безо всяких знаков отличия, измученный русский летчик. Понятно, наша встреча, состоявшаяся по настоянию этого летчика, не принесла ему удовлетворения: он просто-напросто терял авторитет среди своих. Но отступать уже было поздно.

Я ожидал самого худшего: оскорблений, издевательств, как моральных, так и физических. Но на этот раз обошлось. Фашистский летчик, протянув в мою сторону здоровую руку, произнес:

- Поздравляю и немножко завидую вам. Война для вас закончена...

- Мы еще встретимся в небе над Германией, - парировал я.

Немец иронически усмехнулся:

- А как вы оцениваете наши последние "штукасы"?

- Хорошо горят, - ответил не задумываясь.

- Когда вы идете в атаку, мы вас далеко видим. Вы не умеете хитрить.

- Возможно. Я передам это нашим летчикам. Надеюсь, они учтут ваши замечания...

Мне хотелось сказать еще стоявшим вокруг фашистским воякам, что, несмотря на все их ухищрения, численное превосходство, мы умеем подавлять их морально. Сколько раз видел, как, не долетев до цели, немцы сбрасывали смертоносный груз на свои же войска! А мы... Иногда мы действительно поступали слишком рискованно, даже не совсем разумно. Но это было не от ухарства. Мы любили свою Родину, свой народ. И в голову никому не приходила мысль о том, что следует бережно расходовать свою жизнь. Мы готовы были отдать во имя победы все, чем располагали, отдать не задумываясь и не сожалея...

- Я приглашаю вас пообедать, - рыцарски предложил сбитый мною ас.

Но тут гестаповцы далеко не почтительно втолкнули меня в машину и повезли дальше.

Какую же цель преследовали гитлеровцы, делая мне очную ставку с фашистским летчиком? Если это только прихоть сбитого аса, то конечно же он был разочарован. Задача, скорее всего, ставилась более важная.

После потери господства в небе над Курской дугой и над Кубанью фашистские летчики все чаще уклонялись от боя, особенно пилоты бомбардировочной авиации. Рассчитывая поднять моральный дух люфтваффе, гитлеровское командование и устраивало подобные встречи. Думаю, что такого рода затеями достигались обратные результаты.

* * *

Еще при выезде с аэродрома по придорожным указателям я понял, что меня везут в Кривой Рог. Как и Каховка, Кривой Рог оказался унылым, грязным, сильно разрушенным городом, забитым фашистскими войсками.

Машина остановилась перед большими черными воротами, которые долго не открывались. Вправо и влево от ворот тянулись заграждения из колючей проволоки в три ряда, а подальше, за заграждениями, виднелись какие-то склады. Наконец ворота открылись, мы въехали и остановились у одного из складов. Снова втолкнули в помещение - грубо, с окриками, как бездомного пса. Я упал на цементный пол.

Темновато, но вдали по углам и вдоль стен можно было различить силуэты людей. Вдруг среди полной тишины начали раздаваться с разных мест возгласы:

- Ну что, стерва большевистская, попался!

- На кого работаешь, сталинский сокол?

- Небось продался, сука?..

Сначала я никак не мог понять, куда и зачем меня привезли. Но потом чувство страха начало подсказывать, что живым отсюда не выйти - бросили, видимо, к предателям. Молча стоял в нерешительности: что делать? И вдруг в этой тягостной, напряженной обстановке раздались совсем другие голоса:

- Ну ладно, браток. Ты кто, с какого фронта?

- Сколько дней, как взяли? Какие новости? Далеко ли наши?

И тут же подошли несколько человек, здороваясь, провели в центр помещения. Извинились за встречу. Объяснили, что это проверка, испытание перед такими же военнопленными, как я. Увидев Крещука, я окончательно убедился, что здесь свои, и кратко рассказал о себе, о том, как попал к немцам.

Фамилию свою я решил скрыть, назвался Соколовым Григорием, как говорил везде и всем с первого дня плена. Услышав это, Крещук тут же тихо спросил:

- Ты что же, и перед своими фамилию скрываешь?

- Видишь ли, Ивановых и Соколовых на Руси много, моя же фамилия редкая. У немцев я прохожу как Соколов, так пусть и среди своих пока буду Соколовым.

- Да, но я о тебе уже рассказал, не мог не рассказать. Ведь нас вместе везли, - внес ясность Крещук.

Тут к нам подошел уже немолодой человек высокого роста, стройный, со шрамом на лице.

- Что вы тут шепчетесь, однополчане? - спросил и представился: - Я Степан Иванович Иванов, капитан. Будем знакомы.

- А мы вот встретились... - хотел было замять тему разговора Крещук.

- Видим, что встретились. Только конспираторы из вас плохие. Уж если врать, то в одну ноздрю, а то не поймешь, кто же среди нас - Соколов или Дольников? - спокойно резюмировал Иванов.

- Кому надо - разберутся, - запальчиво отвечал я.

- А ты молодой, да строптивый больно. Они-то уж разберутся, а наша задача, чтобы как раз и не разобрались. Для фашистов рты должны быть на крепком замке, - поучительным тоном подчеркнул Иванов.

В это время все вокруг засуетились. Оказалось, принесли

обед. Он состоял из двух блюд: на первое - суп, на второе - чай. Нет слов, чтобы выразить, как сильно мне хотелось есть. Но даже при этом меня едва не стошнило, когда в железную миску налили какой-то темной жижи, в которой плавали несколько белых червей.

- Что же это делается, братцы? - возмутился я громко.

- Э, да ты, новичок, видать, не совсем еще голодный! Выкинь эту тварь из миски и хлебай супчик, - спокойно посоветовал мне сидевший рядом и уже успевший съесть свою порцию похлебки здоровенный пилот с пышной черной шевелюрой - младший лейтенант Николай Мусиенко.

И все же, как ни хотелось есть, в тот день суп я не съел. На второе в эту же миску налили черпак чая, или, как его чаще называли, кофе - какую-то непонятную жидкость. Вместо хлеба нам подали жмых. Все это делилось поровну.

После такого вот обеда Николай Мусиенко пригласил меня на свободное место, рядом с ним. На цементном полу вдоль стен была набросана солома, на которой и устраивали свои постели военнопленные. К вечеру я уже многое знал о рядом лежавших людях, которые рассказали мне все, что знали сами, о нашем лагере.

Лагерь этот немцы создали совсем недавно специально для советских летчиков. Режим здесь был строгий. Помещение, где мы располагались, по-видимому, до войны служило складом: широкие массивные двери, цементный пол, маленькие под самой крышей окна. Небольшая территория лагеря была ограждена колючей проволокой в три ряда. Рассказывали, что до нас здесь было несколько попыток бегства ночью под проволоку, но оказалось, что через нее пропущен электрический ток, и все попытки бежать окончились гибелью пленных.

Распорядок дня был однообразным. Три раза в день под усиленной охраной эсэсовцев выводили небольшими группами в туалет. Утром и вечером давали по черпаку чая, днем еще и суп. При такой пище постепенно терялись физические силы. Просили выводить на работу, как других военнопленных, рассчитывая, что тогда будет проще организовать побег. Но ответ получали один и тот же:

- Летчик есть интеллигент и работать не должен. На работе русский летчик будет драп-драп и его надо много охранять!

Действительно, всего несколько дней назад из нашего лагеря поездом отправили в Германию группу пилотов, которые, по слухам, разбежались в пути. Поэтому всех остальных якобы решили отправлять в Германию пешком под конвоем, что и подтвердилось в дальнейшем.

Несмотря на жесткие, изнурительные условия, жизнь в лагере постепенно стала организовываться. Сначала среди отдельных товарищей, затем среди небольших групп и, наконец, между всеми военнопленными установилось полное доверие. Как-то само собой получилось, что руководителем нашим оказался Степан Иванов, и внешний вид, и воинское звание, и рассуждения которого внушали уважение. Конечно же каждого в отдельности и всех вместе волновал вопрос, как вырваться из плена, причем как можно быстрее, пока еще есть силы и пока мы на родной земле. Всем было ясно, что впоследствии сделать это будет гораздо сложнее.

Через несколько дней состоялось общее собрание нашей группы военнопленных, на котором было решено избрать для организации побега оргкомитет. В него вошли семь человек: Степан Иванов, Николай Мусиенко, Василий Скробов, Павел Кулик, Николай Васильев, Петр Крючков и я.

Кандидатуру каждого тщательно изучали, заслушивали его подробную автобиографию, после чего избираемый заверял общее собрание в честном и добросовестном выполнении поручений собрания и оргкомитета. Затем происходило открытое голосование.

На отдельном совещании оргкомитет избрал председателя. Им стал Степан Иванов, опытный летчик-истребитель, храбро воевавший еще в небе Испании, за что был награжден двумя орденами Красного Знамени, рассудительный, смелый, требовательный к себе и к другим.

Николай Мусиенко, молодой летчик-штурмовик, был командиром знаменитого Ил-2. Крепко сложенный, находчивый, веселый, Николай сразу полюбился нам всем. Василий Скробов и Павел Кулик - оба морские летчики. Николай Васильев, ничем не приметный с виду, представился капитаном, летчиком-истребителем. Молчаливый Петр Крючков не помню уж на каких самолетах летал, но всегда и во всем соглашался с большинством. Меня товарищи по несчастью характеризовали как молодого, постоянно конфликтующего с охраной, но надежного и преданного человека. Такой вот получился оргкомитет по побегу из плена.

Ежедневно мы собирались и решали различные вопросы повседневной нашей жизни: очередность разлива и получения чая и похлебки, очередность выходящих в туалет, очередность ухода за ранеными (таких у нас было несколько), распределение мест отдыха... Главной же проблемой, ежедневно обсуждаемой, оставался вопрос о побеге.

Предлагались и прорабатывались множество вариантов, но,

когда дело доходило до осуществления задуманного, всегда что-то мешало: или чего-то не хватало, или вариант оказывался нереальным. Было и так, что в ответ на наши приготовления немецкая охрана предпринимала контрмеры. Создавалось впечатление, что о наших планах гитлеровцы каким-то образом узнавали.

Все наиболее важные решения оргкомитета подлежало утверждать на общем собрании. Но из состава комитета была создана партийная группа из трех коммунистов, и решения этой тройки были обязательны не только для всей семерки комитетчиков, но и для общего собрания. В целях конспирации о составе тройки никто не знал - решения ее до всех доводил Степан Иванов.

Помню одно из таких решений - обязательное ежедневное пение советских патриотических песен. Цель этого мероприятия - показать, что мы живем и боремся, любим свою Родину и ненавидим врага. К таким песням, как "Катюша", "Синий платочек", "Темная ночь", немецкая охрана относилась спокойно. Но стоило пропеть "Закаляйся, как сталь" или что-нибудь другое, созвучное имени "Сталин", как гитлеровская охрана врывалась в помещение и с дикой руганью, с автоматными очередями в потолок требовала прекратить всякое пение. В случае неповиновения нас били прикладами или резиновыми плетями...

Вскоре все мы обовшивели. Говорят, где горе, там и вши. Но мы крепились, старались не отчаиваться. Случайно в группе оказалось две или три колоды карт: играли в "дурака", в "девятку", научились в преферанс. Игры эти проходили азартно, в громких спорах, что вызывало повышенный интерес со стороны охраны. И немцы по двое, по трое заходили к нам и, подсев к играющим, наблюдали за ними. Было решено отучить их от ненужных визитов.

И вот в очередной раз, когда два рыжих, особенно ненавистных охранника пристроились к играющим, штурман Виктор, стоя сзади них, в считанные секунды набросал каждому за шиворот не менее десятка вшей.

Вначале немцы остервенело почесывались. Но затем догадались, в чем дело.

- Партизан! Шайзе!

- Русиш швайн! - дико кричали охранники, хватаясь за автоматы.

"Дружеские" визиты к нам прекратились.

А в середине октября к нам прибыло пополнение. Пленный назвался лейтенантом Чулковым, рассказал, что он летчик-бомбардировщик, сбит зениткой неделю назад в Крыму. Экипаж

погиб, а он чудом уцелел, не получив даже царапины. Рыжий веселый лейтенант как-то быстро завоевал наше доверие, смело предъявлял он претензии к охране, нередко получая при этом оплеухи, чем укрепил общие симпатии к себе. На допросы его возили почему-то чаще других, откуда он возвращался и докладывал Степану Иванову, что незаметно для немцев говорил с русскими девушками, работавшими уборщицами при штабе, что они имеют якобы связь с подпольем и обещали помочь нам организовать побег.

Чулкова приглашали на закрытые совещания оргкомитета, где он активно поддерживал или сам предлагал варианты побега. Один из них заключался в следующем. Глубокой ночью, ближе к рассвету, вылезти через единственное не закрытое железной решеткой окошко, расположенное у самой крыши, затем перерезать колючую проволоку, пользуясь резиновыми перчатками и специальными ножницами, которые обещал достать Чулков, и таким образом выбраться из лагеря. Потом местное подполье должно было встретить нас и помочь скрыться.

План прост и, казалось, легко осуществим. Готовились мы с большой надеждой на успех. Назначили уже день и час побега - о нем знали только члены оргкомитета. И вдруг накануне побега на наше заветное окошко немцы поставили с наружной стороны мощную железную решетку, укрепили они решетки и на других окнах. Мы были поражены, недоумевали: так скрытно готовились, и вот...

Во второй половине октября в бараке набралось уже более 50 человек. Последние прибывшие товарищи рассказывали о мощном наступлении советских войск на всех фронтах, в частности на криворожском направлении. До нас все чаще доносилась отдаленная артиллерийская канонада. Изменилось и поведение охранников - они стали злее. А усилившееся движение отступавшей немецкой армии по дорогам, близким к лагерю, мы слышали сами и каждую минуту ждали отправки в Германию, втайне надеясь на чудо. Надеялись, что город быстро захватят наши войска или высадится большой десант, что партизаны перейдут в наступление и освободят нас. Но чуда не произошло...

В ночь на 23 октября мы не спали. Артиллерийская канонада и даже пулеметные очереди, не говоря уже о рокоте авиационных моторов, казались нам необычайно близкими. Сквозь зарешеченные окна у самой крыши мы наблюдали яркие вспышки разноцветных пулеметных трасс. По небу блуждали лучи прожекторов. Все невольно столпились у дверей, считая, что наши совсем рядом, и ожидая мощного русского "ура". От волнения перехватывало горло, мы обнимались. Кто-то

предложил расшатать и сломать дверь, так как охрана, судя по всему, уже разбежалась.

Но о нас не забыли. Еще до рассвета куда-то внезапно увели Чулкова. Утром мы услышали за дверями шум машин и характерную немецкую речь. Двери открылись, и нам было приказано подобрать себе одежду в куче сваленного тряпья, привезенного на машинах. Там была поношенная французская, румынская, итальянская военная форма. Я отыскал среди этого тряпья добротные шерстяные штаны темного цвета и еще довольно крепкую шелковую зеленую рубашку румынского производства. Прихватил и синюю французскую шинель.

Нас торопили. Охрана бегала по лагерю, суетилась, бестолково натыкаясь друг на друга. Но вот ворота открылись, въехала черная закрытая машина, из нее вышли несколько щеголевато одетых фашистских офицеров, среди которых мы с превеликим удивлением узнали Чулкова. Он надменно стоял в наполеоновской позе, держа одну руку на раскрытой кобуре. В другой дымилась сигарета. Кто-то из наших кинулся было в сторону Чулкова, но охранники тут же загородили предателя.

- До встречи в великой Германии, господа советские летчики! - пятясь к машине, с ехидством крикнул он и скрылся в ней вместе с приехавшими офицерами.

Теперь нам стало ясно, почему провалились все наши планы побега. Оказывается, фашисты охраняли не только с помощью колючей проволоки и решеток на окнах...

Построив и окружив со всех сторон усиленной охраной, нас повели на запад. Дороги были забиты отступавшими войсками, техникой. Позади совсем близко слышалась трескотня пулеметов и автоматов. Над нами прошли несколько групп самолетов на запад - наши... Невольная горечь охватывала сердце.

Мы шли вместе со смешанными колоннами отступавших фашистов - дорога разбита, липкая грязь, идти трудно. Как только оказались за пределами города, все движение остановилось, в том числе и наша колонна. Впереди крики, невообразимый шум. Несколько наших товарищей, немного знавших немецкий язык, поняли, что где-то в авангарде прямо посередине дороги с буксируемого прицепа сполз бронетранспортер. Старший колонны потребовал от старшего по сопровождению и охране, чтобы мы, военнопленные летчики, помогли поставить бронетранспортер на прицеп. После долгих препирательств нас повели в обход колонн к сползшему бронетранспортеру и поставили вокруг него плотно, одного к другому. По команде мы должны были толкать наполовину съехавшую с платформы бронемашину на прежнее место.

Гитлеровец что-то отчаянно командовал, мы в свою очередь отчаянно толкали бронетранспортер - только не вперед, а назад. Фашисты заметили нашу махинацию, и каждому достался удар прикладом автомата. Но после этого, поняв, что толку от пленных не будет, злобно крича и свирепо работая кулаками, немцы отогнали нас в сторону, пересчитали и повели по обочине дороги дальше на запад. Шли мы уже несколько часов подряд. Голодные, обессиленные, передвигались молча. Раненный в руки Щербаков и обгоревший Вернигора постоянно отставали. Немцы предупредили, что, если дальше они идти не смогут, их пристрелят. По очереди мы помогали нашим товарищам. А идти с каждым шагом становилось все труднее.

И вот в эти тягостные минуты кто-то запел:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,

Преодолеть пространство и простор...

Это был популярный марш летчиков. Все сразу как-то приободрились, подтянулись и дружно подхватили:

Все выше, и выше, и выше...

Немцы-охранники, а их, как мы подсчитали, было 28 человек, ошалело смотрели на нас, не зная, что предпринять.

Солнце близилось к закату. Похолодало. Впереди показались крыши домов. В небольшом украинском селе Александровка, несмотря на глубокую осень, еще повсюду на огородах виднелись неубранные овощи, кукуруза. В центре села наша колонна остановилась. Отобрав около десятка наших товарищей покрепче, гитлеровцы направили их в сопровождении шести конвоиров на заготовку соломы для ночлега. Остальным было приказано убирать и готовить для отдыха запущенное помещение школы.

Быстро осмотрев здание, члены оргкомитета, на ходу посовещавшись, решили, что более удобного случая для побега ждать нечего. Большинство окон в школе было выбито и заколочено крест-накрест досками, особенно со стороны двора, причем одно окно оказалось почти незаметным, как будто нарочно замаскированным. Вот через это окно и решили уйти глухой ночью в сторону огородов и двигаться в направлении фронта, только не целой группой, а разделившись на пары и четверки.

Решение оргкомитета было передано всем так же, как и специально установленный сигнал к побегу. Узнав о намеченном, наши сразу повеселели, приободрились и с особым старанием готовили себе постели на ночь, что, конечно, не осталось незамеченным.

- Что это вы такие смирные сегодня? - обращаясь к Иванову, спросил старший группы охраны.

- Устали люди, да к тому же голодные - вот и хотят скорее во сне забыться, - не задумываясь, отвечал Степан.

И как только стемнело, мы тотчас легли спать на свежей соломе, разостланной по всему полу самого большого класса. Сон, конечно, не шел. Все ждали сигнала, до которого было еще далеко.

Вдруг послышалась стрельба: сначала одиночные выстрелы, затем автоматные очереди где-то совсем рядом со школой и, кажется, даже во дворе. Залаяли овчарки. Несколько охранников во главе со старшим, подсвечивая фонариками, тщательно и громко пересчитали нас. Шум, резкие выкрики, какие-то команды. Что происходило - мы не могли понять. Кто-то предположил:

- Братцы, а не партизаны ли?

Но тут нас всех подняли, построили по двое, опять пересчитали, каждому подсвечивая фонариком лицо. Стало ясно, что кого-то среди нас нет. Попытались выяснить - вроде бы все на месте, и только с левого фланга передали: нет Васи Иванова.

Стрельба поутихла, но шум и крики вокруг школы и где-то вдалеке еще продолжались. Так мы простояли в строю до утра - ни сесть, ни отдохнуть немцы не разрешили. А на рассвете нас вывели на улицу и построили перед школой. Все вокруг заволокло густым туманом. Мы находились в плотном кольце охранников, которые держали автоматы в боевом положении и в любой момент готовы были открыть огонь.

Еще ночью гитлеровцы неоднократно объявляли нам, что русского летчика поймали и скоро приведут сюда. Затем распространился слух, что бежавший летчик ранен...

Но вот прямо к строю подъехали три гестаповца, которых мы раньше не видели, и сидевший в центре на чистом русском языке сказал:

- Сегодня ночью один из ваших пытался бежать и тут же был убит нашей охраной. Кто его друзья - два шага вперед: надо рыть яму и закопать...

Молодой летчик-истребитель Василий Иванов был сбит 10 октября и попал в наш криворожский лагерь где-то в середине месяца. Он воевал в нашей, дзусовской, дивизии, в соседнем 104-м истребительном авиаполку, но до плена я знал его мало. В лагере же Иванов был незаметным, скромным парнем, правда, любые начинания и предложения, касающиеся побега, поддерживал, проявляя при этом немалую инициативу. Почему он рискнул бежать в одиночку - для всех нас осталось тогда загадкой.

С Василием Ивановым нам суждено было, однако,

встретиться более тридцати лет спустя. Тяжелым и трудным был жизненный путь Василия после побега... Сейчас он инвалид войны, но продолжает работать. Свой побег в одиночку объясняет тем, что не знал решения оргкомитета.

А тогда, после приказа немцев рыть убитому летчику яму, я первым сделал шаг вперед. За мной шагнул Крещук, однополчанин Иванова. Затем из строя вышли Степан Иванов, Скробов, Кулик - всего десять человек. Мы ждали, что нас сразу же отправят к месту захоронения. Но самые дюжие охранники с автоматами, направленными в нашу сторону, отвели нас подальше от строя, и все тот же гестаповец громче обычного, очень медленно проговорил:

- Наш комендант приказал: за один побег - десять человек расстрелять! Вот этих, добровольных...

Мы не верили своим ушам. Значит, Иванов жив, а мы просто-напросто заложники. Нас повернули направо и под усиленным конвоем повели на расстрел.

- Прощайте, братцы. Держитесь стойко! - крикнул Николай Мусиенко и тут же получил удар плетью.

- Простите и прощайте... - раздалось несколько ответных возгласов.

Поверх строя затрещала длинная автоматная очередь - стало тихо-тихо.

Мы шли в густом тумане. Степан Иванов скомандовал шепотом:

- Как только выведут за село - всем врассыпную. Правые вправо, левые влево, передние вперед, двое задних назад. Кто-то да уцелеет.

Мы все взялись за руки, прощаясь в последнем товарищеском рукопожатии. Каждый из нас с первого дня, с первой минуты плена был готов к смерти, поэтому страха перед предстоящим не было, зато появилась надежда, что охранники в суматохе промахнутся и кто-то останется жив.

У самой окраины села приказали остановиться. Подъехала машина, и гестаповец, говоривший по-русски, угрожающе произнес:

- Русский летчик убит. Так будут убиты все, кто попытается бежать. Да, будем расстреливать - по десять за каждого беглого. Вам на первый раз наш комендант прощает...

Только что нервы были напряжены до предела - и вот опасность, кажется, миновала. Еще не верили сказанному, и головы подняли выше: русского солдата не запугать!

Чем дальше мы шли на запад, тем больше жителей сел и хуторов встречали нашу колонну. Весть о пленных летчиках,

конвоируемых в Германию, опережала наше продвижение, и на пути люди отдавали нам все, что еще смогли сохранить из продуктов питания. Впервые за последние дни мы наелись досыта.

Следующие ночевки в селах проходили под усиленной охраной с неоднократной поверкой. Мы понимали, что в таких условиях побег невозможен, и разрабатывали очередной вариант.

Между тем идти становилось все труднее. За четвертый день пути мы прошли немногим более двадцати километров и остановились у переправы через Южный Буг на окраине небольшого городка Вознесенска. Нас долго не пропускали на правый берег через мост, который охраняли румынские солдаты. Дело в том, что за Южным Бугом уже начиналась территория, отданная немцами румынам. Даже именовалась она теперь по-новому - Транснистрия.

Оккупанты, оказывается, успели поделить нашу Украину!

Видимо, не дождавшись решения румынского начальства, немецкая охрана, сопровождавшая нас, бесцеремонно, пригрозив румынам автоматами, переправила колонну через реку, и мы расположились в школе, посреди большого села Ястребиново..

Сама школа, несколько подсобных помещений и дом, где жили учителя, были обнесены высоким прочным глиняным забором. Войти или въехать на территорию этого своеобразного "замка" можно было только через калитку и ворота, закрывавшиеся на прочные задвижки и замки.

Уже к вечеру вокруг школы собрались местные жители, большинство из которых принесли нам продукты питания. Теперь мы уже не голодали, да и установившаяся за нами жесткая охрана как-то поослабла. Нам даже разрешили недолгие прогулки по двору школы. Пользуясь этим разрешением, мы установили связь с жившими в школе учительницами: Верой Робего, Марией Руссовой, Александрой Шевченко. Общались посредством записок, которые писали на листках из ученических тетрадей и прятали в условленном месте во дворе школы: разговаривать с глазу на глаз охрана никому не разрешала. Учительницы информировали нас о положении в селе, об охране, о полиции. Разрабатывая очередной вариант побега, мы просили их связать нас с подпольщиками или партизанами, помочь в организации нашего освобождения.

И через неделю план побега был готов. Вера, Мария и Александра способствовали ему как могли: приготовили веревки, нож, передали схему расстановки часовых у школы, патрулей в селе и на объектах железной дороги, проходившей совсем рядом. В их записках о подполье ничего не сообщалось, но мы

догадывались, что оно есть и что девчата связаны с ним. Кроме того, нам дали понять, что надо быть осторожней, так как немецкую охрану кто-то регулярно информирует. Но не верилось, что после инцидента с подосланным "летчиком Чулковым" среди нас найдется еще предатель.

А новый план побега был сравнительно прост: предстояло из здания школы выбраться прямо на крышу, оттуда с тыльной стороны, где часовой не стоял, спуститься на веревках и огородами пробраться в условленное место.

Казалось, все предусмотрели до мелочей. И вдруг накануне побега в заметной спешке нас построили и повели дальше на запад. Вначале мы посчитали это случайным совпадением, не хотелось думать, что немцам стало известно о готовящемся побеге. Но когда нас разместили в соседнем селе Контакузинка, всего в четырех километрах от школы, мы поверили в предостережение учительниц и, усилив конспирацию, решили искать предателя.

В новом селе нам отвели колхозный амбар. Он стоял на крутом берегу Буга, совсем рядом с мостом, через который нас только что привели из Вознесенска. Судя по тому, как неторопливо располагалась охрана, как готовилось прочное ограждение, надо было рассчитывать, что наше пребывание здесь будет долгим. И мы наладили связь с местным подпольем через тех же учительниц.

Переписка велась теперь усовершенствованным методом. Почтальонами служили сами немцы-охранники, о чем они, конечно, не подозревали. Записки передавались в дне плетеных корзин, в которых население поставляло нам продукты, или в каравае ржаного хлеба, специально недоброкачественно испеченного из плохой муки. Гитлеровцам и в голову не приходило взять себе такой незавидный хлеб.

Через три дня мы имели полное представление о нашем местонахождении, об охране близлежащих объектов. План побега скрытно разрабатывался в оргкомитете, исключая постороннее участие. На этот раз он был посложнее в организационной подготовке, по, как казалось нам, проще в исполнении. Суть его состояла в следующем.

К одной из стен нашего амбара была пристроена квартира, в которой жила одинокая женщина. Двери квартиры выходили к крутому обрыву. Нам предстояло прорезать в стене дыру в комнату хозяйки, а затем уже через двери, спустившись с обрыва, уйти в установленное место.

Дыру в стене мы прорезали долго - около недели. Чтобы гитлеровцы не услышали при этом стука и скрипа, пели песни,

громко разговаривали, шумели. Из рабочих инструментов у нас было всего два тупых столовых ножа, поэтому работали по очереди.

В ночь на 5 ноября спланировали побег. Казалось, что на этот раз наш план удастся, поэтому весь день были в приподнятом настроении, но старались ничем себя не выдавать. Вечером, поужинав всеми имевшимися запасами, пораньше легли спать. Внезапно открылись двери амбара и с шумом, криком, шагая через лежавших, несколько охранников направились прямо к стене с дырой. Собаки разгребли солому - и обнажилась огромная черная вышка.

- Рус-сиш швайн, никс драп-драп! - Град немецких ругательств, на улице автоматные очереди.

За попытку к побегу всем нам было назначено одно наказание: пять суток голодовки.

Первые и вторые сутки голод особенно тяжело переносится. На третьи сутки становится легче, но вставать и двигаться не хочется. Первые два дня мы много и дружно пели, потом начали беречь силы. Так отметили праздник Октября.

На четвертые сутки нам дали по кружке грязной воды. Несколько человек спали на соломе и, подняв верхний ее слой, обнаружили там кучу мякины. Так как в ней изредка попадались зерна ячменя, решили приготовить суп: в свою порцию воды насыпали мякины и, жадно давясь, стали есть. Степан Иванов запретил эту трапезу. Те, кто не выдержал, вскоре начали корчиться от боли.

Ох и трудная же это была ночь да и следующий день для них! Страшные боли, рвота, понос... Немцы видели наши страдания, но мер не принимали и только ехидно, издевательски посмеивались:

- Обожрались, свиньи русские! Мучайтесь, но умереть не дадим!

Весть о нашей голодовке разнеслась далеко по близлежащим селам. На шестой день с самого рассвета с разных сторон к нам потянулись жители. Несли и везли на подводах все, что могли дать. Немцы передали каждому только по кружке молока - продукты не принимали.

В середине ноября удалось наладить связь с подпольем. Нам сообщили, что скоро наш отъезд в Германию, предлагали планы побега, но все они строились в расчете на наши собственные силы.

И вот мы начали готовиться к очередному побегу, может быть самому рискованному. Многие, правда, после стольких неудач приуныли, потеряли веру в возможность освобождения в этих условиях и предлагали бежать в более удобное время. Но мы

прекрасно понимали, что только сейчас, пока мы еще на родной земле, самое время бежать - в дальнейшем будет сложнее, может случиться, что коллективный побег вообще будет исключен.

Неожиданно у меня начала воспаляться, казалось бы, совсем зажившая небольшая осколочная рана на правой ноге. Через четыре дня я уже не мог вставать. На пятые сутки началась гангрена, почерневшая, распухшая конечность не умещалась в штанине брюк. Появились опухоли лимфатических желез в пахе правой ноги, поднялась температура. Я не мог переворачиваться даже с боку па бок и чувствовал, что дни мои сочтены...

Утром 20 ноября наш лагерь посетила делегация, состоявшая из трех предателей-власовцев. Когда они вошли и назвали себя представителями русской армии освобождения России, приехавшими с целью проверить, как содержатся их пленные соотечественники, в них полетело со всех сторон все, что попало под руку: тарелки, ложки, снятые грязные сапоги или ботинки. Поток крепких, нелитературных выражений сопровождался не только словесными угрозами о возмездии. Несколько наших товарищей, окружив предателей, готовы были расправиться с ними на месте. Узрев подобный оборот дела, немецкие охранники под громкое улюлюканье и свист избавили нас от них.

Связано ли это событие с последующим решением гитлеровцев - трудно сказать, однако через несколько часов меня уложили на колесную подводу и повезли в Вознесенск.

Как положили, как везли по грязной неровной дороге, я не помню - почти все время был в забытьи. С началом операции потерял сознание, а очнулся - нога уже забинтована.

К вечеру меня доставили в наш лагерь, и товарищи долго считали, что я мертвый - признаков жизни я не подавал, Однако уже ночью мне стало значительно легче, на следующий день спала опухоль, захотелось есть. Через неделю я уже мог передвигаться самостоятельно.

В это время наш комитет принял решение предпринять еще один побег, так называемый "силовой". Ночью необходимо было упросить часового выпустить одного из нас на двор якобы из-за расстроенного желудка. Вышедшему при возвращении в амбар предстояло накинуться на часового и, обезвредив его, открыть для побега двери. Этот план знал только оргкомитет.

Снять часового поручили Николаю Мусиенко как самому сильному. Я должен был ему помогать. И начались тренировки: Коля (реже я) вдруг сзади набрасывался на кого-нибудь из своих и принимался его душить. Атакуемый, естественно, сопротивлялся изо всех сил, и дело кончалось тем, что у каждого появлялись солидные синяки. Однако цель оправдывала средства,

и мы быстро мирились.

* * *

Побег был назначен на ночь 2 декабря. Вечером Степан Иванов сообщил всем решение оргкомитета. К нашему удивлению, план побега общее собрание отклонило как рискованный и трудновыполнимый. Тогда, посовещавшись, члены комитета решили осуществить план только своими силами. Ждать другого случая было равносильно гибели.

Спать легли, как обычно, чтобы не вызвать подозрений у охраны. Около часа ночи Николай Мусиенко и я незаметно перебрались поближе к двери, и вот через несколько минут Николай начал просить часового:

- Комрад, баух капут. Битте туалет, комрад, баух капут, битте туалет.

Так он повторял бесконечно. И когда, казалось, все надежды на то, что часовой выпустит Мусиенко на улицу были потеряны, мы услышали, как охранник подошел к двери и начал открывать замок.

Нервы напряжены до предела. Мелькают тревожные мысли: "Часовой один или позвал дополнительный караул?.. Тогда Николаю не справиться. Значит, действовать будем только в том случае, если часовой без подкрепления".

Наконец дверь открылась. Николай, горбясь, со стоном спешно выходит на улицу. Дверь снова закрывается па замок. Время тянется бесконечно... Мы ждем решения Николая: он должен три раза громко кашлянуть, если решит действовать. Слышно, как громко, шлепая по грязи, к двери идут двое. Покашливания нет. Неужели что-то не предусмотрели? А может, Николай не рискует?.. Нет! Он не из трусливых. К двери подползают остальные члены комитета. Проснулись многие товарищи, ничего не знавшие о нашем плане, но и они, видимо, догадались о происходящем. Началось перешептывание. Иванов приказывает всем молчать.

Тем временем шаги у двери затихли и слышно, как часовой отпирает замок. Раздался резкий кашель, и сразу же началась возня за дверью, которая по-прежнему закрыта. Лежа, я толкаю ее ногой, и дверь легко растворяется... Часовой и Мусиенко борются на земле не на жизнь, а на смерть!

Как и условлено, бросаюсь на помощь товарищу, но не могу определить в темноте, где Николай, где немец... Слышу дикий приглушенный крик задыхающегося - это рука Мусиенко соскользнула с горла немца, который, падая, оказался сверху Николая и в судорогах уцепился за него. Помог Николаю высвободиться. Где же автомат немца? Его мы планировали

захватить. Вижу, как один за другим выскакивают из открытых дверей наши товарищи и исчезают в темноте. Значит, все идет по плану.

В это время часовые, стоявшие с других сторон здания, открыли беспорядочный огонь. А я все еще вожусь с охранником, который мертвой хваткой уцепился за полы моей французской шинели. Снимаю ее и бегу через улицу, надеясь попасть в калитку ограды. Каждый день изучали и запоминали маршрут предстоящего побега, но в калитку попасть я не смог. Перелезаю через колючую проволоку - рвется одежда, колючки впиваются в тело. Над головой трассируют автоматные очереди. Моросит мокрый снег. Дверь амбара охранники, по-видимому, закрыли - оттуда никто уже не появляется.

...Бегу огородами. Чем дальше ухожу, тем слабее по силе автоматные очереди. Ветер сильный, встречный, чуть справа. Так и бегу, не меняя направления, ориентируясь по ветру. Невообразимая тьма. Без конца спотыкаясь, падаю, встаю - и снова бегом. Наконец слышу впереди топот. Догоняю и узнаю Иванова, Мусиенко, Смертина.

Остановились, обнялись - мы на свободе!.. Слышим звуки шагов слева. Осторожно сближаемся, определяем: свои. Здесь Скробов, Бачин, Шаханин. Нас уже семеро. Где же остальные члены оргкомитета? Кулик, Васильев, Крючков, видимо, выскочить не успели. Бачин, Смертин и Шаханин бежали по своей инициативе. Молодцы!..

Короткое совещание. Степан Иванов руководить пока не в состоянии - у него сильное нервное потрясение, говорить не может. Николай Мусиенко держится за правый глаз: он у него совсем затек - часовой успел ударить Николая массивным замком, когда тот схватил его сзади за горло. Смертин надрывно кашляет, и, кажется, так громко, что мы просим его закрыть рот шапкой.

Погони пока не слышно. Но стрельба у нашего амбара продолжается. Отзвуки, правда, совсем слабые. Видимо, пробежали уже километра три-четыре. В том же направлении идет стрельба разноцветными ракетами.

Идти и тем более бежать по вязкому декабрьскому полю очень трудно. Но к утру мы должны быть как можно дальше от места побега. Приблизились к какому-то лесу, определили, что это лесозащитная посадка вдоль железной дороги. Здесь решили перейти через посадку на другую сторону железнодорожного полотна по одному - на расстоянии не менее двухсот метров друг от друга, потом вновь собраться и двигаться дальше.

Но больше мы уже не собрались. Как я ни пытался спешно перейти лесопосадку, запутался в темноте и перестал понимать, с

какой стороны железной дороги нахожусь. Вокруг тишина, беспроглядная ночь... Попытался себя обозначить свистом - никто не отозвался.

Одиночество пугает. Надо что-то предпринимать. И я решаю до рассвета никуда не двигаться, так как уже окончательно потерял ориентировку.

Пока бежал, было жарко, но постепенно начинаю чувствовать холод, дрожь по всему телу. Так стало холодно, что уже стучат зубы. У меня кисет с махоркой и спички, а курить нельзя - в темную ночь даже огонек от папиросы далеко виден.

Я дождался рассвета, осмотрелся: не такая уж и густая эта лесопосадка, как казалось ночью. Закурил, перешел с одной стороны лесопосадки на другую в расчете увидеть своих, но вокруг тихо, пустынно. Услышал отдаленный лай собак и понял, что с раннего утра немцы организовали погоню и идут по следам.

Что делать? Если бежать, то собаки догонят и растерзают. Я залез в густой ельник, предварительно рассыпав всю имевшуюся махорку но собственным следам и вокруг себя.

Лай собак все ближе, ближе.... Вот уже отчетливо видны их злые, рвущиеся вперед морды. Я притаился, не дышу. Только бы не закашляться!.. Вдруг собаки встали как вкопанные в десяти метрах от меня и закрутились на месте, потом, виляя хвостами, вернулись назад, но двинулись уже вдоль посадки и, тявкая, скрылись вдалеке. Кажется, пронесло...

Выбравшись из укрытия, прямо лесопосадкой я пошел в сторону Ястребиново там нас должны были ждать подпольщики. Шел долго, а зимний день короток: появилась неуверенность, что двигаюсь в нужном направлении.

Вдали от дороги увидел дом и решил зайти. Злая собака, привязанная на цепи, отчаянно залаяла, и на крыльцо вышла средних лет женщина.

- Кто есть в доме? - спросил я настороженно.

- Никого нема. Батько да Галю... - испуганно ответила женщина.

- Позвольте зайти водички попить, только собаку уберите, - попросил я хозяйку и зашел в дом.

Навстречу поднялся полуседой, еще крепкий дед. На лавке сидела совсем молодая девушка.

- Далеко ли до Ястребиново? - спрашиваю у старика.

- Ни, тутычки, рядом, - скороговоркой ответил он.

Я поставил условия: из дома никому не выходить, а мне дать поесть и, если можно, переодеться. Хозяева услужливо согласились. Из печи женщина достала чугунок с картошкой, поставила на стол. Я ел жадно, давясь, кашляя, - сухая картошка

горло драла. Старик, держась за живот, попросился по надобности на двор.

- Приперло не вовремя! - ответил я деду. - Иди, да только смотри не вздумай звать на помощь... - И, проследив за ним в окно, продолжал глотать картошку.

Вдруг услышал во дворе:

- Держите его, люди добрые! На помощь! - Это кричал старик, убегая в направлении рядом расположенного села.

Я пулей выскочил в открытое окно хаты, рванул к лесопосадке и через час был уже далеко от "гостеприимного" дома.

На третий день к вечеру наконец добрался до Ястребиново. Последние километры шел в открытую - по шпалам и увидел, как навстречу, громко разговаривая, идут две девушки... Спрятался в кусты, прислушался. Девушки обсуждали сельские новости и конечно же упомянули о сбежавших летчиках, которые раньше находились в ястребиновской школе.

Я вышел из кустов. Увидев меня, девчата остановились, замерли, со страхом ожидая моего приближения.

- Девушки, скажите-ка, это село Ястребиново?-спросил, но ответа не получил.

Видно, очень испугались они, не в силах были пошевелиться. Наконец младшая нерешительно проговорила:

- Да, дядя, там Ястребиново!

- А вы не убежавший летчик? - осмелев, спросила старшая.

- Мне нужно в школу. Она с какой стороны села? - не вдаваясь в подробности, уточнял я.

- Мы лучше побежим, дядя, а то уже темнеет, нас папа ждет. А школа ближе к той стороне, только там немцы, - убегая и осторожно осматриваясь, ответила младшая и уже издали громко крикнула: - А мы туточки живем, на полустанке. Мы Чернобаи!

К школе я подошел, когда совсем стемнело. Гитлеровцев вокруг не было видно, поэтому, смело открыв калитку, я постучал в окно домика учителей. Распахнулась занавеска - на меня глянули большие, удивленные глаза женщины. Занавеску сразу же задернули. Кто-то вышел из дома, пригляделся - та же женщина.

- Вы из бежавших? Я Вера. Что же вы делаете! Здесь же немцы, как вас часовой не видел!..

- Какой часовой, какие немцы? - воскликнул я и тут же вспомнил о предупреждении девушек-подростков.

Уже более недели, как в школе разместилась немецкая воинская часть. Обстановка складывалась настолько сложной, что, если бы не находчивость смелых учительниц, я снова мог

оказаться там, откуда с таким трудом бежал.

Наш разговор услышал часовой, несший службу во дворе школы. Направляясь к нам, он громко по-немецки спросил, кто и почему здесь находится.

- Идите быстро за мной! - Взяв меня за руку, Вера пошла в сарай. Здесь находилась одна из немногих еще уцелевших в селе коров. -Ложитесь в кормушку и молчите! - скомандовала учительница.

В ту же минуту в сарае появилась Мария. И сразу, громко ворча на корову, они втолкнули меня в кормушку и сверху присыпали свежим сеном.

В сарай зашел часовой. Подсвечивая фонариком по всему помещению, выгнал оттуда учительниц, видно, заподозрив недоброе. А я лежал не дыша и, когда часовой фонариком провел мельком по кормушке, которую на мое счастье, корова закрыла собой, понял, что спасен.

Из сена я вылез только после ухода немца. В нерешительности притаившись возле двери, услышал, как кто-то подошел к сараю и тихо проговорил:

- Товарищ, сюда!

- Я тут, рядом.

- Ну тогда беритесь за руку - и за мной!

Тихо, незаметно мы вышли через калитку и направились вдоль села.

- Наше счастье, что часовой ушел с поста. Мы ему дали яиц и водки - это они любят, - сообщила Вера.

- Но куда мы идем? - спросил я.

- Теперь вы в безопасности. Скоро будем в надежном месте... Ведь все время ждали вас. Знали, что должны к нам явиться, и хотели предупредить, что в школе немцы. А сегодня вот прозевали, - пояснила Шура и вместе с Верой убежала куда-то во двор рядом стоявшего дома.

Через несколько минут мы вошли туда. Встретил нас уже немолодой, седеющий одноногий мужчина.

- Иван Александрович Грений, - представился он и предупредил: - Времени у нас мало, а сделать до прихода немца квартиранта надо много. Поэтому вы, девчата, по домам, вас могут хватиться. Здесь пока не нужны - только лишний шум...

Я успел спросить у учительниц, пришел ли кто из наших, бежавших, и мне рассказали, что появился только один - Михаилом зовут, что находится он в надежном месте, куда и меня должны перевести. А сколько всего бежало - толком не знают. Немцы распространили слух, что всех пытавшихся вырваться из плена расстреляли, будто они уже и похоронены: девушки сами

видели шесть могил на берегу Буга...

Да, невеселые были вести. В том, что удалось вырваться семерке наших, я не сомневался. Но черная мысль мелькнула: "Неужели шестерых схватили и они уже в могилах?.."

Когда девушки ушли, хозяин дома, Иван Александрович, поглядев на меня внимательно, сказал:

- Будешь моим старшим братом. А приехал из далекого села в гости... Давай-ка сбрасывай все, что на тебе есть, да полезай в печь, вымойся, приведи в порядок лохматую бороду, волосы. Похоже, что ты не такой уж и старый, как кажешься.

Вскоре я вымылся, побрился, оделся в приготовленную, несколько великоватую по размеру одежду, и тут жена Ивана Александровича с усмешкой сказала:

- Ты, Иван, хочешь ему быть братом, а подывись - он в сыновья тебе годится.

Вглядевшись в меня и подумав, хозяин переменил решение:

- Да, братом не подходишь. Совсем молодой. Ну, племянником сойдешь, и тоже в гостях.

Я согласился на племянника и обещал помогать в сапожном деле. Иван Александрович оказался по профессии сапожником и был не местным жителем, а поселившимся здесь в начале войны беженцем. В гражданскую войну он партизанил. Не рассчитывая на снисхождение фашистов, с началом оккупации Украины сменил местожительство.

За ужином Иван Александрович поспешно объяснил мне обстановку в селе после нашего побега, сказал, что спать я буду на полу, рядом с кроватью немецкого фельдфебеля-квартиранта, который где-то постоянно дежурил и ночевать приходил поздно. Такая перспектива не вызвала во мне особого восторга. Спать рядом с немцем! И я на всякий случай прикинул, как выскочу при необходимости в окно.

Мы договорились, что завтра же я обязательно посмотрю на могилы, которые фашисты сделали у Буга, а может быть, увижу и своих товарищей, которые остались в застенках. По словам Ивана Александровича, на следующий день после нашего побега для наказания всех их завели в реку Буг, местами уже покрытую тонкой коркой льда, и держали в воде целых полчаса. Жестокое, бесчеловечное истязание. Многие пленные, простудившиеся в реке, умерли потом по дороге в Германию...

А по поводу якобы расстрелянных летчиков местные жители говорили разное и не верили в реальность могил. Дело в том, что наряды немецких патрулей и полицаев рыскали по всем селам, в развешанных объявлениях обещалась большая сумма денег за поимку летчика-беглеца, а тем, кто его укроет, грозил расстрел на месте.

Мы засиделись за ужином. Уже пришел квартирант. Пока Иван Александрович открывал калитку, я вроде бы улегся спать, ожидая, что же будет дальше.

В комнату вошел здоровенный фельдфебель с автоматом за плечом и пистолетом на ремне - по коже пробежали предательские мурашки. Сжавшись, как пружина, я беспрестанно строил в голове самые невероятные планы на случай возможного отступления. Но немец был в хорошем настроении, поужинал и лег спать, предусмотрительно положив пистолет под подушку, а автомат беспечно повесив на спинку кровати (кровать его стояла в метре от меня). Несколько успокоившись, давно желанным сном уснул и я.

Утром пришли учительницы и сообщили, что сегодня же вечером мне нужно уходить - предполагается повальный обыск: кто-то видел, как в село приходили бежавшие летчики. Вечером, прежде чем идти в предназначенное место, я все же уговорил девчат осмотреть могилы - они были в трех километрах от Ястребиново.

Трудно передать состояние, когда видишь собственный похоронный холмик, пусть и поддельный... Сделан он был по-настоящему, с немецкой аккуратностью. Рядом же, на бугре, томились в застенках мои товарищи, которых вдобавок к зверскому наказанию в ледяной воде неделю морили голодом. Уходя, я мысленно поклялся предпринять все возможное, чтобы освободить пленных друзей, рассчитывая на помощь подполья, но через несколько дней их увезли в Германию...

Мы выбрались за село и долго шли вдоль железнодорожных путей. Уже далеко позади остались Контакузинка и Ястребиново.

- Куда же мы все-таки идем? - не выдержав, спросил я у Веры и Шуры.

- Да уж совсем рядом. Временно вы будете скрываться у обходчика путей Степана Чернобая, который живет с семьей в придорожном доме.

Фамилию Чернобай я где-то недавно слышал, по уже все события переплелись...

И вот около дома нас встретил, придерживая злую собаку, сам хозяин. Степан Петрович Чернобай, человек высокого роста, крепкого телосложения, средних лет, держался, как и вся его

семья, несколько настороженно. Мы хорошо понимали, какую опасность для них таило паше присутствие в доме и какую ответственность брал на себя хозяин. Скрывать бежавших летчиков, да не только скрывать, но и кормить!.. Я увидел двух девочек-подростков.

Старшую звали Нилой, младшую - Милой, и было им тогда соответственно 13 и 12 лет.

Пожилая, с проседью, их мать стояла возле печи, при моем появлении она несколько раз перекрестилась.

Не успели мы познакомиться, как из печи вылез весь в поту Миша Смертин. На радостях мы с ним обнялись, как самые близкие люди, как родные братья...

Залаяла собака. Вскоре в дом вбежала не известная нам женщина. Задыхаясь, смятенным, почти паническим голосом она скороговоркой бросила:

- Что-то надо делать, куда-то всем прятаться, убегать, идет большой патруль!..

Я заметил, что Степан Петрович хоть и не трусливого десятка, но решения принять не может. Присутствующие словно оцепенели от неожиданного сообщения вбежавшей женщины, которая по делам была в Ястребинове, где и узнала тревожную весть. В подтверждение ее слов во дворе дома раздался яростный лай рвущейся с цепи собаки.

- Миша, быстро лезем в печь! - оперативно, по-командирски распорядился я. - А вы все садитесь за стол и, если есть бутылка спиртного, распивайте, изображайте чьи-нибудь именины. Неплохо будет, если запоете.

Уже минуты через три, лежа в жаркой печи, мы услышали, как девочки запели украинскую песню, а Степан Петрович, хватив стакан самогонки, кинулся открывать калитку и привел с собой четырех румын, несших охрану железнодорожных путей. С ними был полицай.

Находчивые учительницы тоже налили им по стакану самогонки.

- А мы вот тут с обыском к тебе, Петрович, - заявил полицай Чернобаю. -Если летаки-беглецы и прийдуть, так, мабуть, к тебе - живешь в одиночестве.

- Я ж не дурак. В петлю не хочу. Ай мини мои дитяти не дороги, сам подумай. А приказано искать, так ищи! - успокоившись и наливая самогонки еще, ответил Степан Петрович.

Выпив по второй и для порядка заглянув на печь, под кровать, даже в сундук с тряпьем, солдаты с полицаем удалились с чувством исполненного долга.

Мы вылезли из печи. Все женщины горько разрыдались. Оправившись от пережитого, порешили на том, что на несколько дней, как ни опасно, все же придется нам здесь остаться - пока не появится возможность переправиться к подпольщикам. Другого выхода не было.

На следующий день с рассветом мы с Михаилом начали готовить себе надежное укрытие, так как прятаться в печи подолгу было неудобно, да и рискованно для всех. Во дворе дома стоял небольшой сарай. В одной его половине содержалась овца, в другой лежали дрова, разная деревенская утварь, необходимая в хозяйстве. В овечьем закуте мы вырыли большую яму, вроде погреба, тщательно замаскировали вход туда и закрыли его крышкой, на которой укрепили сено с соломой, чтобы не отличить от пола в сарае.

Всю эту работу мы закончили уже втроем, так как к вечеру учительницы привели еще одного бежавшего - Василия Скробова. Рыть погреб нам помогала и семья Чернобая - дело нелегкое. Все нужно было делать скрытно, незаметно. Землю ведрами уносили далеко от дома.

Когда Мария Руссова пришла к Чернобаю, ей указали приблизительное место нашего тайника - во дворе дома. Найти его она не смогла. Когда же увидела, как в полу сарая поднялась крышка, и заглянула в погреб, восхищению Марии не было предела. Отлегло и на сердце хозяйки дома.

Белее двух месяцев скрывались мы в этом убежище. И весь этот крайне тяжелый период бесчинств румынских и немецких оккупантов, строжайшей слежки полиции и жандармерии самоотверженная семья Чернобаев, рискуя жизнью, не только укрывала нас, но и помогала нам выполнять поручения подполья.

Невестка Катя с хозяйкой дома готовили нам пищу, стирали белье. Славные, не по годам смелые Нила и Мила были нашими разведчицами и помощницами. А руководил всем Степан Петрович. От него мы постоянно получали подробные сведения о действиях в окрестности немецких и румынских войск.

Много было пережито напряженных, незабываемых дней и ночей в том погребе. Были моменты, когда, казалось, уже ничто не могло спасти нас, но решительность и находчивость Веры Робего, Александры Шевченко, Марии Руссовой и семьи Чернобай всякий раз отводили беду. Мы горячо привязались к нашим преданным друзьям и во всем доверяли им. Несказанную благодарность к этим людям я сохранил на всю жизнь.

Спустя много лет, уже генералом, я заехал в село Ястребиново. Прошел к дому Степана Петровича. Волнение мое было необычайным при виде памятных мест, где столько

пережито, от предчувствия встречи с дорогим человеком.

Вышел Степан Петрович, заметно постаревший, словно бы осунувшийся.

- Здравствуйте, люди добрые. Заходите в дом - гостями будете, - пригласил радушно.

Я хотел было обнять этого доброго и ставшего мне родным человека, но на время подавил свое желание, так как был твердо уверен, что Чернобай не узнал меня.

- Пойдемте-ка, Степан Петрович, в ваш сарай. Покажите нам тот погреб, где в годы войны вы скрывали пленных летчиков, - попросил я, внимательно всматриваясь в его лицо, которое, как и раньше, было спокойным, уверенным.

Степан Петрович ответил не спеша:

- Не было здесь летчиков, и никто не скрывался, а потому нет и никакого погреба. Пожалуйста, смотрите.

В этом ответе был весь характер Петровича: его железная выдержка, природная скромность, смелость человека, умеющего рисковать. Но я уверенно вошел в сарай и не без усилий открыл крышку нашего тайника, который уже был наполовину засыпан. Тут Степану Петровичу пришлось признаться:

- Да, было дело... Отчаянные были хлопцы - ничего не боялись... - В голосе его чувствовалась затаенная печаль.

- Наведывался ли кто-нибудь из них после войны? - не удержался я от вопроса.

- Нет, не приезжали. Говорят, в Ястребиново летун Степан Иванов показывался. А моих не было.

- Так, может, их в живых нет?

- Упаси их бог, живы! - возразил Чернобай. - Еще в войну и после войны Гриша Дольников писал и деньги присылал. Спасибо ему, большая помощь была в то нелегкое время. Василь Скробов Ивану Грений помогал. Только вот о Михаиле до сих пор ничего не ведаем. Где он?

Тогда и я еще не знал, жив ли кто из моих товарищей по плену, и был бесконечно рад тому, что подали о себе весть Вася Скробов, Степан Иванов. Значит, скоро свидимся...

Когда вошли в дом, я спросил хозяина, подавив волнение:

- А может, кто-то из нас вам знаком? Посмотрите хорошенько, Степан Петрович. - Со мной был один из местных активистов.

- Кажись, Гриша!.. - радостно воскликнул он. - А я-то думаю, что-то знакомый голос... Да и яму, где скрывались, сразу точно указал! Ой! Дорогие гости наши... - Он не сумел договорить - я крепко обнял Степана Петровича, и у него, как и у меня, навернулись на глаза слезы.

До рассвета просидели мы со Степаном Петровичем и его

женой, вспоминая не столь еще тогда далекие тяжелые времена. Утром хозяин пошел меня провожать.

- А помнишь, Устиныч, как встречали мы новый, 1944 год? - уже расставаясь, у самого Ястребиново грустно спросил Чернобай.

Как можно забыть ту ночь! С волнением и подъемом готовились мы встретить Новый год, ждали его в полной уверенности, что это будет год полного разгрома фашизма, окончательного освобождения нашей Родины от немцев.

Еще часа за три до новогодней полночи, помню, услышали со стороны Буга частую перестрелку, сопровождаемую разноцветным фейерверком ракет, и решили, что это прорвались наши части. Послав в разведку девчат, сами вышли из убежища и, оценивая обстановку, начали решать, куда идти, чтобы скорее встретиться с наступающими частями. Тем временем стрельба из оружия всех калибров со стороны Ястребиново, Контакузинка усиливалась. И вдруг мы услышали песню - пели вроде бы наши девчата, возвращавшиеся из разведки. "Раз поют, - подумали все, значит, наши совсем близко, надо торопиться". Но настораживали неожиданные выкрики Нилы и Милы: "Ховайтесь! Ховайтесь!" Это совсем не вязалось с текстом песни. Когда же девчушки вбежали во двор дома, крикнув: "За нами гонятся!", мы пулей рванули в сарай, в свой погреб.

Те роковые полчаса, пока на этот раз немцы, а не румыны делали обыск в доме и во дворе, нам показались вечностью. Особенно жутко было, когда они вошли в сарай и овчарки, яростно лая, бросались из стороны в сторону. Автоматная очередь прошлась по стенам сарая, несколько пуль, прошив крышку нашего тайника, ушли глубоко в землю...

Немцы наконец ушли. Тогда насмерть перепуганные Нила и Мила наперебой принялись рассказывать нам, что же все-таки произошло. Оказалось, что никакие войска в районе Буга и соседних деревень не появлялись. Беспорядочная стрельба возникла среди перепившихся немецких солдат, недавно прибывших с фронта. Как и почему за нашими девчатами увязался немецкий патруль, кого он искал в доме Степана Петровича - так и осталось невыясненным.

* * *

В конце февраля учительницы-связные передали нам, чтобы мы были готовы переправиться к партизанам. Ранним утром следующего дня, распрощавшись с семьей Степана Чернобая, в сопровождении незнакомого подпольщика, мы поехали куда-то на колесной подводе, запряженной хорошей лошадью. К вечеру того же дня добрались до местечка Веселиново. Здесь размещался

партизанский отряд "За Родину", здесь нам предстояло жить и работать в подполье около месяца, пока отряд не соединился с наступавшими войсками Красной Армии.

Веселиновская подпольная группа, насколько мне было известно, не имела связи с Большой землей. Но боевая работа партизан в фашистском тылу причиняла немцам немало забот.

Жили мы глубоко под землей, в вырытой и построенной под неприметным домом землянке. Как рассказывали, эту землянку рыли несколько месяцев, притом только ночью, вынося землю в мешках далеко в поле. Размеры ее были довольно внушительные. Достаточно сказать, что около двух лет размещалось там и вело работу веселиновское подполье. В последние несколько недель - вплоть до освобождения - в этом подземелье собрали всех активистов и даже просто подозреваемых полицией и немецкой комендатурой местных жителей, чтобы сохранить им жизнь и подготовить вооруженное восстание к моменту подхода частей Красной Армии. В общей сложности там скрывалось более пятидесяти человек.

Помню, как нас троих привели в дом и, открыв замаскированный в подпечье лаз, предложили спускаться вниз. В этот лаз, обложенный мешками с мукой, по специальной лестнице предстояло спуститься на глубину до трех метров, затем, как по траншее, ползти около двух метров по прямой, а дальше опять вниз. А там уже и вход в землянку, где были устроены двухэтажные нары для отдыха. Посередине помещения располагались ружейные пирамиды с разнокалиберным оружием различных марок, большой стол с пишущей машинкой, на которой печатались листовки, распоряжения, поддельные справки. Запасный выход шел под домом и выводил на поверхность во дворе, за сараем.

Помню, 29 марта 1944 года на рассвете, мы все, размещавшиеся в землянке, и другие действовавшие в районе подпольщики завязали в Веселиново бой с отступавшими немецкими и румынскими частями. Перед этим руководство подпольем послало навстречу нашим частям разведчиков с просьбой побыстрее, хотя бы передовыми отрядами, оказать помощь восставшим. Советские войска мы встретили уже будучи хозяевами Веселинова.

Трудно передать радость этой встречи. Первые дни я никак не верил, что могу свободно ходить, говорить - жить...

Когда руководители вновь созданного райкома партии и райисполкома вместе с командованием частей, освободивших райцентр, осмотрели землянку, где работали подпольщики, даже видавшие виды были поражены. Тогда предлагалось сохранить ее

для потомства как память о героической борьбе нашего народа с фашизмом. К сожалению, не удалось...

К слову сказать, и о боевых действиях подпольщиков Веселинова теперешние его жители мало что знают. А подвиг веселиновских патриотов не должен быть забыт. Узнав приблизительное место базирования наших полков, получив удостоверения, характеристики о работе в подполье, мы трое, Василий Скробов, Михаил Смертин и я, по-братски распрощались и направились в разные стороны на поиски своих.

По пути я зашел к Степану Чернобаю, где переночевал - уже по-человечески, не в погребе, как бывало. Утром тепло простившись с хозяевами, двинулся дальше - в направлении Николаева, где состоялась моя встреча - если ее можно так назвать - с друзьями-летчиками.

Проходя по улицам, часто останавливаясь и читая расклеенные газеты и журналы, я вдруг увидел портреты Героев Советского Союза. Среди них узнал летчиков нашей дивизии: Покрышкин, братья Глинка, Бабак, Лавицкий, Шаренко, Речкалов... "Родные мои!.. Герои!.." - радостные, светлые мысли теснились у меня в голове, а на глазах навернулись слезы. Видно, задержался я у журнальных фотографий. Уже прохожие останавливались, подозрительно и недоверчиво приглядываясь ко мне. Помню, один из них, с пустым правым рукавом и медалями на груди, резко бросил мне:

- Что тут слезу пускаешь? Сам мог бы таким стать! На фронт идти надо, а не отираться по тылам...

Мог ли он знать, что творилось на душе у этого "отирающегося по тылам". Только 20 апреля 1944 года мне удалось добраться до родного полка.

В родном полку

Не так-то просто в суровые военные годы узнать место расположения нужной тебе воинской части. Люди насторожены, подозрительны, а уж мой внешний вид никак не располагал к доверительности. И все же, продвигаясь в юго-восточном направлении через Николаев, Херсон, я получал подтверждения, что иду правильно.

Несколько раз в нерешительности спрашивал пилотов: "Где же базируется 9-я истребительная дивизия?" Пилоты недоверчиво смотрели на меня, порой посылали по-русски бог весть куда... Тогда, встретив однажды молодцеватого старшего лейтенанта в кожаном реглане, я пошел на хитрость:

- Разрешите обратиться, товарищ полковник?

- Ну валяй обращайся! - ответил он, явно довольный моей немудрящей лестью.

- Не знаете ли вы таких летчиков, как Покрышкин, братья Глинка? - начал издалека.

- Кто же их не знает! Не только знаю, но и воюем вместе. А ты чего хотел-то? Сам кто будешь?

- Да родственник я ДБ и ББ. Разыскиваю их. Вы вот, видать, знаете, где найти. Небось тоже герой? - давил я на психику "полковника".

- Ну еще не герой - жду указа, - не преминул он уточнить и сдался: - Дуй в район Большого Токмака, там отыщешь своих Глинок!

Я решил пробираться через Херсон, Каховку на Мелитополь. Как же хотелось остановиться в Каховке, зайти в тюрьму, где совсем недавно пришлось пережить столько ужасов! Но желание поскорее встретиться с боевыми друзьями неутомимо вело вперед. Вот только никак не верилось, что своих однополчан найду там, откуда сам не вернулся из боя... Одолевали сомнения: "Уж не по ложному ли следу иду? Почему не двигается наша дивизия вперед? Ведь фронт далеко за Днепром, а Большой Токмак - это глубокий тыл".

Приближающаяся встреча радовала и тревожила: как встретят друзья? Не отвернутся ли? Поверят ли пережитому?..

И вот солнечным весенним утром 20 апреля 1944 года на попутной машине я приехал в село Черниговку, где размещался наш 100-й гвардейский авиаполк. Надо же такому случиться - первым встретился мне Василий Сапьян, мой верный ведущий. Я узнал его еще издали. Был он в какой-то неформенной фуражке, в кожаной куртке, из-под которой виднелась гимнастерка, в широких бриджах и хороших сапогах.

Я подошел уже совсем близко к товарищу-сердце стучит так, словно вырывается из груди, ноги почти онемели. Вот мы уже поравнялись, хочется крикнуть от радости, обнять Сапьяна, как родного, но ведущий не узнает меня, проходит мимо.

Сделал еще два шага и, решительно обернувшись, окликаю его:

- Василий, не узнаешь, что ли?

Не по внешнему виду, скорее по голосу да, наверное, еще по каким-то необъяснимым приметам узнал меня Сапьян. Мы крепко обнялись.

- Не может быть! Живой... ты ли? Мы ведь похоронили тебя, а ты с того света! - взволнованно говорил ведущий, не отпуская меня и словно опасаясь, что какая-то сила может разлучить нас. - Что же мы стоим? Скорее к пилотягам... Вот новость-то будет!

Пока мы шли в штаб, неизвестно каким образом, но слух о моем возвращении уже распространился, и толпа однополчан

вокруг нас росла с каждым шагом. Меня обнимали, хлопали по плечу, жали руки - в общем, стояла взволнованная атмосфера встречи, какой я даже не представлял себе. Вдруг прозвучал резкий сигнал автомашины. Все расступились, и из подъехавшей эмки вышел наш Батя комдив Дзусов.

- Что происходит? Что за митинг? Или поймали кого? - ни к кому конкретно не обращаясь, спросил комдив.

Все присутствующие, перебивая друг друга, пытались доложить Дзусову о происшедшем и подталкивали меня вперед, но комдив так и не мог разобрать, в чем дело. Тогда наш ББ зычным голосом и властным взмахом руки прекратил шум.

- Пропажа нашлась давняя, товарищ полковник, - доложил деловито, - вот и радуемся, не знаем, как отметить.

Комдив подошел ближе, внимательно всмотрелся сквозь массивные очки в мое лицо и узнал меня.

- Эх, дундук ты этакий! Где бродил так долго? - Слова его звучали вроде сурово, но и тепло, по-отечески. - Ладно, соловья баснями не кормят! Берите, Сергей Иванович, сокола. Примите, оденьте. Как обхарчуете - в дело.

- Примем наилучшим образом: в свой ведь дом вернулся, - ответил стоявший рядом с Дзусовым коренастый, крепкого телосложения майор с Золотой Звездой Героя на груди.

Это был новый командир нашего 100-го истребительного авиационного полка Сергей Иванович Лукьянов, о котором я много слышал как о храбром воздушном бойце и опытном командире эскадрильи братского 16-го гвардейского авиаполка.

- А теперь, товарищи, расходитесь по местам. Готовьтесь к большой работе! - загадочно улыбаясь, сказал полковник Дзусов и, садясь в машину, добавил: Вот по этому случаю спешу на вызов к командующему.

Но не за получением боевой задачи, как оказалось, спешил наш комдив к командующему. Через несколько дней Дзусов получил назначение на должность командира истребительного авиационного корпуса, ему присвоили звание генерала. Войну он закончил Героем Советского Союза. А командиром дивизии назначили полковника Александра Ивановича Покрышкина. Это была достойная замена ушедшему на повышение Дзусову.

У вас же в полку тоже произошли изменения. Помощником командира полка по воздушно-стрелковой службе был назначен Иван Бабак. Несмотря на свое новое должностное положение, Иван по-прежнему оставался скромным, даже застенчивым человеком. Как и большинство друзей, он встретил меня с искренней радостью. А я смотрел на Ивана и глазам не верил: это же сам Бабак, который там, в Николаеве, смотрел на меня

добрыми глазами со страниц журнала так же доверчиво, как и теперь. Словом, весь тот памятный день встречи я был во власти друзей, ряды которых заметно поредели. А у оставшихся на груди появились боевые ордена.

Опытными воздушными бойцами зарекомендовали себя Кондратьев, Синюта, Антоньев, Лихонос. Это были уже зрелые летчики, асы. Получил звание лейтенанта и орден Красного Знамени Петр Гучек, мой земляк и однокашник. Был он до крайности стеснителен и робок на слово, но не на дело. В те суровые годы многие из нас не научились еще бурно и красноречиво выражать свои чувства и мысли. Поэтому при встрече Петя лишь неуклюже обнял меня сильными руками и тихо, как бы только мне одному сказал:

- Отомстим, браток! Дерево сильно корнями, пилоты - друзьями.

Я искал глазами своего командира эскадрильи Николая Лавицкого, но почему-то не находил.

- Командиру эскадрильи доложить бы, - обратился я к Сапьяну и увидел, как тот опустил глаза и, отвернувшись в сторону, с болью в голосе ответил:

- Не доложишь... Никогда уж не будет принимать докладов наш дорогой Николай Ефимович...

- Когда, как, где?.. - только и сумел произнести я.

- Совсем недавно погиб Николай. Не все еще в полку и верят, что нет его среди нас. Как случилось - расскажу попозже, вечером, - ответил Сапьян.

После ужина я узнал подробности гибели Николая и многое из его недолгой, но яркой жизни.

Родился Николай на Смоленщине. Отец его Ефим Егорович и мать Анастасия Федоровна, потомственные крестьяне, воспитали в сыне большое трудолюбие, честность, любовь к родной земле и природе.

Учителем светлоголового худенького Коли в его родной деревеньке Слободы был Вениамин Петрович Гриценко, у которого двое сыновей стали летчиками. Об этом знали все деревенские мальчишки, и все до одного хотели, как братья Гриценко, летать в небе. Когда же мужественные пилоты, сыновья старого учителя, погибли в небе Испании, решение Николая, окончившего тогда седьмой класс, утвердилось окончательно - только в небо.

Отец с матерью решили по-другому и отправили сына к тетке в Москву работать в торговле. Но узнав о наборе в аэроклуб, Николай немедля записался туда.

Так начался его путь в авиацию: аэроклуб, Борисоглебская

школа пилотов... Боевое крещение младший лейтенант Лавицкий принял осенью сорок первого в небе под Одессой. А к первой военной весне Николай был уже одним из лучших воздушных бойцов полка.

Как-то в апреле 1942 года, увлекшись воздушным боем, Лавицкий почти без бензина произвел вынужденную посадку на аэродром, где базировался наш полк. На войне это не было редкостью. И пока техники заправляли его самолет, Николай познакомился со многими нашими летчиками, с большой радостью встретил лейтенанта Павла Берестнева, которого знал годом раньше.

Но вот с КП полка взвилась красная ракета - сигнал группе капитана Забоштана, которая вылетела на выполнение боевого задания. Пристроился к этой группе и Николай Лавицкий. Правда, без разрешения командования. Где там было искать кого-то!

Вскоре после взлета группа Забоштана завязала бой с фашистскими бомбардировщиками, прикрытыми "мессерами", и прибывшие на КП генералы Белецкий и Климов никак не могли понять, откуда в наших боевых порядках лишний самолет. К тому же чужак вызывал у них немалое восхищение дерзостью своих атак, грамотным маневром, метким огнем. В этом бою наши летчики одержали крупную победу, весомый вклад в которую внес Николай.

Через несколько дней лейтенант Лавицкий был переведен в наш 45-й истребительный авиационный полк. С каждым вылетом зрело боевое мастерство летчика. В небе Кубани он - уже командир звена - был в числе лучших бойцов, о которых писали в газетах, передавали по радио. Там, над знаменитой Голубой линией и встретился я со своим будущим ведущим, командиром эскадрильи.

Несмотря на громкую славу, мой комэск ничем не выделялся среди других разве что лентой боевых орденов. К концу, 1943 года к этому ряду добавились еще ордена Ленина, Александра Невского, а сверху - Золотая Звезда. Тогда на боевом счету Николая было 22 сбитых фашистских самолета, около 300 боевых вылетов, десятки штурмовок, об одной из которых я помню и по сей день.

...На рассвете 23 сентября сорок третьего меня долго будили.

- Вот черт, Горачий не просыпается! Наелся чего-то сонного, что ли, или пилюлю какую врач дал?.. - ворчал Женя Денисов, пытаясь поднять меня с постели, но я всякий раз падал обратно, сломленный крепким сном.

- Грицко, вставай! Лавицкий мотор запускает, на охоту тебя

берет. Дуй побыстрей, а то сам полечу! - Эти слова Денисова подействовали на меня, и через пару минут я уже бежал к самолету.

На стоянке действительно ждал комэск.

- Продирай глаза пошире, Горачий, смотри па карту. Пойдем в район Мелитополя, может, с рассветом где эшелон с фашистами прихватим, а нет - так прогуляемся по траншеям, фрицам настроение поднимем.

Комэск разъяснял мне задачу, показывая па карте участок железнодорожного перегона, передовой линии фронта.

"Свободная охота" как способ боевых действий применялась в последнее время все чаще и чаще. Как правило, пара специально подготовленных летчиков скрытно и внезапно вылетела в заранее намеченный район. К таким объектам относились железнодорожные перегоны, узлы, полевые аэродромы и многое другое. Что же касается слов "прогуляемся по траншеям", то это было что-то повое в задумке Лавицкого.

Когда мы взлетали, солнце еще не появилось на горизонте, а на высоте 2000 метров его красно-белый диск уже был виден наполовину. У линии фронта снизились до бреющего. На железнодорожном перегоне к северу от Мелитополя оказалось пусто. Мы прошли в фашистский тыл вдоль шоссе на Асканию-Нову. На одном из участков заметили несколько автомашин, направлявшихся к фронту, и обстреляли их. Две машины сразу загорелись, и солдаты разбежались, прячась в кюветах.

Вернувшись к передовой, Лавицкий скомандовал:

- Будем работать здесь. Смотри за воздухом!

При первом заходе фашисты в траншеях еще, видимо, спали. Когда же прогремели наши пулеметы и пушки, паника у немцев поднялась невообразимая внезапность ошеломила противника. Похоже было, что мы попали на участок передовой, где сосредоточилось много вражеских войск и техники, готовящихся держать оборону.

Три захода вдоль траншей - и боеприпасы у нас иссякли, но Лавицкий продолжает штурмовку вхолостую. Я заметил, что у самолета ведущего выпущено шасси, хотя и не полностью. А мы все снижаемся на недопустимо малую высоту, и гитлеровцы разбегаются в разные стороны, падают, прижимаясь к земле.

- Николай, боеприпасы кончились, начинают обстреливать - пошли домой... попытался было я охладить боевой задор комэска.

- Погоди, Горачий! Еще заходик. Видишь, стервы окопались, вышибем их отсюда! Давай за мной...

Машина Лавицкого опускалась настолько низко, что за самолетом вздымалась пыль, и казалось, он вот-вот врежется в

землю в азарте атаки. На мои предостережения Николай не реагирует. Тогда я решил слукавить:

- Что-то мотор чихает, а у тебя шасси выпало. Давай к аэродрому поближе...

Подействовало. Делаем небольшую горку, разворот на курс 90 градусов - и я вздыхаю облегченно.

Когда зарулили на стоянку, мотор моей машины действительно стал чихать и остановился. Бензина в баках уже не было. Я вылез из кабины на плоскость, и тут к моему мотористу подбежал механик Лавицкого:

- Иван, осмотри самолет внимательно - мой весь в грязи, а в колесах шасси трава и кустарник! Откуда бы?..

Так и осталось для меня загадкой, всерьез ли намеревался тогда наш комэск рубить головы фашистам шасси своей машины. Зная характер Николая, его азарт, ненависть к врагу, неугасимое желание мстить за родных и близких, думаю, что Лавицкий не шутил...

Да, я был уверен в мастерстве своего командира и допустить мысль о его гибели в бою никак не мог. Только нелепый случай, злой рок могли погубить Николая.

Так оно и случилось. В начале марта 1944 года группа летчиков во главе с капитаном Лавицким убыла в глубокий тыл, в Закавказье, откуда должна была перегнать для пополнения полков дивизии новую партию самолетов.

10 марта группа Николая, собравшись после взлета в боевой порядок, взяла курс на запад. Вот уже позади и справа остался Каспий. Слева - отроги Главного Кавказского хребта. Погода прекрасная. Ровно, монотонно, без перебоев гудели моторы новых машин. Казалось, что неоткуда прийти беде. И вдруг скорее чутьем пилота, чем по показаниям приборов, Николай догадался о неполадках в моторе. Аварийная обстановка быстро нарастала: упала тяга, самолет, теряя скорость, пошел на снижение. В кабине появился предательский едкий дым. А внизу Гудермес, небольшой кавказский городок. Взглянув на землю, Лавицкий увидел впереди крупную железнодорожную станцию и множество цистерн с бензином.

Значит, надо отвернуть, а то случится беда... Покинуть самолет, выбросившись на парашюте, уже невозможно - поздно. Плавный отворот - только бы не упасть на составы! В кабине огонь - жжет руки, лицо. Неимоверными усилиями воли и мускулов Лавицкий отвернул самолет от железнодорожных составов, выровнял его, но тут же без скорости упал на вспаханное поле, рядом с железной дорогой. Николай все-таки пытался вылезти из горящей факелом машины, но не успел -

оглушительный взрыв потряс воздух...

Много было очевидцев героической смерти нашего комэска. И в тот апрельский вечер сорок четвертого, когда я слушал рассказы однополчан о гибели Лавицкого, и сейчас спустя многие годы, он все равно среди нас. Его знают и помнят, и не только боевые друзья.

В солнечном Гудермесе одна из улиц носит имя Николая Лавицкого. На его родине, в селе Шиловичи, средней школе присвоено его имя, и пионерская дружина также носит имя Лавицкого. Сейчас в Шиловичах создан музей героя. Уже после войны останки Николая Лавицкого перезахоронили в Мариуполе, ныне переименованном в Жданов. Там, в парке на берегу Азовского моря, воздвигнут памятник бесстрашному летчику-истребителю.

Забегу несколько вперед. Май 1978 года. Ветераны нашей 9-й гвардейской Мариупольской, Берлинской дивизии съехались в Жданов, который наша дивизия освобождала. Не описать радостной встречи с жителями города. В горкоме партии и в горисполкоме, на предприятиях и в школах тепло и сердечно встречали нас ждановцы.

И вот все мы в цветущем парке у могилы Николая Лавицкого. "Мы пришли к тебе. Здравствуй, Коля..." - мысленно говорил каждый из нас, его боевых однополчан.

Он совсем молодой, наш Николай, ему всего 24, а нам уже много. Мы прожили большую жизнь, морщины избороздили лица. Плотным кольцом окружили памятник герою те, кто хорошо знал его, воевал с ним вместе: Лукьянов, Бабак, Мачнев, Сапьян, Патрушев, Салынин, Жарин, Пыжиков, Ковальчук, Ратушный, Мальцев, Закалюк, Дрыгин, Голубев. Многие пришли сюда с сыновьями, дочерями и внуками. Совсем рядом я услышал рассудительный детский голос:

- Деда, что ты так смотришь на этого дядю из камня? Почему плачешь? Ты что, жалеешь дядю?

- Да, внучек, жалею... Смотри и ты. И запомни этот день...

Крепка, несокрушима, как и сам наш народ, память народная. Она хранит подвиги тех, кто отстоял свободу Родины, кто приумножил ее славу и доблесть.

* * *

Но вернемся в далекий сорок четвертый. Зима на юге Украины, в Приазовье, была, как всегда, мягкой и малоснежной, с пасмурной погодой и частыми туманами. Небольшие морозы нередко сменялись оттепелями. А весна пришла дружная, теплая - уже в апреле температура днем поднималась до 25-30 градусов, а в мае зазеленели поля, быстро побежали вверх травы, зацвели

сады. Многие следы и шрамы войны прикрывал буйной зеленью ковер весны, но нет такого покрова, такой завесы, которые бы сокрыли страшные последствия боев, их невидимые, но незаживающие раны - раны человеческих сердец, судеб, жизней.

В ту зиму полки нашей дивизии после успешного завершения операции на реке Молочной некоторое время вели боевые действия по прикрытию наземных частей, успешно наступавших на юге Украины. Когда же немецко-фашистские войска оказались запертыми в Крыму и единственными путями их снабжения и связи оставались море и воздух, мы получили задачу уничтожить авиацию противника, обеспечивающую гитлеровцев, прикрыть переправу через Сиваш, Перекоп.

Здесь особенно широкое распространение получила "свободная охота". Преуспевали в этом лучшие летчики полка: Шаренко, Лавицкий, Петров, братья Глинка, Сапьян, Гучек, Кондратьев. Летчики соседнего, 16-го авиаполка во главе с Покрышкиным, выходя на "свободную охоту", уничтожали и перехватывали над морем фашистские самолеты, летавшие из Румынии и Одессы.

Новый, 1944 год личный состав частей дивизии встречал в боевых условиях, но уже через несколько дней совершенно неожиданно дивизия в полном составе перебазировалась в Черниговку - район восточнее Большого Токмака. К тому времени он считался уже глубоким тылом, хотя совсем недавно с его аэродромов, а вернее, с этих наскоро, но хорошо подготовленных тружениками тыла взлетно-посадочных площадок наши летчики вели боевые действия в небе над рекой Молочной.

Перебазирование произошло после напряженной борьбы в небе Кубани, Донбасса, Мелитополя и Крыма, где пилоты всех полков 9-й гвардейской истребительной, теперь уже Мариупольской дивизии показали чудеса храбрости и героизма. За указанный период только в воздушных боях было сбито более 300 самолетов врага. Теперь предстояло пополниться людьми, укомплектоваться новыми машинами, да и передохнуть, подготовиться к новым боям.

Отдых, конечно, был относительный - военное время давало себя знать. Вскоре две группы летчиков, возглавляемые Петровым и Бабаком, убыли в Закавказье для получения новых самолетов. В часть приехало большое пополнение молодых пилотов из авиашкол - их нужно было вводить в строй. Технический состав ремонтировал и приводил в порядок видавшие виды боевые машины, готовил к полетам новые, перегнанные из тыла.

Большая радость в эти дни была у Бориса Глинки и Ивана Бабака. Их родных от немцев освободили совсем недавно, и места

эти находились недалеко от нашего расположения: Кривой Рог, село Алексеевка, что под Никополем. Летчики спросили разрешения командира полка съездить туда, узнать об участи родителей, и их не только отпустили, но и дали самолет По-2, чтобы побыстрее обернулись.

О том полете в родные места Бабак и Глинка рассказывали потом много раз, и не только после возвращения в часть, а и годы спустя...

Оказывается, уже в первые дни после освобождения села Алексеевки узнали сельчане из газет и журналов, что сын Ильи и Марии Бабак храбро бьет немцев в небе и заслужил самое высокое звание - Героя Советского Союза. Принимая поздравления, Илья Яковлевич Бабак с отцовской гордостью и в то же время с некоторой неуверенностью говорил:

- О том, что сыны мои не согнутся перед фашистами, мы с Марьей и в сомнении не держали. А вот чтобы Иван до Героя дошел! Надо свидеться. Жив бы только был...

И совсем уж не поверили своим глазам старые Бабаки, когда возле села приземлился легонький "кукурузник" и вышли из него кроме летчика двое военных в кожанках: один - высоченный богатырь (это был Борис Глинка), другой - полная ему противоположность (их сын Иван). Все село выбежало встречать героев. Борис улетел дальше, в Кривой Рог, а Иван еще целых два дня гостил в родном доме.

Как при встрече, так и на проводах не отходила от сына Мария Семеновна. Ну а отец напутствовал его:

- Видишь, Иван, что натворил фашист на земле нашей? Хорошо бил ты их, и награду большую тебе определили. Теперь уж надо дело до конца довести уничтожить их, гадов...

А вот родители Бориса Глинки не только не ждали, но и не знали, что живы их сыновья-герои. Опередив известия, первым явился старший Борис. Младший же, Дмитрий, был в это время в командировке. Для старого шахтера Глинки и его жены радость встречи с сыном словно бы заслонила пережитое в неволе.

По инициативе партийной и комсомольской организаций полка все побывавшие в освобожденных районах и встретившиеся с родными и близкими неоднократно выступали перед личным составом, рассказывая о горе, разрушениях, нанесенных фашистами, о принимаемых партией и правительством мерах по восстановлению хозяйства. Эти выступления положительно сказывались на моральном состоянии личного состава: техники с еще большей настойчивостью, не жалея сил и времени, готовили самолеты к боевой работе, а летчики рвались в бой.

Особенно стремились к схваткам с фашистами прибывшие на

пополнение молодые пилоты. Но ввод их в строй был организован тщательно и продуман всесторонне с учетом накопленного полком опыта. Была создана специальная группа инструкторов из руководящего летного состава полка. В нее вошли Дмитрий Шурубов, Михаил Петров, Алексей Труфанов, Василий Шаренко, Борис Глинка, Иван Свииаренко.

В результате кропотливой и напряженной работы на земле и в воздухе молодые летчики быстро вошли в строй - уверенно маневрировали, смело вели учебные воздушные бои, в упорстве своем порой не уступая учителям.

Уже с первых полетов выделялись младшие лейтенанты Патрушев, Лысогор, Белоконь, Мамаев, Образцов, Паршин. Когда формировались боевые пары, их отобрали к себе ведомыми паши лучшие воздушные бойцы: Бабак, Труфанов, Гучек, Дмитрий Глинка, Сапьян, Бондаренко. Эту высокую честь - летать с асами молодежь оправдала потом в боях.

А ко мне как-то после одного партийного собрания обратился замполит полка майор Кляпин и предложил зайти к нему.

- Вы, младший лейтенант Дольников, определили свое место в общем строю? как-то суховато и неопределенно спросил меня еще на пороге дома, где жил.

- Я буду драться с врагом насмерть, товарищ майор! - ответил ему решительно.

- В том, что будете драться, и смело драться, я уверен. А вот с кем конкретно в бой пойдешь? - спросил вдруг Кляпин. - Ведь боевой расчет утвержден и летчики уже слетались.

- Ну если уж я оказался лишним и никому не нужным, то буду летать один! вырвалось у меня.

И сказано это было не красного словца ради. Нравственный максимализм, непримиримость к трусости, обману, непримиримость к малейшей фальши, чуткая совесть - черты характера целого поколения, которое хлебнуло того порохового воздуха войны, в котором пот и кровь, едкий дым и стылость горя.

- Не горячись, Дольников, не горячись. Ты хоть и тертый калач, но молод еще! - резко оборвал меня замполит. Затем Кляпин подошел ко мне вплотную, положил руку на плечо и сказал: - В этой кутерьме после твоего возвращения могло показаться, что о тебе позабыли. Но пойдем-ка мы прямо к Сергею Ивановичу, авось что-нибудь разъяснится...

Пока мы шли к командиру полка, я думал, что не зря уважают и любят в полку замполита - никого не оставит без внимания, о каждом позаботится. Мне бы самому давно к нему обратиться да высказать все, что на душе накипело. А накипело

много...

После теплой, душевной встречи в день моего возвращения обо мне действительно словно забыли. Позавтракав, летчики расходились по своим местам и занимались по общему распорядку дня. Я поначалу держался вместе с Сапьяном или Гучеком, но и они, имея определенное задание, не могли, естественно, уделять мне много внимания. Другие же однополчане, поприветствовав и весело бросив на ходу: "Отъедаешься, Борода?", проходили мимо. А я все ждал, что меня вызовут, определят в эскадрилью, а там и в звено. Может, поставят и за ведущего - ведь у меня был уже немалый опыт войны. Но меня будто не замечали. Я продолжал заниматься на технике, вспоминая правила эксплуатации боевой машины, тренировался в кабине, мысленно летая по кругу, в зону, теоретически Даже воздушный бой с противником вел, но постепенно начал терять веру, что когда-нибудь пойду в бой. Казалось, что мне не доверяют - не выпускают в воздух, но не говорят, почему именно.

В штабе полка замполит Кляпин подошел к командиру, и они в течение получаса говорили о чем-то, а я ожидал решения своей участи. Разговор этот, судя по жестикуляции и горячности обоих, был не простым, не обусловленным заранее. Со мной же всегда уравновешенный и спокойный Сергей Иванович Лукьянов и на этот раз говорил не торопясь, без особых эмоций.

- О тебе, Дольников, мы не забыли, - начал он, усевшись рядом со мной и положив мне руку на колено. - Будем откровенны: мы коммунисты. Ты годами хотя и самый молодой в полку, но, как говорят, бывалый, поэтому постарайся нас понять правильно. Вернулся ты, как в родную семью, это верно. Но ведь пришел не из отпуска или госпиталя, а из фашистского плена. Документы у тебя хорошие, партизанские, и кандидатскую карточку ты сохранил. Но все же мы обязаны были весь твой пленный путь проверить при помощи соответствующих органов. Не тебе объяснять, нужно ли это, особенно в войну. Не буду долго распространяться, скажу только, что сегодня получены самые хорошие сведения, подтверждающие твою безупречность и преданность, в чем мы, кстати, ни на минуту не сомневались. Вот почему на время о тебе якобы забыли. Теперь отправляйся в свою первую эскадрилью в боевой строй...

Я встал и, скупо, по-солдатстки поблагодарив командира за доверие, которое обещал оправдать в бою, козырнул. Поворачиваясь кругом, споткнулся и тут услышал слова замполита:

- Я же говорил, Сергей Иванович, не окреп он еще...

На следующий день после почти полугодового перерыва я поднялся в воздух. Правда, пока не па боевом самолете, а на У-2 - других учебных самолетов в полку не было. Но те три полета по кругу и один в зону стали для меня не .менее памятными и дорогими, чем первый в жизни взлет.

Проверял тогда мою готовность к работе сам командир эскадрильи - старший лейтенант Дмитрий Шурубов. Когда зарулили на стоянку, на мои традиционные слова "прошу замечания" комэск сказал:

- Навыка практически не потерял, правда, в первом полете чувствовалось, что нервничаешь. А в целом хорошо. Завтра потренируешься па боевом - хотя бы несколько полетов по кругу и в зону, чтобы на фронт отправиться в боевом строю.

- С кем полечу, командир? -не удержался я от вопроса, так как еще не знал, кто будет со мной в паре.

- Как с кем? Пока со своим ведущим Сапьяном, а там присматривай себе ведомого из молодых. Ну, например, младший лейтенант Щепочкин не определен.

Я горячо поблагодарил Шурубова и перед уходом доверительно сказал:

- Знаете, какой замечательный человек наш командир полка? Смелый, решительный. Не зная меня, сразу же доверил боевой истребитель и в строй поставил...

- Сергей Иванович - настоящий боец. Но благодарить тебе надо Батю Дзусова. Тебя ведь хотели на проверку в тыл отправлять, а он сказал кому надо: "Проверяйте-ка на месте. На его коже и костях много сказано. Да не волыньте".

Какая же огромная вера в человека была у нашего бывшего комдива!

И снова бой...

Ранним солнечным утром 8 мая 1944 года, взлетев поэскадрильно, наш полк отправился на фронт.

Я лечу в составе своей эскадрильи ведомым у Сапьяна, по привычке осматриваю воздух. Кажется, вот-вот появятся "лапти", а затем и "мессеры", но до фронта далеко. Вокруг бездонное голубое небо, внизу неповторимые по красоте украинские степи, очищенные от немецкой погани. Мы проходим над местами недавных жестоких боев: вот Веселое, вот заповедник Аскания-Нова, а там Каховка, раскинувшаяся в живописном изгибе Днепра...

Сколько же моих братьев полегло в этих местах! Но целые десятилетия будут откапывать из этой земли и чужеземные каски да котелки. А вот и Николаев. Всего месяц назад ходил я по городу голодным, бесприютным. Как же нестерпимо хотелось

тогда поскорее найти своих товарищей, свой родной полк!..

Наконец приземлились. Пока техники заправляли самолеты, мы готовились к полету дальше, на запад. Там уже другое небо - там бои. Поэтому боевой порядок перелета несколько изменился. Сегодня мы должны были пересечь государственную границу и произвести посадку на территории Румынии.

Почти три долгих, изнурительно тяжелых года ждал наш народ того дня, когда Красная Армия начнет громить врага за рубежами страны. И вот передовые команды технического состава уже на румынской земле. Они подготовили аэродром рядом с небольшой деревушкой Лихнешти, на самом берегу реки Прут. Южнее, на аэродром Стефанешти, уже перебазировались братские 16-й и 104-й истребительные авиационные полки.

Как только перелетели государственную границу с Румынией, проходившую по реке Прут, все сразу заметили резкое изменение площадных ориентиров. В отличие от больших колхозных массивов, здесь крохотные лоскуты индивидуальных крестьянских наделов - как заплатки на рваном дедовском кожушке.

Посадку мы произвели по-боевому быстро, зарулили самолеты по местам рассредоточения и замаскировали их. Приказом командира 7-го истребительного авиакорпуса генерал-майора авиации А. В. Утина, в состав которого вошла наша дивизия, нас сразу же поставили на боевое дежурство. Все мы - и летчики и техники - старались в полную силу. Скорее бы только в бой!

На ясско-кишиневском направлении в это время, как сообщалось в печати и по радио, шли бои местного значения. Полку представилась возможность тщательно подготовиться к ожидавшимся в ближайшее время ожесточенным схваткам, и после нескольких дней тренировочных полетов на отработку тактических приемов в изменившихся условиях мы были в полной боевой готовности.

Еще до нашего прилета местные жители близлежащих румынских деревень начали появляться на окраинах аэродрома, где в размеченных местах готовились укрытия для самолетов - капониры. Не сразу удалось установить с румынами контакты. При приближении бойцов нашего батальона они тотчас разбегались - одни только подростки оставались. Через них-то и удалось узнать, что нас - советских попросту боятся. Румынские крестьяне с часу на час ждали расправы, насилия победителей. Этот страх был результатом геббельсовской пропаганды, запугивавшей народы Европы приходом коммунистов.

Шли дни, а ожидаемые населением бесчинства не

начинались. Наоборот, наши солдаты угощали румын папиросами, местным девушкам нередко перепадал и шоколад, положенный пилотам по норме довольствия. Большинство же крестьян все-таки не доверяли нам.

Но вот как-то вечером, после ужина, полковой баянист Володя прошелся по рядам клавишей старенького баяна, полковые девчата пропели хором "Катюшу", и окончательно оттаяли сердца румынских девушек и парней. Конечно, общению мешал языковой барьер, но мы ухитрялись объясняться и понимать друг друга. Ну а танцы, как известно, имеют международный язык.

Когда через месяц мы улетали на новый аэродром базирования, местные жители провожали нас уже не как чужеземцев-завоевателей, а как своих освободителей. На их лицах мы видели добрые улыбки и понимали дружеские пожелания, сказанные на непонятном языке.

* * *

В двадцатых числах мая наземные войска противника при поддержке крупных соединений авиации перешли в контрнаступление. На сравнительно узком участке фронта, в районе города Яссы, разгорелись ожесточенные воздушные бои. Только за семь дней - с 30 мая по 6 июня - летчики нашего полка сбили в воздушных боях 41 самолет противника - это больше, чем за два месяца боевых действий на реке Молочной.

...Раннее утро 28 мая. Василию Бондаренко, летавшему в паре с Антоньевым, командующим воздушной армией генералом Горюновым поставлена задача произвести разведку основных аэродромов гитлеровской авиации южнее Ясс. Обычно разведчики на истребителях летали самостоятельно, без прикрытия, а тут Васыль, так мы звали Бондаренко, во время радиопереговоров в воздухе вдруг заявил:

- Пусть меня прикрывают Гучек с Дольниковым. Они глазастые оба и в обиду не дадут...

Мы с Гучеком в паре никогда не летали, но задание на прикрытие меня скорее обрадовало, чем озадачило. Гучек был уже опытным воздушным бойцом. Бабак пробовал его во многих сложных ситуациях, я доверял ему полностью. Петр стал даже ведущим пары, слетался с Юрой Образцовым, хотя в бой за командира ходить ему еще не приходилось.

- Ну что, земляк, прикроем Васыля? - немного волнуясь, спросил меня Гучек.

- Прикроем, Петро. За меня не беспокойся, не подведу.

Когда вылетели, Бондаренко, словно извиняясь, передал нам:

- Братцы, не обижайтесь, что потащил вас за собой - задание

сложное, за воздухом некогда будет смотреть...

- Действуй, Васыль! "Худых" на своем хвосте держать будем, - ответил Гучек.

А задание было довольно серьезное. Готовились мы весь день - вылетели только к вечеру. Решили, что к этому времени основная авиация противника будет уже на земле готовиться к завтрашним заданиям.

Взяв курс на юг, в обход крупных населенных пунктов, пристроились с Петром километрах в двух сзади и выше пары Бондаренко и так летели уже более двадцати минут в тылу противника. Но вот Бондаренко разворачивается вправо на 90 градусов и через две-три минуты, сделав горку, командует нам:

- Внимательно! Ко мне ближе не подходите - смотрю объект один. - Это означало - аэродром Бакэу.

И, пройдя змейкой вдоль аэродрома, резким пикированием он разворачивается на север и прижимается к земле. Мы с Гучеком внимательно наблюдаем за воздухом. Внизу, на аэродроме, выстроившись в линейку, стоит много совсем не замаскированных самолетов. Эх, пройтись бы сейчас вдоль стоянки огнем из всех пушек! Но нельзя - разведка...

Летим дальше на север, вдоль реки Сирет. Минут через десять Бондаренко предупреждает:

- Подходим к объекту два. - Так обозначался аэродром Роман.

Еще до того как Васыль пошел на горку, я заметил впереди, километрах в пяти, две пары самолетов и предупредил всех наших. На мое предостережение Бондаренко ответил:

- Смотреть за ними! Я не вижу.

И вот четыре "фоккера", вытянувшись посамолетно в правый пеленг, левым переворотом сваливаются на пару Бондаренко, видимо не замечая нас с Гучеком. Петр, оценив обстановку, набрал высоту и пошел в атаку на ведущую пару, чтобы упредить удар по самолету-разведчику. Огонь из всех семи точек открыл с большой дистанции. Мощный сноп огня остановил атаки "фоккеров" по паре Бондаренко, и тогда, развернувшись, они пошли нам с Гучеком в лоб. Бондаренко скомандовал:

- Уходим вниз с отрывом...

Но в лобовой фашисты не выдержали и первыми отвернули в сторону. Нам это и надо было. Гучек переворотом уходит на бреющий, я тоже не отстаю. Так "фоккеры" нас и потеряли. Пару Васыля мы догнали уже недалеко от нашего аэродрома. Посадку произвели на пределе горючего в баках машин.

Помню доклад Бондаренко лично командующему воздушной армией:

- На аэродроме Бакэу до 120 различных типов самолетов, в

основном Ю-88 и Ю-87. На аэродроме Роман 80 бомбардировщиков и до 50 истребителей - "фоккеры" и "мессершмитты". Прикрывающая группа лейтенанта Гучека вела воздушный бой с четырьмя "Фокке-Вульф-190", пытавшимися атаковать мою пару. Задание выполнено без потерь.

Командующий воздушной армией объявил всем нам благодарность.

Этот полет на разведку был далеко не ординарным, как не случайным было и то, что задачу Васылю ставил лично генерал Горюнов. Вскоре после нашего приземления майор Лукьянов объявил боевое задание полку:

- С рассветом бомбардировочная авиация воздушной армии вылетает на уничтожение авиации противника на аэродромах Роман, Бакэу, Собонки и других. Истребители корпуса блокируют эти аэродромы.. Задача нашего полка блокировать аэродром Роман.

Теперь всем стало ясно, для чего потребовалась разведка, и мне было особенно приятно сознавать, что я участвовал в выполнении столь важного задания после длительного перерыва.

Спать в ту ночь пришлось мало. В пять утра я в паре с ведущим нашей группы Борисом Глинкой уже был в воздухе. Об этом сокрушительном ударе по фашистским авиабазам в Румынии сказано и написано немало. Наша же группа над аэродромом Роман встретила один-единственный Ме-109, который успел взлететь и, не приняв боя, удрал на запад. Здесь-то и произошел курьезный эпизод с подвесными баками - их в случае завязавшегося воздушного боя приказано было сбрасывать.

Дело было так. Когда я передал по рации, что вижу "худого", капитан Пшеничников, находившийся в группе прикрытия, решил, что бой уже начался и сбросил эти баки. Они упали на какой-то склад с горючим, вызвали огромный пожар - от командования воздушной армии полетели запросы во все полки: представить исполнителя к награде. Никто из летчиков склад этот специально, конечно, не бомбил - баки сбросил Пшеничников случайно. Когда об этом стало известно, награду отменили.

А на следующие сутки начались массированные действия авиации обеих сторон. Весь тот день я летал в паре с Борисом Глинкой, а на следующий день впервые ушел на боевое задание в качестве ведущего пары. Ведомым у меня стал младший лейтенант Константин Щепочкин. В паре с ним мне довелось воевать почти до конца войны.

О Косте Щепочкине расскажу сразу. Среди прибывших осенью прошлого года молодых летчиков он выделялся как внешностью,

так и характером. Среднего роста, крепко сложенный, Костя носил длинные волосы, постоянно сползавшие на лоб и закрывавшие правый глаз, отчего казалось, что он косит. По характеру Щепочкин был вспыльчивым, резким. Ошибки свои не признавал, а за другими оплошности замечал и нередко над ребятами подшучивал. Упорная, упрямая натура не хороша, но нельзя не любоваться натурами, которые, при законных и нужных уступках господству времени, имеют в себе довольно сил и живучести, чтобы отстоять и спасти свою внутреннюю личность от требования и самовластных притязаний того, что называется модой. Таков был наш Костя.

И все же из-за своего неуживчивого нрава никому из летчиков он не приглянулся и потому не имел постоянного ведущего. Я, присмотревшись к Косте, поверил в него и не ошибся.

Словом, со мной в паре Щепочкин впервые летел на боевое задание. Вылетели мы на прикрытие наших войск большой группой. Возглавлял ее Михаил Петров. Я со Щепочкиным находился в группе прикрытия Дмитрия Глинки. Фашисты долго не появлялись. Мы ходили под самой кромкой кучевых облаков. Но вот, обнаружив противника, Глинка передал мне:

- Выйди за облака и смотри за нами.

Зачем идти за облака - мне было непонятно, но команду я выполнил немедля. Облачность была баллов до семи, и в ее просветах я временами наблюдал за нашими самолетами. Было слышно, что группа Петрова завязала бой. Раздававшиеся в эфире отрывистые команды ориентировали о происходящем. Вот слышу Дмитрия:

- Я - ДБ. Атакую пару, заходящую на Гучека. Борода, жди, сейчас подгоню к тебе...

Все удаляющееся меня всегда повергает в глухое уныние, все же наступающее веселит и бодрит душу. Думаю, вероятно, это ощущают очень многие люди. Известно, как веселит душу приближающаяся гроза; известно, что смерть в бою совсем иное, чем смерть в постели. И, думается, главным образом, потому, что в бою человек чувствует, что на него надвигается смерть, а в постели, что от него уходит жизнь. В том бою я внимательно следил за происходящим, сожалея, что никому из своих помочь пока не могу. Я ждал врага. И вдруг прямо передо мной, всего метрах в ста, вырвалась за облака пара "мессеров", видимо спасавшаяся от Дмитрия и не ожидавшая встретить здесь нас. Мгновенно прицелился, открыл огонь, и "худой" буквально развалился в воздухе. В эфире раздался восторженный крик Щепочкина:

- Вижу, горит! Уже развалился!..

Я тотчас скомандовал Косте:

- Выходи вперед, бей по ведомому!

Но фашист, боясь разделить печальную участь своего ведущего, нырнул в облака...

Восхищение увиденным было у Щепочкина столь велико, что на земле он рассказывал об этом своим однокашникам так, будто сам сбил самолет противника.

Да, Костя принадлежал к числу людей, которые, полюбив человека, всю жизнь остаются ему верны. В меня он поверил навсегда, и это сослужило нашей боевой паре большую службу. И хорошо, что боевая спайка началась с первых совместных вылетов. Бывало, что побьют в первом бою ведомого и ведущего, и так потом долго после этого не верит в себя пилот-новичок. Такое вот случилось с Алексеем Богашовым, прибывшим в полк вместе с нашей группой. Но об этом потом...

* * *

В один из напряженных июньских дней Борис Глинка после ужина предупредил меня, что на рассвете вместе летим на "свободную охоту". Я любил выполнять боевые задания с этим дерзким, тактически грамотным бойцом.

В то раннее утро мы залетели далеко в тыл противника, однако подходящей цели не нашлось. Возвращаясь с малым остатком горючего, мы вдруг увидели на встречных курсах пару "мессершмиттов". Ну, думаю, попались "охотники": в бой вступать нам нельзя - с бензином "на нуле" недолго и упасть, не долетев до своей территории. И Борис предупредил, что надо обойтись без схватки. "Хорошо бы, - прикинул я про себя, - но разве фрицы уступят свое преимущество!.." Однако, видно, и у гитлеровцев положение сложилось не лучше нашего. Мы разошлись тогда бортами, с опаской наблюдая друг за другом, и полетели каждый в своем направлении. Я еще долго посматривал назад, не веря случившемуся. А может, и немцы глядели нам вслед, удивляясь, почему же все-таки обошлось без боя...

И все же тот вылет не оказался холостым. Уже при пересечении линии фронта я заметил справа впереди себя что-то непонятное.

- ББ, смотри, кажется, кто-то кого-то гоняет вокруг вон того здания, похожего на церковь.

Когда подошли ближе, Борис передал мне с досадой:

- Так это же нашего "яка" гоняет "худой". Помочь надо... - И тут же с ходу атаковал увлекшийся "мессершмитт", который от меткой очереди Глинки воткнулся в землю, не выходя из разворота.

А "як" все еще продолжал круговое вращение вокруг церкви.

Тогда Борис с усмешкой бросил в эфир:

- Эй, на "яке"! Выводи - нет никого!..

"Як" вышел из виража и, покачав с крыла на крыло, улетел на север. Мы же до своего аэродрома так и не дотянули - сели и заправились у соседей.

В начале июня об одном из воздушных боев, проведенном группой под командованием Ивана Бабака, писала фронтовая газета. Этот бой впоследствии приводили в пример и разбирали во всех полках не только нашей дивизии, но и всего фронта как пример умелого, тактически грамотного взаимодействия групп и отдельных летчиков. В этом бою действительно блестяще проявились взаимовыручка, дерзость, хладнокровие и расчет. Вот как он описан в боевом донесении, хранящемся в архиве полка:

"3.6.44 г. 12 "Аэрокобр" с 17.55 по 18.40 прикрывали свои войска в районе Мовилени, Захария. Командовал группой Бабак.

Состав группы Бабак - Патрушев, Глинка Д. Б. - Мамаев, Петров - Зайцев, Гучек - Антоньев. Группа прикрытия: Сапьян - Образцов, Дольников - Щепочкин.

В районе Мовилени встретили группу из 50 Ю-87 под прикрытием 10 Ме-109 и 8 ФВ-190. По команде Бабака группа Сапьяна и Дольникова связала боем истребителей, а сам он повел в атаку свою группу на бомбардировщиков. Решительными и смелыми действиями в короткий срок гвардейцы Бабака сбили 10 самолетов противника, не дав остальным отбомбиться по нашим войскам. Не вернулся с задания младший лейтенант Образцов".

Но Юра Образцов остался в живых: на крутом боевом маневре, сорвавшись в штопор, он выпрыгнул с парашютом на малой высоте и через два дня вернулся в полк.

Три самолета сбил в том бою Дмитрий Глинка, два - Бабак, двух гитлеровцев удалось уничтожить мне, по одному сбили Петров, Гучек и Антоньев.

С 6 июня активные действия авиации обеих сторон прекратились.

За период боевых действий под Яссами летчики нашей дивизии сбили 128 немецких самолетов. При этом особо отличились Александр Клубов, уничтоживший 9 вражеских самолетов, по шесть фашистов на счету у Дмитрия Глинки и Петра Гучека. Пять самолетов сбил комэск из 104-го истребительного авиаполка Михаил Комельков. Столько же гитлеровских машин удалось уничтожить и мне.

Много усилий в успешные боевые дела полка вкладывали наши "золотые руки": инженеры, техники, механики. Каждый день возвращались из боя машины, имевшие по нескольку пулевых и пушечных пробоин. И технический состав, работая в полном

смысле слов денно и нощно, всякий раз к утру умудрялся ввести раненый, изрешеченный самолет в боевой строй. Особой изобретательностью отличались техники Елисеев, братья Пронины, Мичурин, Ратушный, Ковальчук, инженеры эскадрилий и полка Савельев, Бдоян, Рубан, Михайлов, Хабаров, механики Петров, Запора, Пташник, Храповицкий, Левин, Бурлаков. А верные и преданные нам девушки-оружейницы и мотористки всегда отличались старательностью и безотказностью в работе.

Хотя накал боевых действий к середине июня снизился, наша полковая жизнь по-прежнему оставалась напряженной. Утром 11 июня парторг полка старший лейтенант Михаил Кузьмин, встретив меня в столовой, предупредил на ходу:

- Сегодня в 18.00 заседание партийного бюро - твой вопрос. Не опоздай смотри! - И, не дав мне опомниться, дружески хлопнул по плечу. Как всегда, Миша куда-то торопился.

Весь день я ходил удрученный. Проанализировал последовательно все, чем занимался за последние месяцы, и не нашел причин вызова на заседание партбюро. Не выдержав, пошел к Ивану Бабаку - он был членом бюро. Но Иван, оказалось, еще не знал о сегодняшнем заседании. Хотел было спросить другого члена бюро капитана Петрова, но не решился: он не очень-то привечал младших. Пришлось томиться в догадках до вечера...

На бюро я пришел немного раньше указанного срока и удивился, что заседание уже началось - разбирали другие вопросы. Пока я в волнении ходил взад-вперед, глубоко задумавшись, незаметно появился и подошел ко мне только что назначенный замполитом полка капитан Козлов.

- Здравствуйте, товарищ Дольников!

Я ответил на приветствие и подумал: что-то суховато замполит держится. Но в это время он, глядя на нависшие черные облака, из которых вот-вот готов был сорваться теплый дождь, как бы обращаясь уже не ко мне, сказал:

- Думаю, что восстановят единогласно. Да вот, кстати, вас зовут. Поприсутствую и я.

Когда мы сели - Козлов за стол вместе с членами бюро, а я напротив, на специально поставленный стул, младший комиссар, как мы стали звать нашего парторга после прибытия нового замполита, объявил третий пункт повестки дня:

- "О партийности вернувшегося из плена кандидата в члены ВКП(б) младшего лейтенанта Дольникова Г. У.". Товарищи, вы все знаете, - продолжал Кузьмин, что товарищ Дольников, вернулся из плена, сохранив кандидатскую карточку. Прятал он ее в сапоге под стелькой, отчего карточка практически пришла в негодность -

попрела, надписи расплылись. А главное, товарищ Дольников не платил взносы почти полгода и формально выбыл из кандидатов в члены ВКП(б). Есть предложение послушать товарища Дольникова.

Я встал, кратко рассказал все, что касалось моей жизни в связи с пленом, о чем присутствующие хорошо знали, и попросил членов бюро оказать доверие возвратить мне кандидатскую карточку.

Выступившие члены партийного бюро Иван Бабак, Михаил Петров, а в заключение и Михаил Кузьмин дали положительную оценку моей боевой работе, охарактеризовали меня как хорошего товарища, дисциплинированного, пользующегося авторитетом в полку летчика и постановили: "Ввиду того что тов. Дольников Г. У. по прибытии в полк в течение двух месяцев показал себя полностью с положительной стороны во всех вопросах, провел 29 боевых вылетов, провел 11 воздушных боев, сбил 5 самолетов противника лично, ходатайствовать перед политотделом 9-й гвардейской иад о возвращении товарищу Дольникову кандидатской карточки".

Сразу после заседания, как только мы вышли на улицу, Иван Бабак сердечно поздравил меня и с теплотой в голосе сказал:

- Я теперь и в члены партии был бы рад дать тебе рекомендацию, но еще не имею права. Да за тебя любой поручится!

Я горячо поблагодарил своего боевого друга, пообещав, что ему за меня краснеть не придется.

Прошел сильный дождь. По раскисшей дороге бежали ручьи. Яркое летнее солнце весело светило в просветы между облаками. Пахло луговыми травами... Хотелось побыть одному...

* * *

А через несколько дней меня назначили командиром звена. В полку произошли и другие перемещения. Братским 16-м истребительным авиаполком ушел командовать гвардии капитан Б. Б. Глинка, лейтенант В. С. Сапьян стал заместителем командира эскадрильи, на должность командира звена назначили моего земляка Петра Гучека. И после объявления нового боевого расчета командир полка майор С. И. Лукьянов поставил задачу готовиться к перебазированию.

Войска 1-го Украинского фронта готовились к крупной наступательной операции на львовском направлении. Фронт пополнялся людьми, техникой. В середине июня 1944 года наша дивизия и весь авиакорпус перебазировался на Украину, и мы вошли в состав 2-й воздушной армии, которой командовал генерал С. А. Красовский.

И вот первая посадка на площадке Прежена. Здесь в течение двух недель мы усиленно тренировались, готовясь к предстоящему наступлению. Тренировались в полетах на малых высотах, на предельную дальность с посадкой на незнакомый аэродром. На одном из них у меня произошла неожиданная встреча со старым товарищем.

Зарулив после посадки, группа наших летчиков отправилась искать столовую. Навстречу - такая же группа, но пилоты все незнакомые. Поравнявшись с ними, я заметил, однако, среди весело и темпераментно объяснявшихся бойцов, по-видимому только что вернувшихся после вылета, знакомое лицо. Никак, Володин? На всякий случай крикнул:

- Володин, ко мне!

Тот обернулся в недоумении, но, встретив мой взгляд, кинулся навстречу:

- Да тебя разве узнаешь, черт бородатый!

Времени у нас обоих - считанные минуты. Но я узнал, что воюет мой однокашник храбро, два ордена получил. Запевала нашего отряда по Батайской школе старшина звена Анатолий Володин летал в эскадрилье, командиром которой был тоже наш батаец - Николай Скоморохов, о котором уже писали во многих газетах...

Вскоре был получен приказ о срочном перебазировании нашего полка на полевой аэродром Михайловка. Задачу ставил Дмитрий Глинка. Он предупредил всех, что аэродром посадки Михайловка (Броды) расположен в восьми километрах от линии фронта, что возможен даже обстрел артиллерией противника.

И тут Синюта перебил:

- Раз уже нас под мишени приспосабливают, то мы выдержим. Вот жаль, что самолеты побьют. Придется тогда в конницу подаваться.

- А тебя, Гриша, все в конницу тянет. Ты и во сне видишь, как в красных лампасах, с буркой внакидку в атаку несешься, - поддел Синюту Сапьян.

Дмитрий Глинка дал высказаться пилотам и спокойно продолжил:

- Мишенями мы действительно можем стать. Проще всего подставить свои дурные головы, а вместе с ними и самолеты под дула артиллеристов. К счастью, начальство наше в отличие от некоторых думать умеет. Поэтому слушайте и запоминайте... Мы должны перебазироваться в Михайловку скрытно, при полном радиомолчании, на предельно малой высоте. Это - личное распоряжение Покрышкина. Поэтому летным эшелоном пойдут только опытные пилоты. После посадки самолеты

замаскировать...

Казалось бы, задача как задача, но приземлиться на незнакомую площадку, ничем не напоминающую аэродром, да еще рядом с линией фронта - дело весьма сложное. А кроме того, лететь и производить посадку приказано с высоты не более ста метров...

На следующий день мы принялись тренироваться в заходе на посадку с малой высоты: с первого раза на полосу попадали не все. Затем тщательно изучили по картам крупных масштабов подходы к Михайловке.

И вот на рассвете началось перебазирование. Тренировка сыграла свою роль: все летчики перелетели и успешно приземлились на новом полевом аэродроме.

Когда же самолеты замаскировали, определить наше нахождение было нелегко даже опытным разведчикам. Нас не обстреливала артиллерия, не бомбили ни в первый день, ни в последующие. Немцы старательно отрабатывали по сорока ложным аэродромам, которые в полосе фронта были подготовлены нашими специальными командами. Горький опыт начала войны всесторонне учитывался.

* * *

13 июля началась Львовско-Сандомирская наступательная операция 1-го Украинского фронта. Мы впервые так близко слышали раскаты артиллерийской канонады и видели огромный поток наших бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей, многие из которых шли прямо через наш аэродром на запад. В воздухе уже в первый день операции разгорелись ожесточенные бои. Наши летчики одерживали нелегкие победы, были и неудачи.

В этот день после ужина ко мне подошел Леня Бога-шов и с некоторой неловкостью, стесняясь, сказал:

- Поговорить бы надо.

- Как тебя понимать, Леня? - удивился я и попытался отшутиться. - Может, секрет какой хочешь раскрыть?

- Понимай как хочешь, но выручай, - серьезно продолжал Богашов. - Тебе-то что! Ты летаешь, командир звена уже, а ведь мы в полк вместе пришли. Почему-то вот я все больше хвосты самолетов заношу. Не берут меня на задания, а уже дорога на Берлин проглядывается.

- Так как же тебя, Леня, выручу? - спросил я, действительно не понимая, к чему этот разговор.

- Слушай, возьми завтра к себе ведомым. Поверь, не подведу, - неожиданно попросил Богашов.

Я смотрел на Леню, и мне стало откровенно жаль его. Еще

совсем недавно в Закавказье он был первым во всем. Подтянутый, аккуратный, яркий блондин с вьющимися густыми волосами, Леонид покорял не только девушек - умел расположить к себе каждого. Я иногда даже завидовал его общительности, словоохотливости, начитанности. Но по прибытии на фронт Богашова словно подменили. Возможно, первые неудачные бои надломили его незакаленную натуру. Леня скис, стал чуждаться товарищей, замкнулся. Мы долго проговорили в тот вечер, и я пообещал с разрешеиия командира эскадрильи взять его с собой на задание.

Наутро я обратился к капитану Шурубову с просьбой лететь на задание с Богашовым. Комэск наш удивился:

- У тебя же ведомый Щепочкин! Опыт есть, слетались, а Богашов неустойчив, особенно в сложной обстановке... Не пойму тебя.

- Вместе с Богашовым мы в полк пришли, а он все на одном месте. Вон Щепочкин, Образцов, Белоконь, Патрушев намного позже летать начали, а уже на хорошем счету. Богашову-то обидно...

- Жалеешь? Жалость-то иногда дорого стоит! Но раз пообещал - возьми, посмотрим... - ответил Шурубов.

Нельзя сказать, чтобы я очень обрадовался этому разрешению. Меня мучила мысль о Щепочкине: надо же как-то объяснить, почему не беру его в пару...

Задачу на вылет ставил комэск Шурубов. Лететь предстояло большой группой! Шурубов - Щепочкин, Гучек - Цявловский, Дольников - Богашов, Шкатов - Жигалов и Сапьян - Образцов. Стоявший рядом Петя Гучек удивленно спросил:

- Ты что, с Богашовым летишь?

- Попросился.

- Обстановка не для эксперимента, - твердо сказал Гучек.

К самолетам я шел вдвоем с Богашовым, умышленно резко поворачивая то вправо, то влево или назад, как будто забыл что-то. Богашов шагал сзади, не отставая.

- Вот так и в воздухе, Леня. Больше я от тебя ничего не хочу. Только вместе. Одиночек всегда бьют, - как бы подвел я итог, садясь в машину.

После взлета в район прикрытия мы шли в пеленге звеньев, рассредоточенно. В заданном районе облачность стала десятибалльной, с высотой нижней кромки 2000 метров. Шурубов передал по радио:

- Моей группе занять боевой порядок "фронт". Петрову - сзади, справа на видимость...

С командного пункта станции наведения нас информировали,

что рядом с нами на разных высотах постоянно барражируют группы фашистских истребителей. Бомбардировщики же противника действуют большими группами. Сейчас в районе прикрытия вражеских самолетов не наблюдается, поэтому надо быть особенно бдительными. Я во все глаза всматривался в переднюю полусферу. Богашов уверенно держался в строю - все шло, как продумали на земле.

Вдруг в эфире раздался голос Гучека:

- На встречных - "фоккеры"!

Действительно, чуть справа от нас показались четыре черные точки. Они прижимались к самой кромке облаков, и тогда комэск Шурубов скомандовал:

- "Фоккеров" взять Шкатову с Бородой. Мы прикроем. Петрову наблюдать.

Итак, сходимся на лобовых. Огня нет. "Фоккеры" не отворачивают, а мы летим чуть ниже. Ловлю в прицел фашиста, но в последнюю секунду немцы всей группой берут вправо. Это хорошо.

- Богашов, - кричу я, - крутим вправо, держись! - А сам, перехватив триммером, создаю огромную перегрузку. "Не свернуть бы только хвост", мелькает в голове.

В глазах на миг темнеет. Удержится ли Леня?.. Еще рывок - и я в хвосте у фашиста. Богашов держится сзади, чуть оттянувшись. Молодец! Огонь открывать пока нельзя, еще велик ракурс. Я вижу "фоккеров" под три четверти - нужно большое упреждение. А где же вторая пара?..

Пальцы на гашетке. Пора!.. Я чуть снизу, стрелять удобно. Последнее уточнение по прицелу... Но что это?! Сзади раздается резкий удар, кажется, у самолета что-то оторвалось. "Фоккер" уплыл из прицела, а мой самолет провалился в пропасть... Я успел заметить проскочившего снизу фашиста. Богашова не видно.

Машина в штопоре - надо выводить. Близка уже земля, но самолет не послушен. Последнее усилие ногой на педаль - до конца, до упора: надо замедлить штопор. Ручку управления истребителем пытаюсь держать нейтрально, но она как дубовая. Почти у самой земли удается остановить вращение. Я вывожу самолет в горизонтальное положение, кажется, уже коснувшись макушек леса. С трудом набираю несколько десятков метров высоты. Сильно кренит вправо: в правой плоскости огромная дыра. Так вот куда угодила пушка "фоккера"! Осмотревшись, недалеко в стороне вижу черный шлейф дыма, но в эфире никого не слышно. Рация молчит. Надо добираться домой.

С курсом 90 градусов ищу аэродром. Управлять машиной

трудно, рука здорово занемела, поэтому помогаю удерживать ручку управления коленями. Наконец впереди какая-то посадочная площадка. Осмотрелся - на летном поле "Кобры", но аэродром не наш. Раздумывать, однако, не приходится - самолет не слушается. Убрав газ, сажусь прямо перед собой и попадаю на самую окраину площадки. Пробежав метров сто, машина выкатывается в поле и теперь уже словно плывет по зелено-голубым волнам цветущей пшеницы.

Наконец она остановилась, и я открыл кабину. Пахло хлебом, ромашками, вверху в чистом небе пели жаворонки...

Тут же подъехала санитарная машина. Я вылез из кабины, с грустью посмотрел на израненный самолет. Прикинул: ох и работы будет нашим техникам! Санитары же в белых халатах уже подхватили меня под руки.

- Вы что, девчата, я же щекотки боюсь! - Моя улыбка вроде остановила их.

- Он еще шутит! А на самом лица нет, - строго проговорила чернявенькая девушка-санинструктор, и мне тут же смыли спиртом бусинки крови на лбу - от мелких осколков стекла кабины.

Подошел усатый капитан в шлемофоне - наверное, только что из полета или лететь собирался. Лицо что-то очень-очень знакомое... Да это же наш батайский инструктор Анатолий Кожевников!

- Ты? Дольников? Узнаешь меня? Я - Кожевников, - крепко пожал мне руку Анатолий. - Чем понравился наш аэродром? Ты второй свалился, перед тобой сел тоже кто-то из ваших, но получше, и целенький.

- Какой номер самолета? Где он? - предчувствуя недоброе, спросил я.

- Номера не заметил, а самолет недалеко. Пойдем покажу! Да расскажи, с кем дрались? Похоже, жарко было? Нас вот пока в дело не пускают. Ты, кстати, в каком полку?

- В сотом, у Лукьянова.

- Так там же где-то Гучек, курсант мой, помнишь?

- Не только помню, но и в этом вот бою вместе были.

И тут я увидел недавно приземлившуюся "Кобру": по номеру узнал самолет Богашова. Вгорячах рванулся было вперед, расстегивая на ходу кобуру пистолета. Но около самолета Богашова не было.

- Где пилот? - яростно вырвалось у меня.

- Да ты что рассвирепел так? - удивленно глядя на меня, спросил Кожевников.

- Сволочь он! В самый последний момент бросил. А просился

как!.. - Тут у меня горло перехватили спазмы гнева и презрения к трусу.

Богашова тогда мы так и не нашли - он, оказывается, спрятался, когда увидел, что я произвожу посадку, Вскоре я уехал на свой аэродром.

В полку первым встретил Петра Гучека. Укоризненно поглядев на меня, он сказал:

- Я все видел. Богашов ушел переворотом, когда заметил заходящую к нему в хвост вторую пару. А они за ним не пошли - просто своих спасали от удара. Шкатов немного не успел, но потом он все же завалил того "фоккера", что тебя угостил...

К вечеру явился Богашов. Разбор боя проводил командир полка. Выступили все летчики, участвовавшие в схватке. Мнение было единогласным: Богашов подлец. При численном преимуществе мы потерпели поражение из-за его трусости. Богашов изворачивался, как мог, ловчил, даже плакал. Но кто поверит слезам труса, бросившего в бою товарища! По справедливости он понес суровое наказание.

Не легко сейчас, спустя годы, вспоминать плохое о людях. Тем более если они были твоими однокашниками, товарищами. На правду, как и на солнце, смотреть трудно, но надо. Надо во имя тех, кто самой дорогой ценой - жизнью! заплатил за чью-то слабость, предательство. А в том бою погиб совсем молодой летчик младший лейтенант Цявловский. Он шел на врага, твердо веря, что рядом опытные, преданные старшие друзья, которые поддержат его, не оставят в трудную минуту...

Мой подбитый самолет наши техники ввели в строй за ночь. На следующий день я уже вылетел на нем в паре с Бабаком на специальное задание.

В районе Броды немцы поднимали аэростат, с которого вели корректировку огня артиллерии. Нам была поставлена задача уничтожить аэростат, и несколько пар уже вылетели на поиск, но обнаружить аэростат никак не могли. Не удалось найти его и нам с Бабаком. Оказалось, что немцы установили за нашим аэродромом наблюдение и о каждом взлете информировали команду, управлявшую аэростатом, которая сразу же опускала его на землю и маскировала, а после ухода наших истребителей вновь поднимала. Немало мы тогда поволновались, но со второй половины дня аэростат больше уже не поднимался.

А вскоре из Михайловки мы перебазировались на аэродром у населенного пункта Лисьи Ямы. Название это характеризовало скорее аэродром, чем сам поселок. Располагался он вдоль небольшой речушки с довольно крутыми берегами. Расчет на посадку здесь необходимо было выполнять максимально точно.

Если не долетишь - попадешь в речушку, если перелетишь - тоже выкатишься прямо в воду, потому что речушка как в начале, так и в конце аэродрома поворачивала поперек и текла дальше, без конца извиваясь, сильно заросшая с обоих берегов кустарником. С воздуха она практически не была заметной.

На границе с аэродромом, слева, находилось заросшее болото, которое сверху казалось ровной зеленой площадкой немного больших размеров, чем выбранное рядом летное поле. Об этих особенностях нас предупредили еще при перелете, однако летчики не однажды пытались произвести посадку именно на это болото, а не на сам аэродром, выглядевший сверху гораздо хуже, да еще жестко ограниченный речушкой. Поэтому-то на подходе к посадке предусмотрительно был выставлен специальный пост с радиостанцией, набором ракет с ракетницами.

Через несколько дней на этом же аэродроме мы прощались с командиром эскадрильи Героем Советского Союза Василием Шаренко. Гибель его была великой потерей для полка. А произошло вот что

Василий Денисович вылетел на самолете По-2 вместе с офицером авиационного тыла для поиска и подбора аэродромов в районе междуречья Вислы и Сана - на территории, только что освобожденной от врага.

При стремительном наступлении войск 1-го Украинского фронта и захвате плацдарма на левом берегу Вислы в нашем тылу остались различные по численности недобитые группировки врага, которые скрывались в лесах. Над одной из таких группировок самолет Шаренко был обстрелян и подбит огнем зенитной артилллерии. Он загорелся и взорвался, упав на землю.

Василия Денисовича с почестями похоронили на месте гибели, но уже на другой день его останки перевезли на аэродром. Под траурные мелодии военного оркестра и пулеметно-пушёчные очереди самолетов, взлетевших, чтобы отдать последние почести летчику, гроб с телом Шаренко был поставлен в специальный самолет. Его переправили во Львов и захоронили в парке имени Костюшко. Впоследствии состоялось торжественное перезахоронение на холме Славы. Именем командира эскадрильи Шаренко названа одна из школ.

Василия Денисовича необыкновенно любили и уважали в полку. В шутку мы звали его просто Нехай. Это было его привычное слово заменявшее "пусть", "ладно". Когда речь заходила о фашистах, он неизменно говорил: "Нехай, я им еще покажу!" А если соглашался в чем-нибудь с сослуживцами, обычно заканчивал: "Ну нехай так и будет".

Мало кто видел Василия Денисовича злым, раздраженным, вышедшим из себя. Даже в самых сложных положениях он оставался спокойным, уравновешенным, находчивым. Его неиссякаемый юмор и искрометная веселость удивляли однополчан. Вспоминая о нем, обычно с горечью говорили: "Эх, нет Василия Денисовича Нехая". Это означало, что именно Шаренко сделал бы сейчас то самое, что нужно было всем.

А жизнь у Василия Денисовича сложилась далеко не радостной. Его отец был зверски убит белобандитами в гражданскую войну на Украине, вскоре умерла и мать. Оставшись без родителей, маленький Василий после многомесячных голодных дней и ночей в тяжелых для страны условиях того периода был определен в детский дом. Добрые, заботливые педагоги, которые навсегда заменили Шаренко родных, воспитали в нем крепкие моральные качества, которые и привели его в авиацию. Его боевой дух, талант летчика-истребителя проявились с первых же полетов и достигли высокого мастерства в воздушных боях с гитлеровцами.

Но не только невеселые воспоминания связаны у меня с недолгим временем базирования на аэродроме под названием Лисьи Ямы. Здесь пополнился мой боевой счет, достигший круглой цифры 10. По неписаному закону это давало право называть меня емким, хотя и коротким словом "ас". Самой же большой радостью в те дни была весточка, полученная из родной Сахаровки...

Еще в июне, когда газеты и радио сообщили о начале наступления наших войск в Белоруссии, я написал письмо матери. Родные места были освобождены в конце месяца, но почта тех дней была нескорой. В ожидании ответа я послал еще несколько писем - не только матери, но и соседям, однако ответа все не было...

Семьи многих моих однополчан, к несчастью, оказавшиеся на временно оккупированной врагом территории, подверглись зверским мучениям, насилиям и истязаниям, которыми сопровождался каждый день оккупации. Возвращаясь на родную землю, наши солдаты видели страшные, жуткие картины: сожженные города и села, повешенных, истерзанных, распятых людей, замученных узников концлагерей.

Тяжелейшие испытания выпали моей земле. Четвертая часть населения Белоруссии убита, многие города и села превращены в развалины и пепел. "Не постигла ли участь сотен дотла сожженных белорусских деревень и мою родную Сахаровку? Живы ли мои родные?.." - такие мысли с каждым днем все больше не давали покоя. Но тщетно искал я во всех получаемых газетах

хотя бы косвенное сообщение из родных мест.

Как-то короткой июньской ночью нам с Петей Гучеком не спалось - мы с ним стали теперь неразлучны. Что так прочно, так верно сдружило нас? Трудно сказать. По складу души, по характеру мы были скорее противоположны, чем схожи. Из Петра получился бы хороший хозяин-семьянин. Всегда и во всем аккуратный, свои нехитрые личные вещи он держал в порядке, как-то постепенно и незаметно стал ведать и моим незатейливым имуществом - все у нас стало общим. По боевому расчету находясь в одной эскадрилье, в бой мы летали вместе, нередко в одной паре. В воздухе, как названые братья, сходились во всем, на земле же случались разногласия. В таких случаях Петр чаще мне уступал, считая про себя, что судьба моя - не из везучих.

Всем личным, сокровенным он любил делиться в уединенной тишине. Скромный, неразговорчивый, Гучек не любил болтливых и разухабистых, хвастунов и зазнаек. Очень был привязан он к своей семье, оставшейся в оккупации в Минской области. Бережно храня пожелтевшие фотокарточки деревенских самоучек-фотографов, на которых были запечатлены мать Ольга Леонтьевна (на нее, кстати, он был необычайно похож), младшая сестренка Галя, шустрый братишка Иван, нередко показывал мне их, грустно вздыхая: "Как-то они там..."

Глухая предрассветная темнота. Мы лежим в глубоком раздумье, ворочаясь с боку на бок. Многое уже сказано, переговорено. Петр пытается напевать:

- "Темная ночь, только пули свистят по степи..." - но внезапно обрывает песню и говорит: - Завтра большая почта. Ты обязательно получишь весточку от родных, а мне еще неизвестно сколько ждать...

На этот раз Петр оказался провидцем. На следующий день я действительно получил первое, и очень дорогое мне, письмо от мамы. Написанное на небольшом истертом листке потемневшей бумаги, оно все было в крупных каплях материнских слез.

"Солнышко мое, сыночек родненький, живой ты сказался, мой сокол, - писала мама. - Я вот вернулась из-под немцев поганых, а Володьку нашего не уберегла, угнали изверги в Неметчину, ох, чтоб им зверям-людоедам всю жизнь мучиться в пекле на этом и том свете. Дядя Яким и Тима еще не вернулись из лесов, а хата наша уцелела, а многих посожгли, ироды, а Болбечено соседнее дотла сожгли. Уцелела одна корова на всю деревню, на ней и пашем, и молоко делим среди сосунков, а что ты деньги прислал, так поделили их, и все благодарствуют тебе. Что-то на твоей карточке руки одной не видать, не дай-то бог... А немцу мы не давались, меня два раза в лагерь брали, да убегали от поганцев

этаких. Прилетел бы, сокол-сынок, хоть на денек, сердце матери согрел бы, одна я на свете... А гадов немецких бей без жалости, их всех, извергов, перебить надо, испоганили они жизнь людскую. Больше бы писала, да бумаги нема и карандаш-огрызок в руках не держится. До свиданья, касатик мой, слезы ручьем идут, глядеть не можно..."

Материнские письма, полные слез и светлой любви, горьких страданий и несказанной заботы, приносили безмерную радость и большую печаль. Они звали к беспощадной борьбе, к суровой мести гитлеровским извергам.

* * *

27 июля 1944 года войска 1-го Украинского фронта освободили Львов, Перемышль. Продолжая стремительное наступление, соединения и части фронта к концу августа очистили от немцев западные области Украины, юго-восточные районы Польши, форсировали Вислу и захватили крупный плацдарм западнее Сандомира. Вместе с войсками фронта продвигались и мы. В середине августа дивизия полностью перебазировалась в Польшу. Наш 100-й и братский 104-й истребительные авиаполки обосновались на хорошо подготовленном аэродроме у населенного пункта Ежове, а братский 16-й, получивший наименование Сандомирский, - ближе к Сандомиру, на аэродроме Макшишув.

Большой вклад в разгром врага во Львовской операции внесли летчики нашей дивизии - она была награждена орденом Богдана Хмельницкого II степени. В этой операции мы сбили 93 самолета противника. А самым примечательным событием этого времени, думаю, не только для нашей дивизии было присвоение Александру Ивановичу Покрышкину, первому в нашей стране, звания трижды Героя Советского Союза. Для нас это стало большой гордостью. Мы все учились воевать у комдива, старались во всем подражать ему. Старшие начальники пытались было запретить Александру Ивановичу летать на боевые задания, но он не мог жить без боя. Счет сбитых им фашистских самолетов приближался уже к шестому десятку!

Очередными боевыми наградами были отмечены летчики, инженеры и техники и нашего полка. Второй орден Красного Знамени получил Петр Гучек. Я радовался за друга...

В конце лета и осенью 1944 года войска 1-го Украинского фронта проводили подготовку к новой наступательной операции. Мы в этот период прикрывали наземные части от нападения авиации противника, вели воздушную разведку, наносили удары по войскам и технике врага, не давая ему подтягивать резервы к фронту. Однако интенсивность боевых действий резко упала, и в

эскадрилье немало времени уделялось подготовке слетанности, взаимодействию пар и звеньев. Шла напряженная учеба и на земле.

К нам в эти дни прибыла очередная группа молодых летчиков. По возрасту ребята были нашими ровесниками - по различным причинам они задержались в летных школах, и сейчас все, конечно, стремились внести свой вклад в победу. Однако для этого предстояло пройти в боевом полку соответствующую подготовку.

Как всегда, в такие периоды происходили изменения в боевых расчетах. Командиром второй эскадрильи стал старший лейтенант Алексей Труфанов. Его эскадрилья специализировалась в полетах на разведку. Алексей сам был хорошим разведчиком, под стать командиру подобрались и остальные летчики - Иван Свинаренко, один из ветеранов полка, Василий Бондаренко, недавно прибывшие в полк Сергей Сахаров и Анатолий Чулаев. Последние двое уже были опытными пилотами. Они сразу вошли в наш боевой коллектив и получили всеобщее признание.

Капитан Сахаров, будучи командиром эскадрильи, бесстрашно, мастерски дрался в воздухе, его наградили тремя орденами Красного Знамени. Но однажды, сорвавшись, Сергей нарушил дисциплину. Разжалованный в рядовые летчики, он прибыл в наш полк. Мы о прошлом его не упоминали, а он, в свою очередь, отличаясь заметной скрытностью, всего себя самоотверженно отдавал боевой работе. К концу войны Сахаров увеличил счет сбитых самолетов до тринадцати и провел не один десяток эффективных воздушных разведок. В должности командира эскадрильи летчик был восстановлен и награжден четвертым орденом Красного Знамени.

Анатолий Чулаев прибыл в наш полк из госпиталя. Это был человек необычной судьбы. В самом начале войны сержант Чулаев неудачно приземлился, скапотировал и получил тяжелую травму. После госпиталя ему долго не удавалось вылетать на боевые задания, так как за время его отсутствия летчики переучились на новый тип самолета, и в напряженных боях до Чулаева, как говорится, руки не доходили. Тогда Анатолий пошел на известный риск. Основательно изучив новый самолет, многократно тренируясь в кабине, он мысленно освоил его, не летая. И вот однажды, когда группа ушла на боевое задание, Анатолий также взлетел и незамеченным пристроился к ней.

Вскоре разгорелся воздушный бой, за которым наблюдал командующий фронтом И. С. Конев. В нем Анатолий проявил такую отвагу и дерзость, что не заметить его было просто

невозможно. Командующий фронтом наградил тогда Чулаева орденом Красного Знамени, и командованию полка ничего другого не оставалось, как включить старшего лейтенанта Чулаева в боевой расчет. Кстати, в том бою он сбил два самолета.

В нашей второй эскадрилье Анатолий сразу же зарекомендовал себя как опытный боец, хороший разведчик. Правда, в технике пилотирования у этого летчика был один недостаток - Анатолий редко производил посадку у посадочных знаков, как правило, перелетая, что грозило поломками машины. На замечания старших он серьезно отвечал:

- Промазал малость. Прошу прощения - спешил с разведданными, понимаете ли...

Сахаров и Чулаев вовремя пополнили наши ряды - опытных боевых летчиков у нас значительно поубавилось. На лечении в госпитале после аварии самолета Ли-2 находился Дмитрий Глинка, погиб в бою Василий Можаев, перевели в другой полк Ивана Свинаренко. Надолго вышел из строя и наш комэск Дмитрий Шурубов.

Неожиданно его место приказали занять мне. Я не сразу осознал и большое доверие, и ответственность, внезапно свалившуюся на меня. Ведь эскадрилья это не только двенадцать боевых самолетов, несущих на себе грозное оружие: двенадцать пушек, семьдесят два пулемета, при необходимости - несколько десятков бомб. Эскадрилья - это прежде всего около сотни разных по национальности, складу характера и возрасту людей. Среди них двенадцать подчиненных тебе воздушных бойцов, с которыми не просто идти в бой, а вести их за собой.

Конечно, отсутствие у меня командирского опыта сказывалось с первых дней. Случались ошибки, просчеты, недоработки, приводившие к бессонным ночам. Главным моим недостатком, как и в работе многих других молодых командиров, было неумение организовать работу подчиненных. Все хотелось сделать самому - и главное, и второстепенное. Не всегда отличая первое от второго, порой тратил попусту уйму времени, а дело от этого страдало.

Но мне, признаться, в моем вступлении на командирскую стезю здорово повезло: за исключением летчиков, все руководители подразделений эскадрильи и по годам, и по опыту работы были намного старше меня. Так, у адъютанта эскадрильи капитана Березовского был самый большой воинский стаж. Службу свою он начал еще в двадцатые годы в кавалерии и только в конце тридцатых был переведен в авиацию на штабную должность. Опытный строевой командир, Березовский всегда отличался особой подтянутостью, аккуратностью и чуточку

излишней официальностью. Инженером эскадрильи был капитан Михайлов, один из лучших специалистов, старший по званию и по годам среди технического состава.

Меня, естественно, беспокоило, какие взаимоотношения установятся с моими заместителями при столь большом несоответствии в возрасте, опыте работы. Они же в свою очередь, ничуть не смущаясь, первыми без обиняков начали нужный всем нам разговор. Капитан Березовский тактично, не указывая мое воинское звание (я все еще был младшим лейтенантом), сказал:

- Товарищ командир, нас не беспокоит ваша молодость и большая разница в звездочках на погонах. Мы знаем вас как смелого и опытного боевого летчика...

- Что вы хотите этим сказать? - прервал я Березовского, ревниво оберегая свой командирский авторитет.

- Мы хотим вас заверить, - продолжал он, - что сделаем все от нас зависящее, чтобы наша эскадрилья была лучшей в полку.

- Так и должно, быть! Только не думайте, пожалуйста, что вы будете мною командовать! - совсем уж по-мальчишески, вызывающе заявил я в ответ.

Мои добрые, надежные помощники хотели искренне помочь моему становлению. К сожалению, понял я это после того, как допустил массу ошибок. Так, уже на следующий день после вступления в должность я отправился наводить порядок в общежитии, где размещались наши эскадрильские оружейницы и мотористки. Не стучась, я открыл дверь в тот момент, когда девушки занимались вечерним туалетом. При моем появлении начался невообразимый визг и гам. Я же оторопел, увидев не положенное мужскому глазу. Раздались выкрики:

- Не ослепни, командир!

- Закрой бесстыжие глаза-то!

- Девочки, да он же не нарочно, прикройтесь!..

И я выскочил оттуда как ошпаренный. Несколько дней прошло в ожидании двусмысленных шуток сослуживцев. Однако девчата, поняв мою оплошность, сохранили посещение новым комэском их "будуара" в тайне.

Второй урок я получил от капитана Петрова, временно исполнявшего обязанности заместителя командира полка. Как-то планировались очередные учебно-тренировочные полеты. Михаил Георгиевич ставил руководящему составу полка задачу.

- Командирам эскадрилий плановые таблицы представить мне на утверждение к 18.00! - приказал он.

Опыта в организации учебных полетов у меня не было, я даже не очень четко представлял себе, как правильно, соблюдая все летные законы, составить эту плановую таблицу. Стесняясь в этом

кому-нибудь признаться, мучился в уединении весь день и все же к установленному времени приготовить таблицу не успел. Бегло посмотрев па представленный мной для утверждения график полетов, Петров с присущей ему иронией сказал:

- Вы, лейтенант, опоздали с докладом на двадцать минут - на войне одно это уже преступно. А таблица составлена вами хуже, чем в автопарке батальона на выход автомашин. К 20.00 подготовьте плановую по всем правилам...

Долго пришлось мне соображать, где и какие ошибки подметил Михаил Георгиевич в моей работе. Время шло, и к установленному сроку я составил новую таблицу, мало чем отличавшуюся от предыдущей.

- Лучше, но далеко до требуемой. Кстати, лейтенант, у нас в полку многие знают, как это делается. Я жду вас в 23.00, - сурово произнес Петров, глядя куда-то в сторону.

Теперь только я понял, что надо было сразу обратиться к товарищам. Обошел Сапьяна, Труфанова, Бабака, которые помогли составить плановую таблицу по всем законам. Уже глубокой ночью Петров утвердил ее.

Еще несколько подобных практических уроков - и моему непомерному самолюбию и столь же щепетильной гордости наступил конец. Сейчас, пройдя школу жизни, я с благодарностью вспоминаю своих первых учителей и конечно же Михаила Петрова, так много давшего мне при командирском становлении. И в эскадрилье тогда было много опытных командиров и специалистов своего дела: и капитан Березовский, и капитан Михайлов, и техники звеньев лейтенанты Мичурин, Романов, Шимаев. Опираясь на них, я успешно решал поставленные задачи.

Помню, как в короткий срок вводили мы в строй прибывших к нам молодых летчиков. Их было семь - младшие лейтенанты Симковский, Овечкин, Показ, Кочкин, Цикунов, Никитин, Бабий.

Мой заместитель по летной подготовке Петр Гучек, командиры звеньев лейтенанты Борис Лихонос, Федор Тихомиров, Григорий Синюта, несколько позднее и Константин Щепочкин летали с ними на отработку техники пилотирования, слетанности в парах и звеньях по новому боевому расчету. А в заключение программы необходимо было облетать район боевых действий. Подготовка к таким полетам проводилась на уровне боевых, в состав группы более двух молодых пилотов не брали.

Хорошо запомнился один из таких вылетов. При подготовке к нему особое внимание молодых летчиков я обратил на осмотрительность в воздухе:

- Еще раз напоминаю известные, достаточно проверенные войной истины: не отрываться от ведущего - враг коварен и хитер,

и, если мы его не видим, это еще не значит, что его вовсе нет. Будьте вообще готовы ко всяким неожиданностям. При полете над линией фронта выполняйте противозенитный маневр, особенно в районе переправ.

Итак, взлетели шестеркой. Младший лейтенант Иван Бабий шел ведомым у меня, а Порфирий Показ - у лейтенанта Синюты.

Ивана Бабия я знал по совместной службе еще в 25-м запасном авиаполку, куда он прибыл на переучивание. В его биографии было много путанного. По рассказам, первые два года войны он летал связным летчиком на По-2, затем участвовал в боевых операциях, но все время добивался направления на переучивание на истребитель. Наконец в декабре 1942 года прибыл в 25-й запасной авиаполк, где мы и встретились.

Особенно любил Иван рассказывать. Память его была неистощима. Он обладал необыкновенным даром и искусством мимики. Выражение лица его, голос, ужимки все в рассказе его олицетворяло личность, которую он хотел представить. При случае и без случая Иван сыпал шутками, пословицами, но, признаться, остроумием не отличался, и со временем мы привыкли к этой его взбудораженности. А вот с переучиванием дело у Ивана затягивалось. Правда, похоже было, что он не очень-то переживал.

И вот, прибыв в полк, Бабий попросился в мою эскадрилью. Летал он слабее своих товарищей - в воздухе терялся, ориентировался плохо. На земле же пытался компенсировать это своим балагурством, развязностью, чем вызывал только неприязнь у боевых летчиков.

Иным был младший лейтенант Показ. Молчаливый, несколько угрюмый, с небольшими, вечно припухлыми глазами, он хорошо пилотировал, но ориентировался в воздухе тоже крайне слабо, иногда терял аэродром даже при полете в зону.

Перед стартом я еще раз отдельно поговорил с Бабием и Показом о серьезности предстоящего полета. И мы взлетели.

День стоял солнечный, видимость хорошая. У самой линии фронта, однако, появилась облачность. Тогда мы снизились под облака и пошли вдоль Вислы. Тихо, спокойно... Эфир молчит.

Что ж, думаю, пока неплохо: молодые напряжены, конечно, до предела, опытные рассматривают места недавних и предстоящих схваток... И вдруг в этой тишине раздался крикливый тревожный возглас:

- Борода! Я - Бабий! Слышу гул вражеских самолетов.

Привычно осмотревшись, кроме своих, я никого не увидел:

- Противника не вижу. Уточните! - передаю по радио.

- Уточнить невозможно. Бабий слышит, но не видит

противника, - ответил за моего ведомого Синюта.

- Вот это слух! - поддержал Щепочкин. Ребята посмеивались над молодым.

- Прекратить разговоры! - скомандовал я. - Справа обстреливают зенитки, доворот влево!

Справа и ниже действительно появились многочисленные шапки разрывов снарядов "эрликонов". И тут Бабий, шедший на боевом интервале, подтянулся почти вплотную к моему самолету.

- Бабий, займи боевой порядок. Так одним снарядом по обоим шибанут!.. приказал я.

Ведомый неохотно отошел вправо.

На посадку я завел группу к аэродрому так, чтобы молодые пилоты сориентировались не спеша - видимость несколько ухудшилась. Первым после роспуска должен был садиться Показ, но следовавший за ним Синюта перед третьим разворотом Показа из виду выпустил. Я запросил по радио о его месте - летчик не отвечал.

Что-то сразу подсказало: аэродром Показ потерял. Приказав всем садиться, я начал набирать высоту над летным полем, запрашивая Показа по радио. Вскоре он отозвался.

- Ты где? - спокойно спросил я.

- Не знаю, - прозвучало в ответ.

- Набери высоту 2000 метров, встань в круг и передавай мне, что видишь под собой, - приказал я.

- Аэродрома не вижу!

- Ну а что видишь? - Я старался сориентировать его на местности.

- Вижу дорогу, по которой большое движение машин...

Попробуй найти по такой информации иголку в стоге сена! И только когда Показ передал более характерный ориентир, я понял, что он крутится в десяти километрах от аэродрома, где я его тотчас нашел и привел на посадку.

При рулежке в конце полосы я заметил поломанную "Кобру", возле которой уже собрались техники. Оказалось, вывел самолет из строя Бабий. Выполняя посадку на большой скорости, со сносом, он умудрился еще "скозлить", и, конечно же, столь грубого приземления передняя стойка шасси не выдержала. Не много ли происшествий для одного тренировочного вылета?

Наг разборе полетов ни Показ, ни Бабий свои ошибки объяснить не смогли. Для летчика же это важно. Ясным становилось одно: придется долго и терпеливо учить их сначала на земле, затем уже в воздухе, прежде чем отправить на боевое задание.

Надо сказать, Иван Бабий боевым летчиком так и не стал -

его отправили в тыл. Показ продолжал летать, но со многими незадачливыми причудами...

Зато успешно осваивали программу подготовки к боевым действиям остальные молодые пилоты - младшие лейтенанты Овечкин, Кочкин, Цикунов, Никитин, Симковский. Особенно мне приглянулся мой земляк - тихий, скромный, белобрысый, несколько сутуловатый белорус Владимир Симковский. Внешне он казался несобранным, вялым, по выправке и подтянутости мало походил на кадрового офицера. Однако это был сильный духом пилот, с хорошими волевыми и моральными качествами. Володя быстро усваивал летные навыки военного времени. Я все чаще брал его к себе ведомым при выполнении учебно-тренировочных полетов, каждый раз постепенно усложняя маневренность, и самолет Симковского следовал за моим не отрываясь. Хорошо ориентировался молодой летчик в воздухе.

Когда мы закончили программу летной подготовки к боевым действиям и составляли в связи с этим новый боевой расчет эскадрильи, я не задумываясь назвал своим ведомым младшего лейтенанта Симковского. Владимир летал со мной до конца войны, показав при этом высокое летное мастерство и смелость. Правда, на выполнение самых ответственных заданий, когда в бой шли только "старики", я по-прежнему брал в напарники Константина Щепочкина. Но это случалось все реже и реже. Щепочкин уже сам успешно возглавлял пару - его верным ведомым был молодой летчик Цикунов.

Так постепенно приобретая уверенность в летных делах эскадрильи, все реже допуская грубые просчеты, на земле руководить эскадрильей я никак не успевал. Многие вопросы решались без меня и, надо сказать, успешно, благодаря умению и опыту заместителей. Особенно упускались мною вопросы воспитательной работы. Несмотря на отчаянные старания, я невольно приходил к мысли, что по-настоящему командовать эскадрильей не могу - рановато. Это, безусловно, мучило меня, а признаться кому-нибудь в своей несостоятельности не позволяло самолюбие. Видимо, понимало это и командование полка. К счастью, помог случай.

...В тот первый морозный декабрьский день планировались учебные полеты и несколько вылетов на "свободную охоту". Однако в установленное время ни один из самолетов эскадрильи к полетам не был готов - не запускались моторы. Промаялись мы тогда весь день. А секрет был прост. Не ожидая резкого похолодания, техники нашей эскадрильи на ночь не разжижили авиационно.е масло в маслобаках, как это было предусмотрено инструкцией, в других же эскадрильях все учли и большая часть

машин к полетам была у них готова.

Что тут скажешь? Я, конечно, всех этих технических тонкостей да премудростей не знал и никаких указаний по этому поводу не сделал. Чье же упущение, кто проморгал? Инженер полка команду давал, инженер эскадрильи вроде бы также распорядился, но почему команды и распоряжения не дошли до исполнителей - объяснить никто не смог.

ЧП значительное. Виноватых словно бы нет. Но мне-то было ясно: ведь опять я, комэск, не на высоте... Когда вечером объявили, что все командиры эскадрилий на следующий день утром должны убыть на совещание в штаб воздушной армии, я всю ночь не сомкнул глаз. Безусловно, мне были не известны цели и задачи предстоящего совещания такого уровня, но почему-то был твердо убежден, что речь пойдет именно о моей эскадрилье.

Рано утром комэски нашего и 104-го авиаполка, базировавшегося вместе с нами, сели в полуторку и выехали в расположение штаба 2-й воздушной армии. Наша, довольно потрепанная, видавшая виды машина была плохо подготовлена к рейсу, несколько раз в дороге останавливалась, и шофер устранял мелкие неисправности в моторе. Хорошо знающий капризы своей полуторки, он умел быстро ее "укрощать", но ездил лихо, так что нас в кузове изрядно трясло.

Рядом с шофером за старшего сидел командир второй эскадрильи капитан Алексей Труфанов, в кузове - остальные: капитаны Александр Вильямсон, Михаил Комельков, Алексей Закалюк и я с капитаном Шкатовым.

- Какой же это нахал нам такую машину подсунул? - возмущался Комельков.

- Поедем с совещания - вечерком как следует поговорим с комбатом, предложил Вильямсон, которого мы звали просто Вилей.

- До чего дошли!.. Командиров эскадрилий везут на ответственное, может быть, даже историческое совещание в каком-то драндулете! - подогревал нараставшее возмущение Шкатов.

В штаб мы все же прибыли в срок. Я впервые видел такое множество командиров-летчиков всех рангов. Сияли ордена, медали, Золотые Звезды Героев. А когда совещание открылось, места в президиуме заняли молодые, также увенчанные многими боевыми наградами генералы. Это были наши командиры корпусов и руководство воздушной армии. Совещание проводил командующий армией генерал-полковник авиации С. А. Красовский.

Среднего роста, плотный, с характерными усиками и блестящей лысиной, подчеркивавшей выпуклый лоб и цепкие внимательные глаза, наш командарм даже своей внешностью производил впечатление сурового, волевого и решительного человека. Таким он и был. Уже после первых слов, произнесенных им с ярко выраженным белорусским акцентом, я внутренне возгордился - земляк ведь мой командарм.

- Слышь, Горачий, не дрожи! Будет парадок - командарм-то тоже белорус... толкнув меня в бок, прошептал Закалюк.

Много раз в послевоенное время я встречался со Степаном Акимовичем Красовским, впоследствии ставшим маршалом авиации. Это необычайно энергичный, обаятельный, любящий авиацию и много сделавший для ее развития, всеми уважаемый человек. И сейчас, когда Степану Акимовичу уже за 80, он активно работает, отдавая все силы и знания столь дорогому ему летному делу.

А тогда, насколько мне помнится, совещание было посвящено предстоящим боевым действиям, проверке готовности авиации лично командующим фронтом на специально созданном полигоне. Выступали командиры всех категорий и рангов, делились опытом, вносили предложения. И мои опасения оказались напрасны - о нашем ЧП никто не вспомнил.

Совещание затянулось. Приехавшие из дальних гарнизонов остались ночевать. В том же зале после хорошего ужина состоялись танцы. Оркестр играл танго, фокстроты, боевые пилоты отбивали чечетку, плясали барыню, цыганочку, им задорно вторили в такт девушки-военнослужащие, многие из которых были в нарядных платьях и модных туфлях на высоких каблуках. Не верилось, что идет война, так было радостно и приятно вокруг.

Я, словно зачарованный происходящим, не танцевал, просто глядел во все глаза, да и танцевать-то я в такой обстановке стеснялся - не особенно-то преуспевал в танцах. Вдруг появилась необыкновенно красивая девушка, и тут я решительно шагнул к ней. Девушка утвердительно кивнула - мы закружились в вальсе "На сопках Маньчжурии". Хотелось танцевать без конца. Но музыка оборвалась. Я, гордо поддерживая под руку свою партнершу, отвел ее па указанное место, не забыл поблагодарить. Тут ко мне подошел подполковник и сказал:

- Лейтенант, этой женщиной не увлекайтесь!

- Если вы о себе печетесь, то вам этот орех не по зубам! - сдерзил я в сердцах.

- Не гоношись, не гоношись. Уберечь тебя от неприятностей хочу. Она ведь жена нашего комкора Утина...

Это, конечно, меняло дело. "И почему такие красивые жены ходят на танцы без присмотра?" - подумалось мне. Все как-то сразу стало неинтересно, я и пошел спать. Вдогонку объявили дамский вальс...

Утром все на той же полуторке мы отправились в обратный путь и, проезжая небольшой польский город Ниски, услышали на рыночной площади невообразимый шум, крики о помощи. Увидев происходящее, сразу поняли, что творится бесчинство. Двое здоровенных солдат в советской форме средь белого дня грабили и избивали местных граждан, не желавших отдавать им свое нехитрое имущество.

- Братва, надо задержать! Похоже, мародеры... - вылезая из кабины, обратился к нам, сидевшим в кузове, капитан Труфанов.

Мы выскочили из машины и с пистолетами в руках кинулись на бесчинствовавших и быстро их скрутили -поздно они нас заметили, увлекшись грабежом. Потерпевшие сначала начали разбегаться, но, видя, как мы обезоружили мародеров, поняли, что опасность больше не угрожает, и возвратились на свои места.

Задержанные вели себя нагло, пытались доказать нам, что по приказу коменданта ищут среди населения замаскированных гестаповцев. Нас насторожило то, что оба, несмотря на раннее утро, были в большом подпитии и говорили явно с польским акцентом. Задержанных сдали в комендатуру. Как потом выяснилось, это были матерые прислужники фашизма, специально оставленные в тылу для дискредитации наших войск. Переодевшись в форму советских солдат, нацистские прихвостни грабили, насиловали, нагоняя страх и панику на жителей освобожденных районов Польши.

В глазах потерпевших поляков мы выглядели героями, спасшими их от грабежа и побоев. Несмотря на наш упорный отказ, пришлось принять вознаграждение - мы выпили по стакану вина, от чистого сердца предложенного горожанами.

Что это было за вино - неизвестно, скорее всего домашнего изготовления, но через полчаса меня потянуло в сон. Тогда редко певший Шкатов затянул песню:

Темная ночь, только пули свистят по степи...

- Какая тебе ночь! Проснись, Шаляпин, давай-ка что-нибудь повеселее, перебивая Шкатова, предложил Комельков.

Лихо гнал свою старую полуторку шофер. Нас подбрасывало на ухабах, бросало от борта к борту, но мы дружно, до хрипоты пели о Стеньке Разине, о синем платочке, о трех танкистах, о том, как в далекий край товарищ улетает, и многие другие хорошие песни нашего времени.

Так, в добром настроении, с песнями мы бы и приехали на

свой аэродром. Но вдруг последовал необычайно сильный толчок вперед - и все разом замолчали. Машина, надрывно скрипя тормозами, покатилась в кювет. Мы крепко вцепились в борта и друг в друга, ожидая, что вот-вот перевернемся. Длилось все это несколько секунд, и понять, что же все-таки происходит, было невозможно. Наконец, стукнувшись о придорожное дерево, наша полуторка оказалась в кювете. Мы выскочили из кузова и увидели, что у машины отлетело заднее колесо.

До аэродрома было еще далеко. Попутных машин проезжало мало - решили идти пешком. Правда, вскоре нам все же удалось остановить попутную, но на наше твердое намерение крупно поговорить с начальником батальона это уже не повлияло. А тут еще возле штаба батальона аэродромного обслуживания, к нашему удивлению, оказалось множество добротных трофейных автомобилей.

- Видал, тыловики на каких машинах разъезжают? - раздраженно, словно ни к кому не обращаясь, проговорил Шкатов.

- Кому что! Тебе - самолет, а им ведь по земле ходить, - как бы отвечая ему, пробурчал Закалюк.

- Давайте конфискуем одну в пользу соколов, - вдруг предложил Комельков.

Все поддержали эту, показавшуюся нам заманчивой идею и, выбрав понравившийся автомобиль, попытались запустить мотор. Не удалось. Попробовали завести несколько других машин, но также безуспешно. И тогда, возмущенные и негодующие, мы ринулись в штаб батальона...

Наши похождения вскоре стали известны полковому начальству. Но, учитывая бдительность и решительность, которые мы проявили при задержании мародеров, нам определили тогда самые незначительные наказания. А стал ли этот случай поводом для неутверждения меня командиром эскадрильи или неожиданное появление в полку нового комэска повлияло на ход событий - судить не берусь.

В один из декабрьских дней в штаб нашей части позвонили из отдела кадров дивизии: срочно разыскивали командира полка. Его на месте не оказалось. Тогда было передано краткое приказание - встретить прибывшего на пополнение летчика. Дежуривший офицер не придал должного значения этому распоряжению и начальству не доложил - мало ли к концу войны прибывало молодежи!..

А вечером многие обратили внимание на незнакомого капитана, задумчиво ходившего около штаба полка. Стройный, крепкого телосложения, с характерными рыжеватыми усиками, с

широкой спортивной грудью, он был похож скорее на кавалериста, чем на летчика. На хорошо подогнанной, несколько выцветшей гимнастерке как-то особенно выделялся привинченный - без подвески - орден Красного Знамени.

На другое утро о прибывшем капитане полк уже знал все. Это был Василий Андреевич Пшеничников. Еще в начале войны, командуя эскадрильей, он неоднократно проявил себя в боях и заслуженно был отмечен высокой боевой наградой. Затем тяжелое ранение, долгое лечение в госпиталях, и вот снова направление на фронт. Пшеничников прибыл с предписанием на должность командира эскадрильи, и я, как временно исполняющий обязанности комэска, стал его временным заместителем.

Большой груз ответственности, внезапно свалившийся на меня, так же внезапно был с меня снят - я уступал место более опытному, старшему по годам и званию.

Василий Андреевич оказался знающим, доступным, заботливым командиром. Однако его боевой опыт, полученный в начале войны, был значительно утрачен. Да и многое изменилось с тех пор: на вооружении как у нас, так и у противника были новейшие самолеты, изменилась тактика боя. Советские летчики твердо завоевали господство в воздухе и были хозяевами неба. Это наш новый комэск понимал, поэтому много тренировался на земле, в воздухе, не стесняясь учиться у подчиненных, чем еще более укрепил свой авторитет.

А мы интенсивно готовились к предстоящей наступательной операции, используя каждый час свободного времени и летной погоды. В то же время продолжались боевые вылеты одиночных пар на воздушную разведку и "свободную охоту", которые давали возможность командованию иметь сведения о противнике.

Тщательно готовились к предстоящему наступлению наши наземные войска. Об этом мы догадывались, а потом и окончательно убедились, ежедневно слушая гул канонады. Недалеко от нашего аэродрома, в лесу, вырастали смакетированные укрепления, аналогичные создаваемым немцами на Сандомирском плацдарме. Проезд туда был строго воспрещен, но с воздуха мы видели, как учились преодолевать глубоко эшелонированную оборону наши войска. Здесь же находился и авиаполигон с мишенной обстановкой, предназначенный для действий всех родов авиации. Выучку и боевое мастерство 2-й воздушной армии проверял на этом полигоне лично командующий фронтом.

...В тот день на специально построенной смотровой трибуне находилось командование фронта, воздушной армии, а также представители руководящего состава полков, дивизий и корпусов. Наш полк представляли штурман полка майор Михаил Петров и начальник штаба майор Сергей Рыжов.

После этой проверки Петров, выступая перед летным составом, с восхищением рассказывал о тактике действий нашей авиации на полигоне, о ее высокой выучке и мастерстве в метком поражении целей. Оценку действиям летчиков давали присутствующие на полигоне командующие и командиры корпусов, дивизий и полков как авиационных, так и наземных войск, заинтересованных в чет-ком подавлении обозначенных целей-макетов.

Высокой похвалы заслужили летчики-пикировщики генерала И. С. Полбина. Все присутствовавшие с восторгом наблюдали за действиями "пешки" (так по-свойски называли пилоты самолет-бомбардировщик Пе-2), управляемой лично генералом Полбиным. Бомбовым ударом он уничтожил заданную цель с первого захода.

За пикировщиками пришла очередь штурмовиков генералов В. Г. Рязанова и Н. П. Каманина. Они точно поразили цели бомбами, реактивными снарядами и завершили работу залпами пушек.

- Чистая работа! - с одобрением произнес командарм С. А. Красовский.

И вот в воздухе сам Покрышкин. На трибуне тихо. Вдруг кто-то в шутку, подражая летчикам люфтваффе, объявил громогласно:

- Ахтунг! Ахтунг!.. Покрышкин!..

У Александра Ивановича задача была нелегкой: пушечным огнем зажечь поставленные в кустарниках бочки с паклей, пропитанной бензином. Сделать это совсем не просто, ведь у истребителя прицельных устройств для стрельбы по наземным целям не было.

Перед Покрышкиным отстрелялись уже несколько истребителей, но бочки остались невредимы...

На трибуне оживление, все с неослабевающим напряжением вглядываются в небо.

- Не истребителей это дело. Им в воздухе хватает целей, а такие пусть "горбатые" обрабатывают, - говорил вернувшийся на трибуну и сияющий от успешного выполнения задачи генерал Полбин, обращаясь явно к комкору Утину.

- А вот сейчас Александр Иванович на своей "сотке" покажет, кому что обрабатывать! - уверенно парировал наш командир

корпуса.

И в эту минуту краснозвездный истребитель с бортовым номером "100", выскочив из-за леса, на мгновение круто взметнулся вверх, а затем с разворота вошел в пикирование. Расстояние между землей и самолетом быстро сокращалось...

- Пора бы и на гашетки нажать! - обращаясь к майору Рыжову, не выдержал Петров.

И тут все увидели, как от самолета Покрышкина потянулись огненные струи. Затем громкий взрыв, огромный сноп пламени... А Покрышкин уже с другой стороны вторым заходом поджег вторую бочку. Его полет завершился проходом над трибуной на такой высоте, что многие пригнули головы. Тут же последовала горка с многократными бочками, и истребитель, управляемый блестящим мастером воздушного боя, скрылся в поднебесье. На трибуне раздался гром аплодисментов.

Командующий фронтом дал высокую оценку готовности авиации, но одновременно указал и на недоработки, особое внимание обратив на точность выхода на заданные цели по времени и месту.

Боевая учеба продолжалась. В октябре 1944 года нам зачитали приказ командующего ВВС о недостатках в использовании радиосвязи. Вводилась соотносительно с этим классная квалификация для летного состава, начиная с третьего класса и кончая наивысшим разрядом - "мастер радиосвязи". Была издана особая программа подготовки с определенными требованиями как по теоретическим вопросам, так и по практике боевой работы. Так, например, для получения высшей квалификации "мастер радиосвязи" летчик должен был пройти подготовку по специальной программе и сдать экзамены на оценку не ниже "хорошо". Требования по опыту боевой работы были еще жестче: мастером радиосвязи мог стать летчик-истребитель, сбивший в воздушных боях, благодаря умелому использованию средств радиосвязи, не менее десяти самолетов врага.

У послевоенного поколения пилотов вызывает удивление тот факт, что когда-то могли летать без двусторонней радиосвязи. Уже много десятков лет без четкого, проверенного радиообеспечения летчику даже на взлетную полосу вырулить не дадут. А ведь когда-то мы, старшее поколение, нередко просто выключали трескучую, шумливую, мешавшую сосредоточиться в полете радиостанцию.

Как же тогда общались между собой летчики, как командир управлял в полете без радиостанции? Работали по определенной сигнальной системе. Например, покачал с крыла на крыло -

расходись на посадку, качнул влево - перестройся влево, клюнул вниз - пикируем, многократно покачал с крыла на крыло - подойди ближе, "говорить будем", похлопал рукой по голове и кивнул влево, значит, ты продолжай выполнять задание, а я пошел на посадку, что-то мотор барахлит...

А кто из летчиков того времени не помнит переговорного "уха" обязательного инвентаря при полете на спарках!.. Это приспособление вставлялось с помощью металлической трубки в отверстие в шлемофоне и присоединялось к переговорному шлангу, который -шел в инструкторскую кабину. На конец этого шланга надевался металлический рупор - в него инструктор подавал необходимые команды (порой очень далекие от допустимых нынче команд радиосвязи).

Ну а как же летчику указать цель на земле, как определить место, где он должен сесть, куда лететь? Это было предусмотрено и определено наставлением по службе авиасигнальных постов. В нем четко обозначался порядок взаимного опознавания наземных войск и авиации. Так, авиасигнальные посты наземных войск передавали парольные сигналы комбинациями сигнально-опознава-тельных полотнищ, а также ракетами, дымовыми шашками, фонарями, кострами.

Пошел, например, на посадку после выполнения задания и видишь вместо посадочного "Т" крест. Значит, посадка запрещена, уйди на второй круг и жди других сиг-палов. Появились два параллельных полотнища - и сразу кровь в висок: "Эх, болван! Шасси забыл выпустить..." Сколько же наших однокашников садилось на "брюхо", забыв выпустить шасси! Тогда мы летали с грунта, и это не грозило большими неприятностями - ну, погнется винт, чуточку поцарапается обшивка фюзеляжа. А если на бетонную полосу да на скорости 350 километров в час? Пожар, взрыв... Успел выскочить - счастье! Только сейчас-то сесть без шасси не дадут - такой шум по радио устроят! И РП (руководитель полетов), и его помощник, и с КП продублируют, и красные ракеты тебе на помощь...

А тогда? Вот пришла группа на боевое задание - смотришь, а внизу два длинных полотнища в линию. Значит, здесь наш передний край. Или видишь полотнища, выложенные в виде буквы "П", - "мы окружены", а рядом буква "Т" "нужны боеприпасы". Или видишь обратную "Л" - "нужна помощь авиации, встретили сильное сопротивление противника на расстоянии 500 метров", а если еще полотнище справа - значит, до противника 1000 метров.

Таких знаков-сигналов было до тридцати. В моей записной книжке военных лет они все выписаны, все их я знал на память. И

кажется странным, что теперь это уже не может пригодиться...

Появление радиосвязи между самолетами и наземными пунктами управления позволило эффективно направлять самолеты на воздушные и наземные цели. С внедрением радиолокационных станций и аппаратуры опознавания появилась возможность обнаружения и слежения за самолетами противника, а главное оперативного наведения истребителей на подвижные цели. Применение же радиорелейных станций в сочетании с приводной связью обеспечило надежность связи между наземными пунктами управления, ее мобильность. Словом, изучение средств радиосвязи, умелое пользование ими стали тогда для нас необходимыми, и летчики засели за теорию. Наши инженеры и специалисты по радио сделали многое и помогли нам в короткий срок усвоить программу подготовки на классность. Особенно старались начальник связи полка - молодой, знающий и обаятельный Володя Кузьмин, а также инженер по радиосвязи, наш полковой художник, чародей своего дела Василий Ковальчук.

И вот сдан последний экзамен. Высшую квалификацию "мастер радиосвязи" первыми в полку получили Дмитрий Глинка, Михаил Петров, Сергей Сахаров, Петр Гучек и другие. Среди них был и я.

Многие опытные летчики получили первый и второй класс, а молодые и необстрелянные пилоты - третий.

Нет нужды описывать, какую огромную роль в будущем сыграло это мероприятие. Более восьмидесяти процентов всех сбитых до конца войны самолетов были уничтожены при умелом использовании радиосредств.

* * *

Заканчивался, уходил в историю 1944 год. Весь декабрь стояла непогода. В те короткие зимние дни летали мало, но много готовились на земле. Впереди была Висло-Одерская операция. Встречая Новый год, впервые за всю войну мы необычайно явственно ощущали близость победы, и, когда в репродукторах раздался близкий каждому сердцу перезвон Кремлевских курантов, все традиционно чокнулись алюминиевыми солдатскими кружками. Затем организовали танцы, весь вечер не смолкали песни - уснули мы уже перед рассветом...

Наше базирование в Ежове оказалось самым продолжительным за всю войну. Между собой пилоты откровенно поговаривали о непонятном промедлении: вроде бы все подготовились, можно бы идти вперед, на немецкую землю, а почему-то сидим на месте...

И вот она началась, Висло-Одерская операция! Вся громада фронта двинулась на запад. В середине января наш полк перелетел на аэродром Звежбе, правда, это была еще не территория Германии. Сухопутные войска 1-го Украинского неудержимо стремились вперед, и через неделю мы произвели посадку на аэродроме Дешно, где тоже долго не задержались - всего на три дня.

Отступая, фашисты отравляли воду в колодцах, продукты питания, минировали взлетные полосы аэродромов, служебные здания. И по решению нашего командования стали создаваться специальные подразделения для принятия необходимых мер против диверсий врага. Но даже специалисты не всегда могли распознать и обнаружить хитро, умело замаскированные мины, взрывчатку. Такое случилось, например, на аэродроме Енджеюв.

Эта авиабаза с отличной бетонной взлетно-посадочной полосой и рулежными дорожками, удобными зданиями и ангарами для самолетов была захвачена нашими танкистами. Вскоре на аэродром произвел посадку полк бомбардировщиков.

Технический состав смело устраивался в хорошо оборудованных землянках, так как на каждой из них была надпись: "Мин нет". Правда, связисты обратили внимание, что в каждом помещении на одну из стен выходят концы аккуратно заделанных проводов. Все попытки использовать эти провода для организации связи ни к чему не привели: их прозванивали, подключали в различных сочетаниях, но связь не срабатывала. Заметили и на взлетно-посадочной полосе много аккуратно заделанных каких-то воронок, расположенных в шахматном порядке. Но это никого не насторожило: идет война и вполне естественно, что ВПП иссечена воронками.

И вдруг на аэродром пришел польский гражданин. Как мог, с помощью жестов и мимики он объяснил, что вся полоса заминирована, что мины заложены под ВПП в специально заделанных воронках и что провода в землянках служат выводами для подрыва мин. Сведения оказались верными.

Почему тогда не сработала эта адская система - осталось невыясненным, но урок для всех нас был хороший. В дальнейшем, прежде чем давать разрешение авиационным полкам на базирование, каждый аэродром тщательно и многократно обследовали специалисты. Происшествий в результате диверсий гитлеровцев у нас не было до конца войны.

На земле врага

Долго, нестерпимо долго ждали мы того дня, когда вступим на землю врага. Ждали и верили, что рано или поздно придем в логово нацизма, где человеконенавистнические идеи были

сделаны государственной политикой, а немцы - орудием ее осуществления. Мы твердо верили, что обязательно одолеем врага, даже тогда, когда он стоял у стен Сталинграда и окруженного Ленинграда, когда подходил к Москве и горам Кавказа. И задолго до нашего вступления на немецкую землю каждый думал про себя, а иногда и вслух: как же мы придем туда? Ведь у каждого из нас уже не было в живых брата или сестры, матери или отца, а у некоторых - всех вместе...

Первыми вошли на территорию Германии наши танкисты, хотя мы, летчики, побывали в немецком небе раньше. Разговоры об этом велись самые разные.

- Как ты думаешь, дадут наши братцы танкисты и пехота немчуре в их собственном доме?

- А как же! Всех бы их, гадов, под одну гребенку!

- При чем тут все? Дети разве виноваты?

- Надо бы первыми Гитлера с Герингом схватить, да сразу к стенке...

Примерно так рассуждали мы, когда стояли уже у вражеских границ. А немцы бежали.

Геббельсовская пропаганда много сделала, чтобы внушить своему народу страх перед возмездием: она рисовала советского солдата в образе варвара, дикаря, страшного, свирепого людоеда, спастись от которого можно только бегством.

Немцы бежали, но бежать-то все чаще становилось некуда...

Сейчас, во многих западных изданиях строчат душераздирающие статьи о "трагедии гражданских беженцев", утонувших в водах Балтики. Но кто же виноват в этом?

Известны факты, когда гитлеровцы вместе с войсками и боевой техникой отправляли на кораблях и баржах стариков, женщин, детей. Делалось это не из сострадания к своим соотечественникам: нацистов мало трогала судьба немецкого гражданского населения. Просто они пытались показать, что идет якобы не боевой корабль, а мирное судно.

Так было на корабле "Вильгельм Густлофф". Одним из последних отправлялся он из так называемого мемельского котла, и на него вместе с войсками, оборудованием, снаряжением погрузили тысячи гражданских лиц. Их заставили стоять на палубе, то есть сознательно бросили на уничтожение, как когда-то гнали наших матерей и невест по минным полям...

Да, когда мы вступили на землю врага, на территорию Германии, куда стекалось награбленное добро со всей Европы, где свиньи жирели на крови "остарбайтер", где и пепел шел на удобрение полей, конечно, были случаи, что и наш солдат порой не сдерживался. Ведь если бы армия даже сплошь была

укомплектована одними только ангелами, то четыре года такой войны, какую вели немцы, не могли не зажечь чувства справедливого гнева.

Нетрудно представить, что ждало бы нас, если бы сбылись планы фашистов. Курс на уничтожение славянских народов был официальной политикой гитлеровского рейха: всем славянам было уготовано истребление в лагерях смерти или рабство, все города подлежали уничтожению. Сколь многое должно было перегореть в наших сердцах, чтобы мудрость не ослепила ярость! Как тяжело было приказывать сердцу, когда еще не заросли травой могилы друзей!.. А пепел Майданека, Освенцима, Дахау? Треблинки, Бабьего Яра и Хатыни?..

Ненависть к врагу заставляла всех нас драться не на жизнь, а на смерть, но не ожесточила сердце, не изгнала из него добрые чувства.

Великая черта нашего народа - отходчивость души, незлобивость, незлопамятность со всей полнотой проявились и после всех печалей и горестей войны...

* * *

25 января 1945 года мы произвели посадку на первый немецкий аэродром Альтдорф. В сущности эта площадка не была аэродромом, как и многие, где приходилось базироваться, - укатанное, замерзшее поле достаточных размеров. Немцы, конечно, располагали и хорошими аэродромами, но не всем они доставались - наша авиация к тому времени была уже весьма многочисленной.

В населенном пункте Альтдорф местных жителей мы не встретили, за исключением нескольких десятков стариков да подростков. В пустых квартирах в панике бежавших и где-то скрывавшихся немцев все напоминало о только что исчезнувших хозяевах. Но через неделю-другую в каждом доме уже появился кто-то из прежних владельцев. Страх исчезал. Немцы все чаще и смелее начали обращаться к советским воинам за помощью. И они ее всегда получали продовольствием, медикаментами...

На аэродроме Альтдорф мы базировались более двух месяцев. Уже в первый же день группами от пары до шестерки началось прикрытие наших войск и переправ через Одер в районе Олау, Бриг, Оппельн. В это время противник в воздухе встречался редко. А когда отдельные группы "фоккеров" или "юнкерсов" пытались штурмовать наши войска в районе переправ, наши истребители встречали их задолго до цели и фашисты, как правило, не вступая в бой, уходили на запад.

Но вот в конце января немецкое командование, принимая во внимание большое сосредоточение наших войск и их

интенсивную переправу на захваченный плацдарм на западном берегу Одера, усилило активность авиации, действовавшей в районе переправ. Воздушные бои стали массовыми и ожесточенными. К тому же у гитлеровцев появились новые модификации истребителей, имевшие высокие летные характеристики.

...1 февраля. Солнечный морозный день. Группы Петрова, Бабака, Дмитрия Глинки, Гучека, Труфанова сменяют одна другую в воздухе, прикрывая наши части, форсирующие Одер. Во втором вылете на смену группе Бабака четверку повел я. Придя в заданный район и связавшись со станцией наведения, которая передала, что в воздухе спокойно, приступили к выполнению задания: "ходили" по западному берегу Одера с юга на север.

Мой молодой ведомый Володя Симковский уверенно держался на установленном интервале и дистанции. Сзади и выше находились опытные Синюта и Щепочкин.

- Что-то скучновато. Не пройтись ли в тыл к немчуре?.. - хрипловатым голосом, который мы сразу узнавали, предложил Щепочкин.

- Стой на месте и за хвостом посматривай! - серьезно, но незло ответил Синюта своему ведомому, не называя позывного.

- Я на месте! - отозвался Симковский.

- Молодец! Вижу. Меньше разговоров, - предупредил я и подумал: "Кажется, будет работа... С юго-запада показались точки".

Вскоре в эфире прозвучал приказ:

- Борода, с юго-запада группа противника. Не допустите к переправам! - Это мне со станции наведения.

- Впереди справа вижу группу! - взволнованно передал Синюта.

- Спокойно, вижу. Набирайте выше... - скомандовал второй паре.

- Понял, иду выше, на солнце! - Это опять Синюта.

- Идем в атаку. Держись, не отрывайся, посматривай за хвостом! - приказал я, а сам уже искал решения, как и откуда атаковать.

Шесть "фоккеров" шли нам навстречу. Они были в выгодном положении - выше и со стороны солнца. Время полуденное. Смотрю за парой Синюты, а он уже забрался выше противника. Это хорошо. Итак, решено: моя пара идет в лобовую, Синюта атакует сверху.

Шесть "фоккеров" почти фронтом вырастали в размерах. "Ну а как у вас с нервами? Проверим..." - мелькнуло в голове. Фашисты не выдержали. Только вместо обычного виража потянули вдруг на

вертикаль.

- Сима, держись! Максюта, смотри: "фоккеры" наверх пошли, сваливайся на ведущую пару! Я работаю по замыкающим. - Моя команда оказалась своевременной.

Последняя пара противника, потянувшись за своей ведущей, несколько запоздала - командирский самолет оказался в моем прицеле. Короткая очередь, и "фоккер" отвесно полетел к земле.

- Борода, горит, горит один!.. - восторженно закричал Симковский.

Он впервые в настоящем бою, впервые видел горящий и падающий самолет противника. "Я, кажется, в своем первом бою не различил, где свои, а где чужие... - подумалось вдруг. - Значит, будет Сима бойцом". А сам строго передал в эфир:

- Не зевай, за хвостом смотри!

И не зря предупредил: ведущая пара "фоккеров" заходила в хвост Симковскому, а значит, и мне. Но начеку Синюта: он свалился сверху и упредительной очередью ударил по ведущему. Немец, увидев впереди себя сноп огня, тут же переворотом ретировался. А его ведомый, уходя следом, попал в прицел Щепочкина, который не промахнулся.

Все пока шло хорошо. Синюта преследовал уходящий "фоккер", но к нему откуда-то снизу с большой дистанции потянулась трасса.

- Гриша, снизу бьют. Бросай "фоку"! Крути влево! - скомандовал Синюте, заметив, как упрямо ведет огонь по товарищу пара "фоккеров", спасающая своего ведущего.

Увлекшиеся атакой, фашисты меня не замечали. Поняв это, я быстро развернулся им в хвост, и ведомый "фоккер", прошитый второй моей очередью, взорвался в воздухе.

- Ведущий "фока" сбежал, - прохрипел Щепочкин, наблюдая за уходящим в дыму на запад уцелевшим "фоккером". - Жаль...

Собрав группу по радио, я попросил "33": это значит бензина осталось мало - только долететь до аэродрома, работу пора заканчивать.

- Вам "33"! - разрешили покинуть поле боя. - Большое спасибо от главного. Мы все видели и подтверждаем падение трех, - тепло поблагодарили нас со станции наведения.

В это время главным на станции наведения, как мы потом узнали из присланной поздравительной телеграммы, был начальник штаба корпуса генерал Семенов. Нас поздравляли с победой в воздухе над землей врага.

Родные стены, вопреки поговорке, не помогали немцам. Мы били их на земле и в воздухе, загоняя все дальше - в самое логово.

А еще через день в том же районе и тем же составом группы мы провели бой с шестью "мессерами" и также выиграли его без потерь, сбив два самолета противника. По нескольку побед одержали в первой половине февраля летчики нашего полка Дмитрий Глинка, Петров, Бабак, Гучек, Сахаров, Антоньев, Труфанов, Пшеничников, Шкатов. Открыли свой личный счет и молодые пилоты Борис Лихонос, Григорий Патрушев, Алексей Салынин, Федор Тихомиров, Николай Белоконь.

Но победы эти были нелегкими. Как в воздухе, так и на земле противник ожесточенно сопротивлялся. Однако мы стали намного сильнее. Мне вспоминается, с каким подъемом и вдохновением трудились наши боевые помощники - инженеры, техники, мотористы, оружейники.

Старшина Иван Петров - механик моего самолета, Когда я приземлялся и сообщал ему о победе в воздушном бою, он гордился несказанно, радовался как ребенок:

- Мы с командиром сегодня еще одного "фоккера" завалили!.. - и принимался за самолет.

А вот как писала наша фронтовая газета о технике звена управления Константине Ратушном: "Были дни, когда по четыре раза вылетал летчик и столько же раз готовил ему самолет Ратушный. Как-то после четвертого вылета он обнаружил пулевую пробоину в отсеках бензобака. Собственно, повреждение незначительное и устранить его не трудно. Только для этого требуется время. А ночь уже наступает и поутру снова предстоит боевая работа.

Ремонт начался со снятия щитка над баком. Простое это дело требует колоссального терпения. На щитке 485 шурупов - и каждый из них надо отвинтить! Потом разъединить трубки в трех отсеках. Затем эту же работу произвести на другом неисправном самолете. Снять оттуда сохранившиеся в целости отсеки, поставить их на боевой самолет, соединить трубки и... снова завинтить 485 шурупов".

Все успевал сделать к рассвету Костя Ратушный - и никаких тебе сомнений в его работе, никаких отказов машины в воздухе.

Техника звена Николая Мичурина у нас в эскадрилье все почему-то звали попросту Максом. Никто, никогда, даже в самых тяжелых и сложных обстоятельствах, не видел его подавленным, унылым. Своей энергией, находчивостью, работоспособностью, веселыми шутками он поднимал настроение боевых друзей. И сейчас, спустя годы, когда весельчак Макс вспоминает пройденные этапы войны, многое кажется таким простым, обыденным. И вместе с тем становится ясно, как нечеловечески трудно было нашим механикам и техникам, оружейникам и

мотористам обеспечивать полеты - наши бои, победы.

Всякий раз, просматривая фронтовые, изрядно пожелтевшие фотографии, на которых замерли суровые лица моих боевых товарищей и самолеты с надписями: "От школьников Мариуполя", "За Петю Гучека", в памяти встает инженер полка по радио Василий Григорьевич Ковальчук. Это он делал все надписи на самолетах полка. А сейчас его картины напоминают и о далеких, отшумевших битвах, и о нашей фронтовой молодости.

Такими, как Константин Ратушный, Николай Мичурин, Василий Ковальчук, запомнились мне многие наши боевые помощники. Среди них инженеры полка Володин, Савельев, Бдоян, Рубан, инженеры эскадрилий Елисеев, Талалуев, Хабаров, техники и механики самолетов Азовцев, Гриценко, Бычков, Шамаев, Романов, Гладков, Литвин, Белошапка, Нор, Крылов, Колмыков, Чугунихин, Назаренко, Ефимов, Карташов, Бобров, Дадаш. Каждый из них своим честным трудом, беззаветной преданностью, стойкостью в суровые годы оставил в наших сердцах добрую память. И тем более удивительно, что среди авиационных специалистов боевые самолеты у нас обслуживала большая группа девушек.

Это были совсем еще юные, хрупкие, застенчивые вчерашние школьницы в солдатской форме. Вера Безверхняя, Клава Белозерова, Аня Гамзина, Нина Егущенко, Аня Козырева, Мария Карпенко, Анфиса Гладких, Мария Панченко, Мария Улитина, Паня Сердюкова, Таисия Строкотова, Ольга Юрочкина, Таисия Ерохина, Зина Зотова, Груня Якубова, Мария Вощилина, Нина Бутенко, Галина Василенко, Валентина Демидова, Валентина Некрасова... Днем и ночью, в холодную стужу и под знойным солнцем, под бомбежкой и обстрелом врага трудились они наравне с мужчинами, выполняя тяжелую работу войны. Девчата заправляли самолеты горюче-смазочными материалами, чистили и заряжали пулеметы, пушки, укладывали парашюты, а когда летчики спали, стирали наше пропотевшее, иногда в крови, обмундирование, подшивали нам белые подворотнички на рубашки.

Мария Панченко, стройная, с жгучими черными глазами, освоила специальность укладчика парашютов. Все пилоты полка безгранично верили, что, если в бою постигнет неудача и горящий самолет спасти будет нельзя, парашют, умело и надежно уложенный руками Марии Панченко, не подведет. Наша приветливая Марго (так мы ласково величали Марию) была и нашим бессменным письмоносцем. Еще задолго до конца войны ребята стали замечать, что предпочтение она отдает Васе Сапьяну. Чаще, чем другим, подошьет чистый подворотничок,

погладит, почистит, где надо, заштопает фронтовую гимнастерку. Чувства молодых людей со временем выросли в крепкую и верную любовь.

Незаметно для всех в свою боевую оружейницу - белокурую красавицу Зиночку Зотову влюбился Гриша Синюта. Как и Сапьян с Машей, после войны они сыграли свадьбу. Верочку Безверхнюю покорил один из братьев Прониных, а хрупкая веселая оружейница Груня Якубова полюбилась отважному пилоту Павлу Берестневу.

Некоторые, не знающие войны, порой неверно говорили о фронтовой любви. Наша любовь была выстраданной, честной и преданной до конца.

Не обошло в жизни светлое, возвышенное чувство и автора этих строк.

* * *

Зима сорок пятого. После жарких схваток в воздухе при прикрытии войск и переправ через Одер наступило вынужденное затишье. Со второй половины февраля и почти весь март стояла нелетная погода. Низкая облачность со снегом, густые туманы не позволяли авиации вести активные боевые действия. Так что днем мы занимались, повышая знания по тактике, аэродинамике, готовились к боям, а длинными вечерами у нас появилось достаточно свободного времени.

...Лихо играл полковой баян. Девушки чистили до блеска солдатские кирзовые сапоги, гладили тяжелым - одним на эскадрилью - утюгом гимнастерки и попарно, взявшись под руки, шли в клуб. Мы, пилоты, на танцы заявлялись позже всех. Положа руку на сердце, надо признаться, летчиков в полку любили и уважали, а девчата отдавали нам предпочтение даже в выборе на вальс или быстрый фокстрот.

В тот памятный для меня день мы пришли на танцы, когда играли вальс. Шумно войдя в зал, начали присматриваться - так уж, очевидно, велось во все века. Я обратил внимание на незнакомую девушку. Она танцевала, как сказал бы Петя Гучек, почти классически. Небольшого роста, стройненькая, курносая блондинка, в голубом платье и хромовых элегантных сапожках, можно сказать, сразила меня.

- Проверь-ка, Слава, что за фигура! - указывая на девушку, прошу я Вячеслава Антоньева. Проверить - это означало выяснить во время танца, кто, откуда...

После вальса заиграли фокстрот, и Вячеслав уверенной пружинистой походкой подошел к девушке (боевое братство выручало и на земле). Жестом пригласил на танец. Но, к нашему удивлению, в танце пилоту вдруг отказали. Это было

невиданным! Баянист даже играть прекратил. Последовало энергичное и жесткое решение: девушку, а заодно и ее партнера с танцев удалить. Словом, погорячились мы, перестарались. Я чувствовал себя несколько неловко и до конца вечера сожалел о случившемся. А девушка в голубом несколько следующих вечеров на танцах не появлялась.

Отчего-то тревожно застучало сердце солдата. Начался поиск незнакомки. Вскоре я выяснил, что работает она в батальоне обеспечения. Совсем недавно прибыла на фронт. Зовут Валентиной. Вместе с Антоньевым идем в штаб батальона, обдумывая тактику действий. Все-таки надо извиниться за грубость.

Вот и окошко с надписью: "Секретное отделение". Решительно, без стука я открываю дверь.

- Сюда вход воспрещен! - откуда-то из угла, из-за кипы бумаг строгий, но приятный голос.

- А мы - пилоты!

- Пилотам также запрещено!

- Девушка, мы к вам лично по очень важному делу.

- У вас ко мне не может быть дела!

- Девушка, я извиниться пришел вместе с другом и пригласить вас сегодня на танцы...

Мы упрямо не уходили, добиваясь согласия строгой батальонной секретчицы на встречу в клубе. Откуда-то появился замполит батальона и, узнав, с чем пожаловали летчики, обещал наше дело уладить.

Танцев в этот день я ждал нетерпеливо. На удивление всем, пришел в клуб одним из первых. Когда же появилась "голубая девушка", как зашифровали секретчицу из батальона мои друзья, Костя Щепочкин скомандовал:

- Маэстро, танго! Приглашают пилоты!

Подошел в нерешительности к девушке. Молча кивнув, она подала мне правую руку. Молодец замполит - провел работу! Тоненькая, легкая как пушинка, партнерша быстро реагировала на мои трудные, нестандартные па.

- Вас как зовут?

- Валентина.

- А меня Григорий! Я буду танцевать с вами весь вечер!

- Если так, как сейчас, у меня ног не хватит...

- А вы меня поучите, я смышленый!

- Учить - моя профессия, - загадочно ответила партнерша и тут же остановилась. - Медведь!..

После танцев разговорились, и неожиданно для обоих выяснилось, что мы уже давно знакомы. Чего только не бывает на

войне!

- Имя у вас красивое, а фамилия? -спросил я в тот вечер Валентину.

- И фамилия не из худших - Чистова я.

"Чистова Валентина? Такое совпадение?.." - подумал я, а вслух сказал:

- Не скажете ли вы, что еще и из Запорожья, да еще и секретарь райкома комсомола?

- Откуда вам известно обо мне? Я действительно прибыла из Запорожья, где работала секретарем райкома комсомола.

- Вы писали письма на фронт?

- Да, подписывалась от имени комсомольцев.

- А я - Дольников. И тоже от имени комсомольцев отвечал вам!

- Вы Дольников? Ну, нарочно не придумаешь...

Наши встречи стали почти ежедневными. Валентина постепенно входила в круг нашей летной жизни. Всей душой она полюбила нравы и обычаи летчиков, наше веселье, шутки. Как свое, принимала и горе при потере боевых друзей.

Когда отгремели залпы победы, мы справили свадьбу. С тех пор и идем с Валентиной Михайловной рука об руку по нелегким дорогам армейской жизни. Вырастили и воспитали двух дочерей, которые подарили нам по внучке и внуку.

Хотелось бы больше рассказать о судьбах наших славных девчат: в каждой атаке, в каждом припомнившемся боевом вылете они незримо оставались с нами, наши боевые подруги.

* * *

Ранним февральским утром Иван Бабак получил приказ прибыть на беседу к комдиву Александру Ивановичу Покрышкину. Летчиков Александр Иванович редко вызывал к себе, за исключением командиров полков. Зато сам часто бывал в подчиненных частях и знал каждого пилота не только в лицо, но и как воздушного бойца, потому что летал на боевые задания с группами из каждого полка.

Эту новость мы, конечно, горячо обсуждали. Мнения высказывались самые разные.

- Что-то не то... - задумчиво сказал Петр Гучек.

- Чего ж тут не то - все то! Заберут нашего Ильича! - уверенно произнес Василий Сапьян.

- Ну и провидцы. Да с орденом вернется Иван Ильич, а может, и со второй звездой, - не менее уверенно возразил комэск Пшеничников.

- Бесполезно судачить! К вечеру узнаем, - спокойно заключил Дмитрий Глинка, и разговор собравшихся на завтрак летчиков

умолк.

В дивизии Иван несколько задержался, это еще более разожгло наше любопытство, опять посыпались догадки. И все-таки уже до возвращения Бабака по никому не известным каналам быстро распространился слух о его переводе. Прав оказался Сапьян. Действительно, уходил от нас гвардии старший лейтенант Бабак. Он получил назначение на должность командира 16-го гвардейского истребительного авиаполка нашей дивизии с одновременным присвоением ему звания капитан.

Все пилоты восприняли новое сообщение с нескрываемой гордостью, как большую личную радость. Это же наш Ильич, еще два года назад не обстрелянный сержант Бабак, стал во главе одного из лучших гвардейских полков! По мирному времени такое событие, конечно, небывалая редкость. Срок для столь стремительного служебного роста крайне небольшой. Но два суровых года войны, когда за плечами летчика более 300 боевых вылетов да 37 уничтоженных лично в воздушных схватках фашистских самолетов, - это уже качественно другое измерение. Боевые свойства Бабака не ограничивались смелостью и умением наверняка разить врага: он быстрее других сформировался и как организатор боя, и как отличный воспитатель - ведь по профессии Иван был учителем. Поэтому-то назначение столь молодого по возрасту летчика на высокий пост не только в нашем, но и в 16-м авиаполку все восприняли с уверенностью, что командир подобран вполне достойный, способный возглавить гвардейскую часть.

Только для Ивана это назначение оказалось совсем неожиданным. Когда он вернулся от комдива, мы заметили, что Бабак невесел, даже как-то смущен. И он откровенно поделился с боевыми друзьями серьезными сомнениями - сможет ли стать полноценным командиром полка?..

Перед уходом на новую должность Иван Ильич Бабак подошел ко мне и проникновенно сказал:

- Ну, Грицко, воевать до полной победы будем вместе, а вот самолет мой командование полка приказало передать тебе. Я рад этому. Знаю, что отдаю его в надежные руки.

Меня это сильно взволновало, и я ответил:

- Иван Ильич, действительно большая радость и великая честь летать на твоем истребителе. Но в полку, конечно, есть пилоты не менее достойные.

- Ты продолжишь боевой счет!

- Благодарю. Даю слово коммуниста: доверие оправдаю...

Самолет, о котором идет речь, был необычным. Его подарили нам школьники Мариуполя, которые в тяжелые годы войны

собрали сбережения и обратились с просьбой лично к Сталину - вручить боевой истребитель лучшему летчику фронта. Решением командования этот самолет был вручен Ивану Бабаку. В составе делегации вместе с Николаем Лавицким и начальником политотдела нашей 9-й Мариупольской истребительной авиадивизии полковником Мачневым Иван ездил в освобожденный Мариуполь, где и состоялась торжественная передача боевой машины. Много интересного рассказали тогда Бабак и Лавицкий о незабываемых торжествах, встречах с рабочими, которые днем и ночью восстанавливали разрушенные врагом заводы и фабрики освобожденного города.

У самолета с надписью: "От школьников Мариуполя" - оказалась счастливая судьба - на нем мы с Иваном сбили 20 фашистских стервятников.

Но не только самолет получил я в наследство от Бабака: сразу после его ухода на повышение меня назначили на должность помощника командира полка по воздушно-стрелковой службе. Такую должность в истребительных авиаполках обычно занимали лучшие воздушные бойцы, тактически грамотные, разившие врага с первой атаки.

Передо мной встал вопрос: справлюсь ли?

Как всегда, лучшим другом и советчиком во всех моих делах и думах был Петя Гучек. Он расценил мое назначение как вполне закономерное:

- А что ты волнуешься? Вон Сашка Румм в сто четвертом или Андрей Труд в шестнадцатом - тоже вчерашние сержанты, а раньше тебя на стрелковой службе!

- Так ведь они почти на год раньше воевать-то стали. А это, сам знаешь, как много... - пытался возразить я.

- Зато ты горя хлебнул посолонее. Да и сбитых у тебя не меньше! горячился Гучек.

- А ты-то как, Петро? У тебя ведь сбитых больше, а вверх я пошел? - не унимался я.

- Ну если руки не станешь подавать или в отдельный домик жить переберешься - будет тяжеловато. Но переживем! - шуткой попытался отговориться Петр, когда зашла речь о нем.

Я знал, Гучек прав. Он всегда говорил то, что думал. Он был верным и честным товарищем...

В конце марта 1945 года мы перебазировались на новый аэродром Аслау, расположенный ближе к Берлину. Летное поле здесь было грунтовым, уже по-весеннему раскисло, но к утру подмораживало, и первую половину дня мы летали без особых осложнений. Зато после полудня на взлете и посадке самолет так обдавало грязью, что нашим техникам работы прибавлялось

вдвойне. А совсем плохо было в воздухе, когда на взлете весенней жижей забивало фонарь кабины. Тогда полет проходил как в облаках - приходилось выбирать чистое место и приспосабливаться осматривать горизонт именно сквозь него.

В этот период и появилась идея использовать как аэродромную площадку прекрасную автостраду, идущую на Берлин. Но прежде чем пришла мысль летать с автострады, мы пытались приспособить для этой же цели проходившую рядом с аэродромом узенькую шоссейную дорогу. Работали несколько дней, расширяя ее за счет тротуарных плит, кирпича разрушенных зданий, но, как оказалось, впустую. Аэродрома для надежного взлета и посадки не получилось. Даже вырулить на него было очень сложно.

Вот тогда-то и зародился у нашего комдива А. И. Покрышкина интересный замысел - приспособить для полетов автостраду. Александр Иванович первый со своим ведомым произвел посадку на хорошо выбранный и подготовленный аэродромной командой участок автострады. В тот же день на этот "аэродром" перебазировались два полка нашей дивизии, откуда и начали вести успешные боевые действия по поддержанию наступающих войск фронта.

Наш полк продолжал летать с грунтового аэродрома. Правда, мне однажды пришлось приземлиться и на автостраду. Надо сказать, летать с нее было гораздо приятнее, чем с раскисшего летного поля.

Боевые задания в этот период состояли главным образом из полетов на разведку, прикрытия автострады, барражирования над своими войсками. Немцы в воздухе если и встречались, то от боя, как правило, уходили.

В один из тех дней пара лейтенанта Синюты облетывала мотор после его замены на самолете. Для прикрытия ее в воздух поднялась пара майора Петрова. В это время в районе, где находилась наша четверка, появилась необычная неопознанная цель, на которую и указала майору Петрову станция наведения.

Когда Михаил Петров увидел цель, он не поверил собственным глазам. Да и не мог летчик разобраться сразу, что же это такое. Летели вместе два сцепленных самолета: один, тот, что снизу, - бомбардировщик Ю-88, другой, сверху, истребитель ФВ-190. Об увиденном Петров доложил по радио: "Что делать? Сбивать? Но с какой дистанции? Какие меры предосторожности?" Советов было много - самых разных и противоречивых. Тогда майор Петров, опытный пилот, зашел на эту диковинную цель и несколькими точными очередями с дистанции 300-400 метров уничтожил ее.

Долго потом думали, как доносить о результатах воздушного боя. Сколько же сбитых? Ведь на землю упало два самолета. И только после доклада с места их падения все сомнения отпали.

Этой "новинкой" гитлеровцы пытались если не спасти трагичное положение, то хотя бы оттянуть свой бесславный конец. Самолет Ю-88, начиненный взрывчатым веществом большой силы, управлялся летчиком, находившимся в кабине истребителя. На определенном расстоянии до цели истребитель отделялся от Ю-88, и самолет-бомба падал в расчетном месте.

Таких попыток ошеломить наши стремительно наступающие войска было несколько, но все они оказались безуспешными.

А 16 марта мы получили печальную весть: не вернулся с боевого задания Иван Ильич Бабак. Совсем недолго пришлось командовать ему полком, но и за то короткое время всем стало ясно, что в новом командире не ошиблись. Иван Ильич быстро завоевал авторитет у своих подчиненных - в него верили, без страха и сомнений за ним шли в бой.

...В тот злополучный день полку было поставлено сложное задание на разведку особо важной цели. Иван Ильич решил его выполнить сам. Ведомым к себе он взял молодого, совсем недавно прибывшего в полк летчика - младшего лейтенанта Козлова. И вот, когда боевая задача практически была уже решена и пара обратным курсом возвращалась на свой аэродром, недалеко от линии фронта Бабак увидел вражеский железнодорожный эшелон с войсками и техникой. Ну разве можно пройти мимо?..

- Козлов, видишь внизу эшелон с фрицами и боевой техникой? - спросил Иван Ильич.

- Вижу! - отозвался ведомый.

- Поработаем. В воздухе спокойно.

И надо же случиться такому: в последнем заходе при выводе из атаки, когда от метких очередей Бабака и Козлова один за другим загорались вагоны, выпущенная откуда-то зенитная очередь прошила самолет Бабака - он загорелся.

- Горишь, Бабак! Как же я домой попаду? - растерялся молодой летчик.

Иван Ильич передал ведомому, каким курсом лететь на аэродром, а сам, обжигаемый пламенем, тянул и тянул к линии фронта. Самолет стал неуправляемым. "Успею выпрыгнуть!.." - пронеслось в голове у командира полка, но до линии фронта он не дотянул. Произошло самое страшное, чего Иван Ильич боялся всегда больше самой смерти.

Мы долго не верили, что Ивана Бабака нет. Для меня это была неизмеримая утрата. И все-таки Вася Ковальчук на фюзеляже нашего с Бабаком самолета написал: "За Ваню Бабака".

Я смотрел сквозь пелену слез на эти буквы и клялся жестоко отомстить фашистам за своего боевого друга...

Но Иван Ильич Бабак остался жив. Живет этот светлый человек и по сей день. А тогда, после прыжка из горящего самолета, его схватили немцы и бросили в концлагерь. Пытки, злостные издевательства над советским летчиком... Бабак не сдавался - объявлял голодовки. Товарищи по беде, как могли, лечили его, поддерживали, стараясь облегчить страдания. Нет, Ивана Бабака немцы не сломили даже тогда, когда приговорили к расстрелу. К счастью, приговор привести в исполнение враги не успели.

Сразу после войны, когда стало известно, что Бабак все еще в одном из концлагерей, Александр Иванович Покрышкин лично отыскал и привез командира полка. Трудно передать радость той встречи: пилоты крепко обнимались, тискали, не выпуская из дружеских рук, обгоревшего, изможденного Бабака. Выбрав свободную минуту, я попросил Ивана Ильича пойти со мной и привел к нашему самолету, где его уже ждал механик Иван Петров. Увидев на истребителе слова "За Ваню Бабака", Иван Ильич, до того с твердостью переживавший счастье возвращения в родной полк, не выдержал, и обнявшись, мы зарыдали.

Полковые фотографы запечатлели тогда всех нас. Теперь, встречаясь с Бабаком, мы долго и молча смотрим на пожелтевшие снимки нашей опаленной огнем молодости...

Апрель 1945 года по погодным условиям выдался благоприятным: много дней солнечных, мало - нелетных. Казалось бы, открывался простор для активных действий авиации. Но война и тут внесла свои коррективы. Над линией фронта мощной стеной стояла плотная пелена, образованная многочисленными пожарами и техническими дымами, а за передовой все это как-то разом обрывалось, и видимость становилась отличной.

После выполнения задания, возвращаясь на свой аэродром, мы должны были проходить через эту кромешную мглу, в которой летчики, даже летящие плотным строем, теряли ориентировку. Строй неминуемо рассыпался, и тогда в эфир летели, перебивая друг друга, просьбы к незримому "Дунаю", чтобы тот дал "море". "Дунай" - это был позывной фронтового радиопеленгатора. По запросу он устанавливал местонахождение самолета и давал курс и время полета до своих аэродромов. Пилоты всегда с благодарностью вспоминают умелых мастеров, работавших на радиопеленгаторах в сложных условиях боевой обстановки. Многим из нас они спасли жизнь.

Не забыть один почти анекдотичный случай. Мы

базировались на аэродроме Хермсдорф, расположенном совсем недалеко от Берлина. Вылетев восьмеркой на прикрытие войск и выполнив задание, возвращались на свой аэродром. Перед входом в "муру" (так мы окрестили ту густую прифронтовую дымку) я предупредил всех: "Принять боевой порядок "сомкнутый строй". Когда летчики подтянулись, мы смело нырнули в мглистую пелену и, видимо, попали в самую гущу завесы, потому что я сразу же потерял из виду идущее справа звено и видел лишь прижавшегося слева - крыло в крыло - ведомого Костю Щепочкина. Пришлось подать команду:

- Разомкнуться! На аэродром выходить самостоятельно!

Визуальная ориентировка была потеряна даже мной - ведущим группы, и тут все, чуть ли не в один голос, начали запрашивать:

- "Дунай", дай "море"!

Я молчал, не мешая запросам, терпеливо ожидая, когда эфир освободится. Время от времени посматривал на бензиномер, памятуя, что у ведомых расход бензина всегда выше. На радиопеленгаторе заволновались - это чувствовалось по голосу, который в шуме запросов уже не мог четко определить, кто где, и дать каждому конкретный курс. Я уже хотел было вмешаться и приготовился скомандовать, чтобы пилоты не перебивали друг друга - иначе толку не будет. Но вдруг радио разразилось крепкой, с тяжелым ругательством, тирадой, идущей, несомненно, из радиопеленгатора:

- Маленькие! Вашу мать... Выведу всех - запрашивайте не торопясь, по очереди. Я - "Дунай"!..

Это всех сразу ошеломило, и какое-то время никто не решался запросить первым, а затем в считанные минуты нашей группе был выдан курс, запросы прекратились, чего я и ожидал.

Но тут слышу, кто-то неуверенно спросил:

- "Кобра", ты кто?..

Я несказанно обрадовался, думая, что меня в этой кромешной дымке кто-то увидел с земли и сориентирует, поэтому лаконично ответил:

- Это - я, Борода. Сообщите, где нахожусь?

- Сам не знаю, где находимся. Это я - Щепочкин. Справа сзади!

- Где же ты был? - удивился я.

- Потерялся на время. А теперь увидел самолет, да не уверен, что это ты, Борода. Бензин вот на исходе...

- Держись, сейчас придем! - подбодрил я Щепочкина и запросил "Дунай".

Тот по предыдущему радиообмену уже установил наше

точное местонахождение и дал курс на аэродром. Через несколько минут мы благополучно произвели посадку, все остальные летчики группы приземлились раньше нас.

Конечно, этот случай подробно разобрали на земле, критически оценивая общую растерянность, мои действия как командира. Погоду мы знали и при хорошей подготовке обязаны были даже в сложных метеоусловиях выйти на аэродром без особой тревоги. Только благодаря помощи наземных средств полет тот для всех нас окончился благополучно. Летчики просили командование возбудить ходатайство о награждении наших радиоспасителей. Потом стало известно, что всех товарищей, обеспечивавших службу радиопеленгации, отметили высокими правительственными наградами.

И вот памятное для меня утро 18 апреля 1945 года. Мы встали, как обычно, и пошли на завтрак. С Петром Гучеком, как я уже говорил, мы были неразлучны. Он руководил нашим общим хозяйством: хранил в походной сумке нехитрые, но нужные солдатские принадлежности - мыло, подворотнички, иголки с нитками, бритвы и другие необходимые мелочи, которые у него всегда содержались в образцовом порядке. Я, как бесхозяйственный, доверием в таких делах не пользовался, о чем, правда, не очень-то и сокрушался - знал: все, что нужно, у Петра всегда есть.

В то утро я заметил некоторую суетливость и поспешность у Гучека, что с ним случалось весьма редко. По дороге в столовую обратил внимание, что Петр беспрестанно роется в своих карманах:

- Ты что ищешь?

- Кажется, "пятерку" забыл из комбинезона переложить, - ответил он с озабоченностью.

"Пятерка" - это талисман Гучека. Обыкновенная цифра 5 небольшого размера такие прибивают на дверях квартир. Когда и как эта пятерка попала к нему, даже я не знал, но хранил ее Петр бережно, всегда носил с собой - на земле и в воздухе. Говорят, что есть предчувствие у человека перед бедой. Не верю я в это до сих пор. Но вот тот день запомнился мне на всю жизнь.

- Так, может, не летать мне сегодня? - неожиданно спросил тогда Гучек.

- Ты что, плохо чувствуешь себя, не спал, что ли? - вопросом на вопрос ответил я.

До обеда ни он, ни я на задания не поднимались. Когда подошло обеденное время, я где-то замешкался и опоздал, хотя помнил, что наш вылет по графику к вечеру. Вдруг слышу: взлетают - пара, вторая, третья...

Прибежав на КП, узнал, что срочно, вне плана потребовали прикрыть войска и группу в составе десяти самолетов повел майор Калачев. Гучек полетел ведущим пары. Какое-то тягостное предчувствие невыразимо томило меня - никогда еще не ждал я возвращения группы с таким нетерпением.

Когда самолеты Калачева появились над аэродромом и пошли на посадку, я быстро пересчитал их - одной машины недоставало. После приземления стало ясно: потеряли Гучека...

В сознании у меня это никак не укладывалось, казалось, что говорят о гибели кого-то другого, но не Петра. За годы войны Гучек ни разу не был ни сбит, ни ранен, и только однажды какая-то шальная пуля, прошив фюзеляж и кабину самолета, задела каблук кирзового сапога летчика. Мы тогда долго шутили:

- Фрицы подковать на ходу захотели!..

И вот, когда мы уже в небе Берлина, когда мы в воздухе безраздельные хозяева, когда война вот-вот закончится, гибель бесстрашного истребителя, друга... Поверить в такое я никак не мог.

...Это был 242-й боевой вылет Петра. 21 фашистский самолет превратился в груду металла от его разящих атак. Почерк Петра в бою узнавали все. У него учились, к нему прислушивались не только молодые летчики.

Раньше мне казалось, что старая поговорка "пока человек не умер, не узнать, каким он был" неверна. Считал, наоборот, когда не станет человека, уже невозможно узнать, каким он был: каждый вспоминает о нем по-своему, у каждого в памяти отпечатался другой человек. К сожалению, потеря за потерей убеждали меня в оправданности старой поговорки. Даже у людей, которых знал близко, смерть открывала такие стороны жизни, о которых и не подозревал раньше. Так было с Петром Гучеком. Знал и не знал, смотрел и не видел...

На земле Гучек был крайне застенчив, до предела скромен. Когда его наградили вторым орденом Красного Знамени, а затем и орденом Отечественной войны, он искренне смущался - ведь у других орденов меньше...

О чем бы мы с Петром ни говорили, помню, любой разговор неизменно заканчивали тем, кто увидит победу, вернется на родину, встретит родных, близких... Суровость военных будней не убила в нас любви к земному, молодой увлеченности, мечтательности, чистоты, самозабвения. Совсем незадолго до своего последнего вылета Петр влюбился в девушку - робко и незаметно для других. Это была официантка Зина, юная белокурая красавица, - они были чем-то даже похожи друг на друга. Но молодые люди так и не успели признаться друг другу в

своем первом чувстве.

Любовь и война... Самое светлое, самое нежное человеческое чувство и самое жестокое, что могут делать люди. Можно ли совместить два эти понятия? Может ли, способен ли человек, взявший в руки оружие, видевший ежедневно вокруг смерть, кровь и страдания, сохранить в себе во всей нерастраченности высокое чувство любви?

Может. В дни тяжких испытаний и лишений, когда, кажется, забывали о своей принадлежности к роду человеческому, любовь помогала нам превозмочь боль и страдания, наполняла все существо жаждой жизни. Именно благодаря любви люди не ожесточались, не черствели. Любовь помогала всегда и всюду оставаться людьми.

Таким и был до конца своих дней Петр Гучек. Он умел дружить, ценя дружбу, был верен ей. Более преданного и верного товарища найти, мне кажется, невозможно. Когда человек уходит из жизни, обычно коришь себя за то, что мало общался с ним, недоговорил, недослушал. Так-то оно так, но в том-то, наверное, и чувство утраты, и любовь, что всегда было этого человека недостаточно и ныне недостает...

Через час после гибели Петра, еще не веря в эту трагическую весть, мы вылетели на прикрытие войск в тот район, где погиб Гучек, в окрестности Шпремберга. Командовал группой Дмитрий Глинка, ведомым он взял Николая Белоконя, во второй паре шли Антоньев и Жарин. Я с Симковским составили группу прикрытия.

Мне страстно хотелось найти место, где упал самолет друга, поэтому в полете я больше смотрел на землю. Вдруг раздалась, как всегда, резкая и четкая команда Дмитрия Глинки:

- Впереди "фоккеры"! Приготовиться к атаке. Борода, свяжи "худых"!..

Сначала я увидел четверку "мессеров", а затем большую группу - не менее десятка - "фоккеров", которые заходили на штурмовку наших войск. Дмитрий в присущей только ему манере - всей четверкой, открыто, решительно, без маскировки - пошел в атаку. "Фоккеры" дрогнули и, не приняв боя, развернулись на запад, не досчитавшись одного самолета, сбитого Глинкой.

Четверка "мессеров" пыталась было помочь своим, но атака нашей пары преградила им путь. Через несколько минут один "мессер", объятый пламенем, пошел вниз.

Мы дрались молча, жестко сжав челюсти, до смерти ненавидя врага. И наши смертельные трассы были местью за Петра Гучека...

После посадки я попросил Василия Ковальчука написать на моем самолете: "За Петю Гучека". Некоторые тогда говорили, что не нужно делать такие надписи: это, мол, будет демаскировать в

воздухе, и фашистские асы станут особенно преследовать самолет с подобным девизом. Но я считал, что врагов нечего бояться, внушать страх должны мы, а не они.

Когда Ковальчук писал на фюзеляже: "За Петю Гучека", я верил и надеялся, что мой боевой друг жив, что он вернется. По решению комдива Покрышкина над местом гибели Гучека уже несколько раз летали группы истребителей - от пары до звена, пытаясь с воздуха найти хотя бы следы падения машины. И только на пятый день, когда район Шпремберга был занят нашими войсками, удалось отыскать и следы катастрофы, и могилу Гучека. Немцы в спешке зарыли его в землю неглубоко - тут же, рядом с местом падения.

Останки летчика мы перевезли на аэродром, где состоялся траурный митинг. Полк прощался с мужественным воином, верным сыном Родины. Вздрагивали плечи рыдавших женщин, не стесняясь, плакали боевые пилоты...

Но вот отгремели пушечные салюты в воздухе, оружейные залпы на земле. Бережно подняв гроб с телом Петра, однополчане медленно пронесли его мимо склоненного гвардейского знамени и погрузили в транспортный самолет. Сделав прощальный круг над аэродромом, он взял курс на Ченстохову. В этом польском городке и похоронили Гучека, летчика-истребителя теперь уже и Ченстоховского авиаполка.

Мой друг прожил всего 21 год. Вскоре после смерти ему было присвоено звание Героя Советскою Союза. И в глубокой безграничной горечи утраты Петра я чувствовал и радость: он прожил славную жизнь...

На второй день после гибели Гучека мы услышали радостное известие: дальнобойная артиллерия открыла огонь по Берлину.

А еще с того времени запомнилось партийное собрание полка, которое состоялось накануне Берлинской операции. Оживленное, чуточку торжественное, оно проходило прямо у самолетов на аэродроме. С докладом тогда выступил дважды Герой Советского Союза Дмитрий Глинка. Меня избрали в президиум, и я, как молодой коммунист, очень гордился этим. Собрание отличалось от других тем, что на нем было необычайно много желавших выступить. Летчики, техники, мотористы горели желанием хотя бы в нескольких словах выразить перед лицом боевых друзей-однополчан свою несокрушимую готовность отдать все силы, а если потребуется, то и жизнь в последнем ударе по врагу.

Молодых коммунистов-летчиков, бывших комсомольцев первых лет войны, пригласили и на комсомольское собрание. Комсорг полка Алексей Игольников, энергичный, вездесущий,

хорошо знал способности каждого комсомольца - не случайно все его поручения выполнялись всегда добросовестно и вовремя. Он просто, но зажигательно выступил с коротким докладом. Участвовавшие в прения" молодые летчики - комсорг эскадрильи Алексей Салынин и Юрий Косменков, механики Хрипунов и Занора, оружейник Алиман Дадаш и моторист Ольга Юрочкина взволнованно и эмоционально говорили о готовности к предстоящим боям.

Конечно же, все мы ждали выступления присутствовавшей на собрании Ирины Дрягиной, комсомольского вожака авиационной дивизии. Несмотря на молодость - а ей исполнилось тогда только 22 года, - она пользовалась среди авиаторов авторитетом и безграничной любовью. "Комсомольской богиней" называли Ирину все - от нашего легендарного комдива до рядового летчика.

В дивизию к нам Ирина прибыла летом 1943 года из 46-го гвардейского женского авиаполка ночных бомбардировщиков, где в качестве заместителя командира эскадрильи по политчасти летала на боевые задания вместе с прославленными летчицами Екатериной Рябовой, Надеждой Поповой, Мариной Чечневой, Галиной Докутович и многими другими. Она совершила более 100 боевых вылетов и появилась у нас уже с орденом Красного Знамени. Красивая, смелая, обаятельная, Ирина легко и быстро нашла общий язык с летным и техническим составом. Ее часто видели среди пилотов, обсуждавших только что проведенный воздушный бой. Неустанно обходила она и стоянки самолетов, сообщая техникам, механикам, мотористам последние новости о наших победах, рассказывала о лучших специалистах всех авиационных служб.

Особенно любила молодежь слушать сообщения Ирины об очередных установлениях связей фронтовиков с родными и близкими. Она была неустанным инициатором и организатором многих больших и малых дел комсомола. Боевые листки-молнии и полевые цветы, преподнесенные девушками-оружейницами отличившимся в боях летчикам, поздравления с днем рождения, вышитый платочек и белоснежный подворотничок на гимнастерке - эти кажущиеся мелочи, неназойливая забота, трогательное и искреннее внимание помогали нам и в дни суровых боевых будней и в короткие часы отдыха. Вообще в тесном фронтовом кругу всегда находила проявление нежность, которой было богато сердце девчат.

На том комсомольском собрании Ирина Дрягина говорила с большим вдохновением о грядущей победе, рассказала о подготовке комсомольцев к наступательной операции на Берлин в

братских 16-м и 104-м авиаполках.

- С врагом надо драться так, как лучшие летчики-комсомольцы дивизии Николай Климов, Слава Березкин, Петр Гучек! - призывно закончила она свое выступление и уже после собрания по нашей просьбе рассказала о героической гибели пилота 16-го истребительного авиаполка Николая Климова.

...В четверке истребителей Николай Климов вылетел на прикрытие наземных войск. Мощным огнем летчики обратили в бегство восьмерку "фоккеров". Николай при этом сбил одного гитлеровца и стал преследовать другого. Атаки его были уверенными, смелыми, но немец ловко увертывался, пытаясь уйти. Вдруг Климов пошел в лобовую атаку - значит, у него уже не было боеприпасов. Два самолета на огромной скорости неслись один на другой, не сворачивая, и оба упали около речки по разным ее берегам...

Я хорошо знал Николая - мы вместе пришли на фронт, только попали в разные части. Тяжело было слушать рассказ Ирины о его последнем бое, и в тот вечор еще долго шел разговор о подвиге летчика, о таране - оружии храбрых. Так наша "комсомольская богиня" зажигала сердца воздушных бойцов.

Забегая вперед, скажу, что после войны Ирина Викторовна Дрягина окончила сельскохозяйственную академию, много и упорно работала, стала доктором сельскохозяйственных наук. Она выращивает сейчас новые сорта цветов - самая мирная профессия на земле. Когда же после длительных опытов и исследований появляются удивительной красоты гладиолусы, ирисы, в их названиях звучат имена тех, кто бесстрашно боролся за победу, на не дожил до нее: "Евгения Руднева", "Галина Докутович", "Марина Раскова", "Герои Мариуполя"...I

Однако все это будет потом, спустя годы. А тогда, ранним утром 16 апреля 1945 года, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки наши войска перешли в наступление. Темп его был необычайно стремительный: уже 22 апреля мы перебазировались на аэродром Нейхаузен, всего в нескольких десятках минут полета до Берлина. Отсюда мы прикрывали наземные войска, переправы на Эльбе.

Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Остервенело дрались лучшие, преданные фюреру асы. К каждому боевому вылету приходилось готовиться тщательно и всесторонне, учитывая обстановку в предыдущем полете.

...Группа Дмитрия Глинки сменила группу Михаила Петрова, далее - группа Василия Сапьяна, Алексея Труфанова, Василия Пшеничникова, Сергея Сахарова. Я со своими летчиками вышел на смену Сахарову. До Эльбы еще далеко, но мы уже связались по

радио:

- "Сокол-22", я - Борода. Как обстановка?

- Борода, пока спокойно. Слышал, где-то южнее соседи подрались с "фоккерами".

- Проси "33", я на подходе!

Такими короткими фразами мы обменивались при смене групп в воздухе. Эта информация помогала бойцам настроиться на успешное выполнение задания.

В последние апрельские дни Дмитрий Борисович Глинка довел свой боевой счет до круглой суммы - 50 сбитых!

Пятьдесят фашистских самолетов уничтожил один советский летчик, простой украинский парень из шахтерской семьи. Пополнили число лично сбитых вражеских самолетов и другие мои однополчане - Сахаров, Патрушев, Сапьян, Синюта, Труфанов, Чулаев, Кондратьев, Щепочкин.

В воздухе в основном уже только самолеты с красными звездами. Внизу прославленные "илы" - они штурмовали укрепленные позиции фашистов. Стабильно и метко наносили бомбовые удары по наиболее укрепленным объектам бомбардировщики Петлякова. Истребители плотно прикрывали своих летных собратьев от противника. В одном из таких вылетов, помню, кто-то передал мне в эфир:

- Борода, впереди слева пара "худых"!

Всмотревшись внимательно, я увидел пару, но не "мессершмиттов", а "фоккеров".

- Щепочкин, прикрой! Атакую! - передал товарищу и энергично развернулся влево.

"Фоккеры" заметили мой маневр и с большой перегрузкой попытались уйти из-под удара. По почерку понял, что это не новички. Наконец мне удалось зайти одному из них в хвост. Вот он в прицеле! Дистанция сокращалась, палец уже на гашетке пулеметов и кнопке от пушки. Но что это?.. В направлении "фоккера", идущего выше меня, промелькнула трасса огня.

- Ты что одурел, Щепочкин! - возмутившись, крикнул по радио, думая, что это ведущий второй пары Костя Щепочкин не выдержал и застрочил.

- Я сзади и выше. Это какие-то "яки" работают, - спокойно ответил Щепочкин.

- Так ведь это же наши "фоккеры"! - тотчас передал кто-то с "яков", и я увидел, как пара краснозвездных истребителей медленно выплыла вперед сверху, преграждая мне путь к гитлеровцам.

- Ну бейте же поточнее, если вмешались! - с досадой бросил "якам" и тут же увидел вспышку пламени, густой шлейф дыма от

падающего "фоккера".

"Все же отобрал "як" моего фрица! Ну да ладно", - совсем успокоившись, подумал про себя, а сам продолжал внимательно вглядываться в пространство над зловещим, чужим Берлином...

Вот так изменилась обстановка к концу войны: последних фашистских асов еле поделили между собой. Но победа-то у нас была одна - общая.

4 мая 1945 года все летчики полка побывали в поверженном Берлине. Мы ехали по улицам, наспех расчищенным от развалин, подбитой техники. Пахло гарью и дымом. Главная аллея города Унтер ден Линден была разрушена. На уцелевших зданиях из каждого окна свисали белые флаги капитуляции. По многим улицам куда-то в направлении центра шли изможденные люди, несшие флажки своих стран. Они радостно приветствовали нас, а в их печальных, измученных глазах стояли слезы. Повсюду виднелись советские танки, орудия. Солдаты-победители пели "Катюшу"...

У рейхстага было многолюдно и шумно. Все устремились к этому серому, сильно поврежденному снарядами и автоматными очередями зданию - каждому хотелось оставить на рейхстаге автограф. Больше всего было надписей на колоннах: имена, фамилии - кто и откуда, из какой стороны России сюда пришел. Потом группами сфотографировались у колонн рейхстага, у Бранденбургских ворот. Вокруг, на улицах и площадях, звонко играли русские трехрядки, лихо отплясывали под них ярославские, воронежские, курские парни...

8 мая мы перелетели на новое место базирования - Гроссенхайн. Это был первоклассный аэродром с искусственной бетонкой, хорошими ангарами, складами, казармами для солдат и столовыми. Летчики разместились в благоустроенной гостинице, в отдельных комнатах на два-три человека, а руководящий состав - в одноместных номерах. Работники батальона аэродромного обслуживания постарались здесь, как нигде: мягкие матрацы, белоснежные простыни; шкафы, зеркала, цветы. Вечером в открытые окна потянуло ароматом только что расцветшей сирени, и в ту ночь мы долго не спали. А когда уснули, уже перед рассветом, послышался невероятный шум, крики, беспорядочная стрельба... Сначала мне показалось, что это все действительно во сне, но стрельба становилась отчетливее: нарастали слабые пистолетные выстрелы, становились громче винтовочные, потом автоматные и даже пулеметные и пушечные очереди.

Вскочив с белоснежной постели, я выхватил из-под подушки пистолет и спешно, едва одевшись, выбежал в коридор. Там уже

многие были на ногах и все что-то кричали. Понять, что же произошло, было невозможно. Мелькнула мысль может, на аэродром высадили десант? Но до сознания доходило другое долгожданное, кем-то медленно и торжественно произнесенное слово "По-бе-да!". От нараставшей стрельбы стало светлей. Вижу полураздетых Дмитрия Глинку, Петрова, Лукьянова, Козлова - все палят из пистолетов прямо в окно. Кто-то неизвестно откуда приволок ящик с патронами. Этот своеобразный салют продолжался минут пятнадцать - двадцать. Потом, словно очнувшись, мы бросились обнимать друг друга. Радостью сияли солдатские глаза, светились обветренные, тронутые весенним загаром лица боевых друзей.

- Гришка, Борода! Это же победа!..

- Победа, родные мои, победа!..

В бывшую немецкую гостиницу мы закатили бочку с вином. Все пили и говорили тосты, плясали, смеялись и плакали. Как-то разом все выплеснулось наружу: и радость сегодняшнего торжества, и минувшее горе.

Засыпали мы уже с восходом солнца, надеясь вдоволь насладиться сном первого мирного утра. Но выспаться нам тогда так и не удалось - мира еще не было...

Долго будил пилотов в то солнечное утро 9 мая 1945 года посыльный штаба полка. Видели ли победители сны - кто знает, а вот то, что спали мы крепко и безмятежно, - неоспоримый факт. Когда я очнулся и стал соображать, почему подняли, Петров, Сапьян, Труфанов были уже на ногах и о чем-то озабоченно совещались. Оказалось, нам предстоял боевой вылет на прикрытие Праги.

Несмотря на то, что фашистская Германия капитулировала, отдельные группировки гитлеровских войск еще сопротивлялись. На территории Чехословакии не приняла капитуляции группа армий "Центр", и в Праге, разрушая город, вел боевые действия сорокатысячный гарнизон гитлеровцев. Мужественные жители столицы Чехословакии, восстав против оккупантов, обратились за помощью к советскому командованию. Срочно повернула на юг танковая армия, поставил полкам задачу и наш комдив Александр Покрышкин: как можно скорее прикрыть Прагу с воздуха.

Первую группу повел Дмитрий Глинка. Ведомым у него был Белоконь, а я летел с Паршиным. Кроме прикрытия Праги нам предстояло разведать движение наших танковых колонн, действия противника в районе города.

По инженерно-штурманскому расчету до Праги мы могли долететь за весьма короткое время - в пределах двадцати минут.

И после взлета, заняв боевой порядок, наша группа пошла намеченным курсом. Казалось странным: только что объявили о безоговорочной капитуляции Германии - и вот мы летим на боевое задание. Да, это был лишь миг торжества, сознание на мирную жизнь, конечно же, еще не переключилось, поэтому без долгих переходов мы были готовы к бою.

На подходе к Рудным горам на высоте 2000-3000 метров появляется облачность - баллов 4-5 с небольшими разрывами. В окна облачных разрывов хорошо просматривается земля. По дороге на Прагу движутся наши танки.

Наконец под крылом Рудные горы. Облачность исчезла. Внизу извивается Влтава - хороший ориентир до Праги.

Привычно кручу в кабине головой - осматриваю пространство. Дмитрий держит связь с аэродромом, а при подлете к Праге - и с командным пунктом наведения. Получив информацию, в свою очередь он передает данные о наших войсках, движущихся по дорогам к столице Чехословакии с севера на юг.

И вот под нами Прага - огромный город, как бы разделенный на две части рекой Влтавой. В воздухе спокойно. На Пражском аэродроме вижу множество самолетов всех типов с фашистскими крестами, но ни один почему-то не взлетает. Не верилось, что враг сложил оружие, невольно захотелось спикировать да ударить по этим крестам и свастикам, но нельзя - приказано выполнять задание. Как потом оказалось, аэродром уже был захвачен нашими войсками.

На исходе дня в 20.00 на прикрытие Праги вылетела группа во главе с Михаилом Петровым. Ведомым у Миши шел Николай Кочкин, за ними - Григорий Синюта и Алексей Салынин, Борис Лихонос и Владимир Симковский. На смену им моя группа. У меня ведомым - Михаил Гулькин. Вячеслав Антоньев летел с Руденским, Григорий Патрушев с Анатолием Бяковым, Иван Кондратьев с Александром Жариным. Это был мой последний боевой вылет в Великой войне...

Посадку мы производили уже в сумерках, закончив полет в 21 час 33 минуты. Приземлились. И Прага, и последний боевой маршрут, и война эта - все оставалось позади. Высоко в небе строй за строем тянулись белые кучевые облака. Как хорошо в мире, боже ты мой, как просторно!.. Словно впервые я все так вот увидал. Впервые за долгие четыре года люди легли спать со словом "мир". Завтра должна была начаться новая жизнь, новая работа уже под мирным небом...

Назавтра после войны

Первые дни и недели мира были особенно непривычными.

Как и прежде, мы вставали спозаранку, хотя действовал уже другой распорядок дня.

Нужно сказать, практического опыта по организации жизни коллектива боевого полка в мирное время никто из нас не имел, включая и руководство полка, выросшее в годы войны из рядового летного состава. И вот при составлении расписания занятий всякий раз решалась проблема: кто, чему и как будет учить. Большинство пилотов имели слабую теоретическую подготовку - летные-то школы заканчивали в годы войны на старой авиационной технике. А тут еще психологические нюансы. Многие опытные воздушные бойцы, прошедшие суровую науку побеждать, считали, что все они уже постигли и учиться им не у кого и нечему. Среди инженерно-технического состава было несколько человек с высшим инженерным образованием: полковые инженеры Николай Рубан, Гурген Бдоян, Василий Ковальчук. Но и они за военные годы многое из своих теоретических знаний поутратили, в чем-то поотстали. И все-таки именно инженеры составили ту группу, которая была призвана нас учить.

Хорошо организованной учебе мешало еще одно обстоятельство неопределенность, неизвестность будущего. Война окончилась, и по всем дорогам, еще перегруженным, еще перенапряженным, шли и шли с запада эшелоны с войсками домой, на Родину. Советские люди возвращались к домашним очагам, к земле, к станкам, к сотням разных профессий от одной общей - воина. Приказ о демобилизации ждали и многие мои однополчане.

В те дни и состоялось открытое партийное собрание полка. На повестке дня был один вопрос: "Итоги боевой и политической работы в боевой операции и задачи партийной организации в связи с окончанием боевых действий". Докладывал майор В. Козлов, заместитель командира по политической части. Я, помню, был членом партийного бюро, временно даже исполнял обязанности секретаря. Позже в архивах 100-го гвардейского отыскал протокол собрания. Вот из его памятного решения:

"Фашистская Германия безоговорочно капитулировала... Перед партийной организацией полка в связи с окончанием военных действий стоят новые задачи..."

Покоя в послевоенном мире не было и не могло быть. Мы знали, как агрессивны и мощны противостоящие нам силы, при всем том, что наша страна приобрела в мире и много новых добрых друзей. Уже на исходе войны Черчилль приказал фельдмаршалу Монтгомери собрать и хранить немецкое вооружение. По приказу американского президента были

сброшены первые атомные бомбы на два японских города. Логика войны того не требовала. Это был удар по послевоенному миру. Вдали уже закипали метели "холодной войны". Нам угрожали.

И я принял решение остаться в боевом строю.

Забегая вперед, назову еще один памятный для меня документ - из тех, какие в архив не сдаются.

Вышло так, что он догнал меня в одной из ответственных служебных командировок - Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Из Указа:

"За личное мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, высокие результаты в боевой подготовке войск, освоении сложной боевой техники и в связи с 60-летием Советской Армии и Военно-Морского Флота присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда":

Генерал-лейтенанту авиации Дольникову Григорию Устиновичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. ГЕОРГАДЗЕ Москва, Кремль, 21 февраля 1978 г."

Но это еще все в грядущем, где-то далеко впереди...

Итак, учебная зона. Проверка техники пилотирования.

Основным проверяющим инструктором по технике пилотирования был майор Тимофей Иванович Калачев. Опытный училищный работник, прибывший в конце войны из Батайской авиашколы пилотов на стажировку в нашу дивизию, он так и остался у нас - сначала в должности инспектора по технике пилотирования, а затем заместителя командира полка.

Техника пилотирования у Тимофея Ивановича была отличная - ничего не скажешь. После того как я выполнил запланированный комплекс фигур сложного пилотажа, Калачев взял управление самолетом на себя и сказа; мне на полном серьезе:

- А теперь, Борода, посмотри, как надо бы выполнить твое задание.

- Не учить ли собрался? - удивленно спросил я Калачева.

- Рискну. Может, понравится, - без обиды ответил Тимофей Иванович и слитно, координированно, исключительно плавно и вместе с тем энергично выполнил полный комплекс фигур высшего пилотажа.

- Может, повторишь? - спросил, окончив работу.

- Нет. Пошли на посадку - бензина мало! - схитрил я, твердо зная, что повторить сделанное Калачевым не сумею.

После приземления Тимофей Иванович, не подчеркивая своего превосходства, высказался с полной откровенностью:

- Не обижайся, Борода. Хотя ты и равный мне по должности и много фашистских самолетов сбил, но пилотировать не умеешь. Выше удовлетворительной оценки поставить не могу - и то потому, что когда-то курсантом у меня был.

Я стоял, сгорая от стыда, самолюбие толкало надерзить майору, но сознание подсказало: "Ты же только что убедился: перед тобой действительно первоклассный летчик..." И я, поблагодарив его за науку, ушел с аэродрома.

Низкую оценку за технику пилотирования в зоне получил в этот день не один я. Большинство летчиков переживали замечания по этому поводу болезненно, не признавая ошибок, возражали:

- Подумаешь, велика мудрость - шарик в центре держать! Да если бы я в бою держал этот шарик в центре, "худые" сожрали бы с ходу! - возмущался Синюта.

- Выходит, что тот, кто воевал и вышел победителем, летать не умеет. А кто отсиживался в тылу, гонял этот шарик в центр, теперь учить нас станет! - не утерпел со своим резюме и Щепочкин.

Летчики довоенной школы, которых в полку остались единицы, - Дмитрий Глинка, Михаил Петров, Василий Шкатов, Алексей Труфанов, Дмитрий Шурубов были отличными бойцами и техникой пилотирования владели в совершенстве - как для боя, так и для показа. Глинка и Петров выступили с резкой критикой летчиков, которые, пытаясь прикрыться своими заслугами в бою, небрежно и непрофессионально отпилотировали в зоне.

- В бою и я не стараюсь держать стрелки по нулям, скорее, наоборот, умышленно некоординированными действиями рулей, работой сектором газа создаешь такое положение, чтобы не позволить противнику вести прицельный огонь, пояснил Дмитрий.

Петров подтвердил:

- Но чтобы так пилотировать в бою, надо уметь грамотно пилотировать и чисто...

Я долго не решался принять чью-либо сторону, хотя в душе уже понял, кто прав. И вот наболевшее выплеснулось словно само собой - я высказал все, что пытался скрыть даже от себя, признав необходимость восстановления утраченных навыков в технике пилотирования.

Надо сказать, на протяжении многих лет после войны, а

порой и в настоящее время нет-нет да и возникнут сомнения: а нужен ли летчику-истребителю высший пилотаж? Ведь в боях все эти петли, полупетли и бочки не применялись. А сейчас, когда маневренный бой утрачивает свое былое значение - мощное ракетное оружие позволяет уничтожать противника, не видя его, - кажется, тем более вопрос этот отпадает.

И все-таки нельзя выиграть воздушный бой, не овладев в совершенстве техникой пилотирования, в том числе сложным и высшим пилотажем. В чистом виде петлю Нестерова, двойные бочки, поворот на горке и другие пилотажные фигуры в воздушных боях летчики-истребители действительно не применяли, но выполняли такие маневры, которые в общем виде были слагаемыми этих фигур. И те, кто в совершенстве владел высшим пилотажем, в схватках с сильным противником неоднократно выходили победителями.

Более ста боевых вылетов довелось мне выполнить в качестве ведомого у известных мастеров воздушного боя. Братья Глинка, Шурубов, Лавицкий, Петров, Микитянский. .. Я видел десятки фашистских самолетов, сбитых этими асами из различных положений: на горке и с полупереворота, на глубоком вираже и из перевернутого полета. Бывало, что сразу после боя кое-кто из них не всегда мог четко доложить, в каком положении находился управляемый им самолет в момент открытия огня. Эти летчики не боялись, что сорвутся в штопор или потеряют пространственную ориентировку - они были настоящими виртуозами, мастерами высшего пилотажа. А как обидны и неоправданны летные происшествия в войну, да и в мирное время, из-за слабой техники пилотирования, когда допускаются грубые ошибки и пилот, не умея их исправить, в лучшем случае покидает вполне надежный исправный самолет.

Уже как командиру одного авиационного соединения мне пришлось однажды расследовать, казалось бы, несложное летное происшествие: пилотируя в зоне, из-за отказа управления самолетом катапультировался опытный летчик. Долго и тщательно искали авторитетные специалисты неполадку в управлении, но не находили ее. Я нажал на комиссию, настаивая, чтобы непременно нашли причину, так как сомнений в летчике ни у кого не было, следовательно, все дело в технике. Но это летное происшествие тогда так и осталось в разряде неустановленных причин.

Пилот, правда, больше не летал: списался и ушел в запас. А спустя несколько лет я случайно встретился с ним, разговорились.

- Как живете, где работаете, не скучаете ли по авиации? -

спросил я, как обычно, при встрече летчиков-сослуживцев.

- Живу хорошо, работаю в авиации, только в гражданской. А полеты снятся, особенно последний...

- Это типично для нашего брата, - отвечал я, так как знал: летчики еще долго мысленно летают после ухода с летной работы, особенно во сне.

- Для меня эти годы были невыразимо трудными. Я ведь очень любил авиацию, но настоящим летчиком-истребителем так и не стал.

- Ну что вы на себя наговариваете?! - удивился я.

- Да-да, Григорий Устинович, мой уважаемый командир. Я и себе в этом не признавался, а вам обязан сказать всю правду. Ведь вам еще долго работать с летным составом, может, пригодится мое признание. Только не удивляйтесь и верьте всему, что расскажу.

И он поведал мне о своей жизни в авиации, не таясь ни в чем, скорее наоборот, выложил все, что хранил в себе, так долго мучаясь страхом и совестью:

- Как и все мальчишки, в свое время я загорелся авиацией. Тут война. Отца не стало в сорок первом, матери - через год. Вдвоем с меньшей сестрой скитались но людям, пока не попали в детдом. Но об авиации я не забыл: в двадцать лет стал летчиком-истребителем. Летал хорошо, по службе неплохо продвигался. И вот раз, уже будучи опытным командиром звена, летчиком первого класса, при пилотировании в зоне в верхней точке петли перетянул ручку и сорвался в штопор. Высота была небольшая, из штопора выводил поспешно. Нервы не выдержали - и катапультировался. Доложил, что отказало управление самолетом. Причины отказа конечно же не нашли. При катапультировании я повредил ноги. Долго лечился, но признали годным для летной работы. Начал снова летать. И вот в первой же самостоятельной зоне выполнил виражи, полупереворот, потянул на петлю, но... Словно какая-то сила не давала мне переломить самолет, положить его на спину. Несколько раз пытался сделать петлю, но так и не смог. Надломился я, а вернее, струсил однажды и с тех пор самостоятельно сложный пилотаж в зоне не выполнял.

- Как же так? - невольно вырвалось у меня. - Ведь вы же были первоклассным летчиком!

- Да, я всегда был в числе лучших, показывал хорошие результаты.

- Но ведь должны были еще и учить молодых летчиков!

- Молодых учить не пришлось, а с опытными летал, хотя сам пилотировать боялся. Уходил подальше от зоны и выполнял

виражи, развороты, горки, спираль и все. А когда на самолетах стали устанавливать контролирующий прибор, то ухитрялся не включать его, а иногда, если и включал, пленку дешифровал сам, сам же ставил себе оценку.

- И вас это не мучило?

- Еще как! - с горечью воскликнул бывший пилот. - Стыдно было признаваться даже самому себе, но психологически сделать с собой ничего не мог. Всякий раз перед полетом на пилотаж тщательно обдумывал все до деталей с твердой верой, что на этот раз обязательно выполню весь комплекс фигур сложного пилотажа, но, как только подходило время, откладывал до следующего раза. И так многие годы. В тот свой последний вылет я решился наконец, допустил грубую ошибку, запутался, растерялся и катапультировался...

- Почему же вы тогда не признались в своей ошибке? Вы же заставили всю комиссию долгое время искать то, чего не было, - уже с возмущением и досадой сказал я.

- Меня останавливал страх наказания, но больше все-таки стыд перед товарищами, перед семьей, перед самим собой...

Такая вот история. Ох, как дорого обходится подобного рода нечестность, самолюбивая трусость! В лучшем случае - потеря дорогостоящего самолета, а чаще - бесславная гибель такого рода пилотов.

Летчик, который отлично овладел техникой пилотирования и сможет выжать из самолета все, чем тот располагает, будет диктовать свою волю врагу. Тогда, в сорок пятом, после некоторых капризов летный состав полка принялся усердно тренироваться в зоне, и вскоре мы летали почти так же чисто, как Борис Глинка и Тимофей Калачев.

Сложнее было с теми пилотами, которые прибыли к нам в полк на пополнение из штурмовой авиации. Многие из них уже после первых полетов в зону навсегда отказались продолжать службу в истребительной авиации. Тому было много причин: и возраст переучивающихся, и психологический фактор. Те же из летчиков-штурмовиков, кто неустанно и каждодневно тренировался на земле и в воздухе, добились хороших результатов и незаметно перестали отличаться от "чистых" истребителей.

Мы же летали не только на отработку техники пилотирования, чему я уделял много внимания как основе летного мастерства, но и тренировались в стрельбе по наземным, воздушным целям, в точности самолетовождения, вели воздушные бои. Постепенно поднимался уровень и наземной подготовки, стала налаживаться учебно-методическая база,

классы, тренажеры, полигоны.

Но как бы хорошо ни обстояло дело с учебой летного состава в подразделениях и частях, все более отчетливо давала о себе знать недостаточная общеобразовательная, особенно военно-теоретическая, подготовка руководящего состава. Тем, кто решил остаться в кадрах, предстояло учиться - это стало очевидным и безотлагательным.

Первым из дивизии уехал на учебу наш комдив Александр Иванович Покрышкин. Умный, топкий, чистый человек Александр Иванович. Я считаю всем нам чертовски повезло, что он командовал нашей дивизией.

Сын каменщика, в девятнадцать лет слесарь-инструментальщик одного из новосибирских заводов, в 1932 году по путевке комсомола он поступает в Пермскую авиационную школу авиатехников. Несколько лет работает техником самолета, техником авиационного звена.

Однако Александр мечтал летать и добился своего - в 1938 году командование направило Покрышкина в Качинскую военную авиационную школу. Окончив школу, нес боевую службу на самой границе, у берегов Прута. Здесь Александра и застала Великая Отечественная война.

Бесстрашно воевал летчик Покрышкин. Многие гитлеровские асы хорошо знали его имя. Не случайно, едва только появлялся краснозвездный истребитель Александра Ивановича, на весь эфир летело предостерегающее: "В небе Покрышкин!.."

С каждым боем росла слава отважного летчика-истребителя. Но особенно отличился Александр Иванович в период воздушных сражений на Кубани в 1943 году. Здесь стала известной формула победы в воздушном бою: "Высота - скорость - маневр - огонь!"

Заслуга Покрышкина в том, что он сумел объединить в единое целое эти элементы и практически применить их в бою. Высота и скорость давали жизнь третьему элементу покрышкинской формулы боя - маневру. Маневр же позволял летчику выбрать выгодное положение для атаки и меткого огня.

Творчески разработанная им и летчиками полка, эта формула применялась в Великую Отечественную войну и в других авиационных частях.

Понимая, что действиями одиночек ограничивать бой нельзя, Покрышкин разрабатывает новую тактику группового воздушного боя. Тогда-то и появился боевой порядок истребителей, эшелонированный по высоте, получивший название "этажерка".

Мастерски владея тактикой воздушного боя на вертикалях, Александр Иванович использовал и такой способ боевых действий, как свободная охота. Сотни гитлеровских

бомбардировщиков и истребителей уничтожили летчики-гвардейцы, ведомые Покрышкиным. Но профессиональной тайны из своих поисков и открытий Александр Иванович не делал. Все новые тактические приемы и маневры в воздушном бою быстро становились нашим общим достоянием.

В 16-м гвардейском истребительном авиаполку летчик Покрышкин вырос от рядового до командира этого полка. За успешное командование им, 354 боевых вылета, 54 воздушных боя, в которых Покрышкин сбил 19 самолетов противника, за мужество и героизм, проявленные при этом, ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вскоре Александр Иванович был награжден и второй Золотой Звездой Героя. За три месяца боевой работы он довел счет лично сбитых самолетов противника до 30, и у него уже было 455 боевых вылетов.

Тридцать летчиков, которыми командовал, которых воспитывал и обучал Покрышкин, стали Героями Советского Союза, трем это звание было присвоено дважды. А сам Александр Иванович, проведя 156 воздушных боев и сбив при этом 59 самолетов, первым в стране был удостоен третьей медали "Золотая Звезда".

Когда наш легендарный комдив уехал в военную академию, мы горевали так, словно теряли родного человека. Да он и в самом-то деле стал для нас родным...

Поступить в военно-воздушную академию предложили и братьям Глинка - те охотно согласились. Многие же летчики, в годы войны получившие огромный практический опыт боевой работы и занимавшие в полках руководящие должности, предложения об академическом образовании решительно отвергли, ошибочно считая, что их опыта на ближайшую перспективу вполне достаточно, а там - что будет. К этой группе пилотов принадлежал и я.

Учитывая свою невысокую общеобразовательную подготовку, да и военно-теоретическую тоже, я считал, что за четыре года, которые придется провести в академии, можно и в полку путем самообразования достичь уровня, вполне приемлемого для моего служебного положения, зато в летной подготовке недосягаемо далеко обойти "академиков". Когда же предложили поехать на двухмесячные командирские курсы, я с благодарностью согласился, считая это лучшим решением вопроса моей дальнейшей учебы.

И вот получено предписание, по которому мне разрешалось заехать на несколько дней в родные края - повидаться с матерью, прежде чем явиться на курсы. Я сердечно поблагодарил

командование, считая, что времени мне дано вполне достаточно, чтобы побывать на родине и вовремя прибыть на место учебы. Не мог я тогда предположить, даже зная о неизмеримости ущерба, нанесенного войной железнодорожному транспорту, что так долго и трудно придется мне добираться в свою Сахаровку.

В те первые послевоенные месяцы, даже годы перевозка по железной дороге столь нужных для жизни народа материальных ценностей и всего необходимого для восстановления разрушенного хозяйства страны была настолько напряженной, что для передвижения людей выделить было почти нечего. Но люди ехали во всех направлениях: фронтовики искали потерянные семьи, эвакуированные возвращались из восточных районов, уцелевшие в фашистских лагерях добирались до родных мест. Голодные, измученные, они рисковали всем, порой жизнью, устраиваясь на крышах вагонов и под вагонами, уцепившись и вися на подножках, мытарясь в тамбурах. На разрушенных железнодорожных станциях люди осаждали проходившие товарняки и редкие пассажирские поезда. Счастливчики с помятыми боками, потеряв скарб, все-таки уезжали, надеясь на счастье и удачу.

На станции Поныри я потерял двое суток: сначала наивно пытался уехать законным путем, предъявив командировочные и отпускные документы. Но вскоре, осознав, что сделать это практически невозможно, принялся действовать самостоятельно. Наконец на третьи сутки нескольким офицерам, командированным, подобно мне, удалось устроиться сначала на крыше вагона, а затем, очередной раз потеснив пассажиров, втиснуться в вагон.

С крыши вагона было особенно хорошо видно, как пострадала от войны наша страна. Казалось, вымерло все. Невольно вкрадывались сомнения: да удастся ли когда-нибудь это восстановить, достичь хотя бы довоенного уровня жизни?..

Поезд пришел в Оршу. Крупнейший железнодорожный узел на востоке Белоруссии прославился своими несгибаемыми защитниками. Как символ мужества, отваги и верности народу на железнодорожной станции Орша стоит сейчас памятник Константину Заслонову.

Отсюда до моей родной деревни Сахаровки менее пятидесяти километров сейчас это около часу езды на любом виде транспорта. А тогда...

Я добирался сутки - где попутной машиной, где товарняком, в основном пешком. Пока шел по направлению к Сахаровке от Горок, все больше и больше не узнавал местности - ведь пять лет, как не был здесь. Срок, кажется, небольшой, а как все

неузнаваемо изменилось! Многих ранее живописных деревень вовсе не существовало, большинство же было разрушено. Только обгорелые головешки да торчавшие, как на пустыре, трубы от печей напоминали, что тут стояли когда-то дома. Прошел Понкратовку, где учился в семилетке, - здесь большинство домов уцелело, но жизнь всюду будто замерла. Так до Сахаровки я и не встретил ни одной живой души.

Впереди должна бы уже показаться деревня Болбечено - тоже не нашел, только из одиноких землянок тянулись струйки бело-серого дыма. Дальше - Сахаровка. Но почему и ее не видно?..

Сердце билось учащенно. Недалеко от стежки, по которой шел, в небольшом кустарнике, прозванном в детстве "козлятником", увидел тощую коровенку. "Не та ли, о которой писала мне мать в первом письме?" - подумалось вдруг. Рядом стоял небольшого роста мальчик в рваной, давно изношенной холщовой рубашке и таких же до колена штанишках.

- Здравствуй, малыш! Тебя как звать?

- Здравствуйте, меня зовут Петя, а по фамилии Подберезкин, - ответил мальчик, настороженно и как-то необычайно пугливо глядя на меня.

- Пожалуйста, Петя, покажи мне твою правую руку, нет ли у тебя на ней шрама? - попросил я как можно ласковее.

Петя вначале никак не хотел показать мне руку, но затем я все же убедился по давно зарубцевавшемуся шраму, что передо мной соседский мальчик, которого я нянчил в детстве и который по моему недогляду упал на чугунный горшок, об его острые стенки сильно поранив руку.

- Ты что же такой маленький, ведь тебе уже, должно быть, пятнадцатый год? - сказал я, подавляя тяжелый вздох.

- Да, пятнадцатый. А вы откуда знаете?

- Так я же нянькой у тебя был. Зовут меня Григорием Дольниковым.

И тут мальчик признался:

- Я думал, что вы фашист - вон и погоны золотые!

При освобождении наши войска прошли мимо Сахаровки, и, естественно, многие жители так и не увидели наших солдат и офицеров в новой форме - с погонами. Поэтому и Петя так настороженно-пугливо отнесся ко мне. От него я узнал все подробности о жизни деревни. Наша Сахаровка пострадала от немцев меньше других деревень, хотя выглядела очень унылой, неухоженной, какой-то голой. Не слышно было ни лая собак, ни домашних птиц - их попросту не было. Лишь корова, которую пас Петя, чудом осталась на всю деревню.

И вот встреча с матерью. Как ни готовился я к ней, но, увидев

маму, внутренне содрогнулся. Мало что осталось прежнего: неимоверно худая, не по годам состарившаяся, с потерявшими блеск глазами...

- Здравствуй, мама. Не узнаешь? - волнуясь, проговорил я.

- Сынок, Гришенька, ты ли? Не признала сослепу - глаза выплакала... - Она еще что-то приговаривала, вздрагивала, прижавшись ко мне своим исхудалым телом, и холодными губами целовала в лоб, глаза, щеки...

Через некоторое время слух о моем приезде разошелся по всей деревне. К нашему дому потянулись женщины, детишки. Многих я не узнавал, многие, глядя на меня, крестились и плакали.

Единственный мужчина в деревне, которого я особенно ждал, пришел уже ближе к вечеру. Это был мой дядя Яким. Когда-то необыкновенно сильный физически, он стоял передо мной сутулый, как-то даже ниже ростом и уже не казался великаном. Занимая должность председателя колхоза, днем и ночью дядя Яким работал в поле, поднимал с подростками и женщинами разрушенное хозяйство. Подойдя ближе, он обнял меня и вдруг как-то сник, и я почувствовал, что, уткнувшись мне в плечо, он рыдает, не в силах произнести что-либо членораздельное. Война надломила этого волевого и мужественного человека.

- Что же ты, дядя, плачешь - радоваться надо! - попытался я разрядить обстановку.

- Всю радость немцы вышибли. Не помним, Гриша, как смеяться можно, проговорил он наконец.

Но жизнь в Сахаровке все же возрождалась, твердо и уверенно набирала силу. Уже на другой день рано утром я услышал девичьи песни где-то недалеко в поле. Впрягшись в плуг, девчата вспахивали землю. Таких необычных упряжек было несколько. И что удивительно: работая от зари до зари, не каждый день даже досыта поев, женщины пели...

Несколько дней короткого отпуска со всеми вместе трудился и я, с каждым днем все больше и больше убеждаясь, какой огромный материальный и моральный ущерб был нанесен народу опустошительной войной. Я видел детей, не по-детски взрослых, лишенных незамысловатых радостей отрочества и юности, молодых девушек, так и не увидавших молодости, не по возрасту состарившихся. Но люди самоотверженно и страстно брались за дело, залечивая тяжелые раны войны, врачуя ее мучительные ожоги.

...В день моего отъезда мать проснулась еще задолго до рассвета, а может, и вовсе не спала в ту ночь. Только уже не во сне, как казалось сначала, а наяву слышу, как, сидящая у моего

изголовья, она глухо всхлипывает и причитает:

- Соколик мой прилетел, ненаглядный, и опять за порог в далекие края, и опять я одна остаюсь. Младшенький Володька опять же в разлуке, на чужбине. Ох, горюшко мое, за что же меня так карает всевышний!..

Я уже не спал. От горьких материнских слез комок подкатился к горлу трудно утешить перенесшую столько горя мать.

- Родная, что так маешься? Теперь все будет хорошо, скоро и Володя вернется. А там, может, и я поближе буду, станешь в гости приезжать.

- Сынок мой родненький, знать, не дождусь я того дня, чтобы вы собрались в родную хату. Повырастали, разлетелись, слава богу, хоть выжили...

Расставание наше было нелегким, безрадостным...

* * *

Через несколько дней; и, конечно, снова с большими приключениями, я доехал до города, где предстояло учиться на курсах. Следов войны здесь не было, но уровень жизни населения оказался не намного выше, чем в районах, пострадавших от фашистской оккупации. И здесь все отдавалось фронту во имя победы, а теперь люди делились последним, как братья и сестры, помогая восстанавливать разрушенное.

Сдав документы, я направился в общежитие. Навстречу попалась группа офицеров, по разговору за версту было слышно - пилоты. Ребята выразительно жестикулировали руками, и, хотя до них было еще несколько метров, в глаза мне сразу бросилась хорошо знакомая фигура, чем ближе, тем яснее и отчетливее. Капитан с множеством орденов на груди - бывший командир отделения Вася Гущин, старшина четвертого звена нашей доброй памяти третьей эскадрильи Батайской летной школы.

Мы с Василием были не только старшинами звеньев, но и хорошими друзьями. И вот уже более трех лет, как расстались после окончания школы.

- Братцы, привидение! Сам Гришка-белорус воскрес! - прогудел баском капитан и кинулся мне навстречу. - Откуда, куда, вообще, ты ли это? Слух был еще в сорок третьем - тебя вычеркнули из живых. А ты вот он, и даже с ногами, с головой и уже старший лейтенант...

Мы остались вдвоем и, перебивая друг друга, залпом начали выкладывать, хоть и вкратце, каждый о себе, о своей фронтовой жизни.

- А я вот на курсах комэсков уже четвертый месяц. А сегодня еду в краткосрочный отпуск - на свадьбу в родной Брянск.

Я не успел даже расспросить, на какую свадьбу, на какое время отпущен Василий, как он ошеломил меня своим быстро созревшим решением:

- Григорий, у тебя до начала занятий еще почти двое суток. Как хорошо! Махнем со мной в наш Брянск, отгуляем свадьбу, посмотришь моих.

- Но я ведь только документы и пистолет сдал в штаб и никому даже не представился. Надо бы предупредить, - попытался возразить я.

- Большое дело! - воскликнул Василий. - Тут таких, как ты, десятки! Тебя и неделю не хватятся. Поехали, поехали - времени уже в обрез, поезд скоро отходит.

Не мешкая, не рассуждая и не думая о последствиях, я уехал с Васей Гущиным в Брянск на свадьбу, Дорога по нынешним временам не дальняя, но тогда-то мы знали, что меньше чем за сутки до Брянска не добраться, поэтому, когда втиснулись в плацкартный вагон, сразу же позаботились занять хотя бы верхние полки - немного отдохнуть. Благодаря находчивости Василия сделать это вскоре удалось. И все же без ЧП не обошлось. Забираясь наверх, я за что-то зацепился и неуклюже упал. В суете, вагонной неразберихе пассажиры все же заметили, что человек ударился, возможно, получил травму, и заволновались.

- Помогли бы фронтовику залезть на полку-то, кто покрепче!

- Я вот это сразу заприметила, какой слабый он, энтот летун - кабы б ни с гошпиталя только... - сердобольно запричитала пожилая женщина.

- А я вот слышал, и, говорят, в газетах даже писали, что летчики и без ног воевали - на деревяшках! - громко перебил всех крепкий веселый матрос и обратился ко мне: - Братишка, может, и ты на деревянной ноге?..

Такое неожиданное внимание пассажиров смутило меня.

- Руки и ноги мои, настоящие, голова - деревянная, - шуткой попытался я оправдать свою оплошность, - соображает медленно...

И тут Василий Гущин, устроившись на соседней полке, будто впервые увидел меня и серьезно заметил:

- Гриша, а вид-то у тебя, действительно, не богатырский. Потому и старухи сочувствуют. Что так отощал?

- Да ты не смотри, что худ - я жилистый, - ответил Василию. - А люди так хорошо говорят о нашем брате, потому что любят летчиков!

- Ну ладно, ладно, летчик, - остановил Василий, - расскажи лучше о себе: где воевал, где войну закончил?

И полилась неторопливая дорожная беседа, и припомнились

вехи славного боевого пути моего 100-го истребительного авиаполка.

...На Кубани мы стали гвардейцами. 18 июля 1943 года в разгаре боев нам вручили гвардейское Знамя.

В Польше 19 февраля 1945 года авиационный полк получил собственное почетное наименование - Ченстоховский. А затем награды полка - орден Александра Невского, орден Богдана Хмельницкого.

Пятьдесят шесть раз перебазировались мы с аэродрома на аэродром до майского победного дня. Трудные вехи...

- Но мне, Вася, повезло. Войну я закончил у самого Берлина! А потом полк перелетел в Австрию, - как мог, в общих чертах начал я рассказ о том, где мы шли и как шли к победе в этой войне.

- Гриша, ну а как тебе Австрия? Расскажи-ка что-нибудь интересное. Был в Вене? - не унимался мой старый батайский приятель. - Как там голубой Дунай?..

- Дунай, Вася, как Дунай. Течет - куда ему деться? А вот по Вене и в Венском Лесу я бродил, как по своей родной деревне Сахаровке.

- Уж так и по деревне! - усмехнулся Василий.

А мне и в самом деле как-то по-особому запомнился этот город. Удивительны его архитектурные ансамбли, обилие памятников, фонтанов, парков. Запомнились собор Святого Стефана - величественное готическое сооружение средневековья, фонтан Рафаэля Доннера - одно из многочисленных украшений Вены, монументальные здания Венской оперы, Музей изящных искусств, жемчужина венского барокко парковый дворец Бельведер.

Успел я побывать и во дворце Шенбрунн, на балконе которого стоял в свое время перед венцами король вальса Иоганн Штраус. Да что там говорить, после долгого огненного пути, жестоких воздушных боев, атак, которые выветривали, кажется, всю твою душу, старинный город у подножия Венского Леса навеял на бойцов в первые мирные дни светлые чувства. И пошли плясать на Дунае русские свадьбы!..

В те дни и мои многие однополчане навсегда связали здесь свои судьбы с девчатами, которые шли вместе с нами трудными дорогами войны. В кругу боевых друзей отметили торжество обручения и мы с Валей. Так что, скорее, не от средневековой готики, не от шедевров венского барокко и стал мне как-то по-особому дорог этот далекий от наших белорусских лесов город.

К слову сказать, когда мы пролетали над Веной, она показалась мне сильно разрушенной. Заснеженные вершины

Австрийских Альп, суровые перевалы, ущелья, которые в свое время преодолевали суворовские чудо-богатыри, сверкали под весенними солнечными лучами, а город лежал в какой-то мрачной серой дымке. Вена и в самом-то деле сильно пострадала. В этом мы вскоре убедились...

Гитлеровцы, придавая удержанию Вены особое значение, для непосредственной обороны ее создали группировку войск в составе восьми танковых и одной пехотной дивизий, пятнадцати отдельных пехотных батальонов и отрядов фольксштурма. Город представлял собой крупный узел коммуникаций - здесь сходились десять железнодорожных, двенадцать автомагистралей, ведущих во многие европейские государства. Так что и сама Вена и ближние подступы к ней были сильно укреплены. На улицах города немцы возвели баррикады, все мосты через Дунай и Дунайский канал подготовили к взрыву. А в живописных венских парках, садах и скверах были размещены огневые позиции артиллерии.

Немецко-фашистское командование предъявило жителям Вены требование обороняться, не сдавать советским войскам город, не задумываясь над тем, что он может быть полностью разрушен.

И все мужское население Вены от 16 до 60 лет немцы согнали в отряды фольксштурма, вооружили фаустпатронами, готовя их к уличным боям.

Тогда командующий 3-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин обратился к жителям австрийской столицы со специальным воззванием, в котором говорилось:

"Жители города Вены! Красная Армия, громя немецко-фашистские войска, подошла к Вене...

Час освобождения столицы Австрии - Вены от немецкого господства настал, но отступающие немецкие войска хотят превратить Вену в поле боя, как это они сделали в Будапеште. Это грозит Вене и ее жителям такими же разрушениями и ужасами войны, которые были причинены немцами Будапешту и его населению"{1}.

Командующий 3-м Украинским фронтом призвал австрийцев вложить свою долю в дело освобождения Австрии от немецко-фашистского ига, и это воззвание было принято жителями Вены. Многие из них участвовали с нашими войсками в освобождении родного города. И 13 апреля войска 3-го Украинского фронта при содействии войск 2-го Украинского фронта после упорных уличных боев овладели столицей Австрии.

Немцы успели взорвать в городе многие здания, подожгли

собор Святого Стефана, парламент, Бургтеатр. Но под весенним солнцем быстро восстанавливалась мирная жизнь Вены, зазеленели ее парки, бульвары. Все чаще и в репертуар наших гармонистов между песнями про "Темную ночь", "Землянку" да "Огонек" врывался вальс Штрауса "На прекрасном голубом Дунае".

...Не помню, удалось ли нам тогда с Василием Гущиным поспать по дороге на свадьбу, но наговориться с ним мы вполне успели. В полуразрушенный Брянск наш поезд прибыл вовремя. Двое суток пролетели быстро. А вот на обратном пути произошла задержка - не попали на нужный поезд, так что опоздал я к началу занятий на сутки. Меня же все это время разыскивали по городу, и в милицию заявили, и телеграмму в полк послали - следов старшего лейтенанта Дольникова обнаружить не удавалось! Да, ЧП не из приятных... И что говорить, появление мое было для руководства курсов как явление Христа народу. А дальше, не вникая в суть дела, да и ясность была полная, мне объявили пять суток ареста. Так что учеба моя на курсах началась с гауптвахты.

Но, к моему удивлению, уже на вторые сутки я получил освобождение: приехал Василий Гущин и похлопотал перед самим начальником школы полковником Матвеевым, приняв вину на себя. Мы торжествовали, считая, что справедливость восстановлена. Мог ли я тогда, в свои 22 года, правильно оценить всю тяжесть совершенного проступка! Да и не только я. Наказанием боевого пилота возмущались многие мои товарищи по учебе, ошибочно полагая, что война дала нам, как победителям, какое-то право на некоторую вольность. Все мы были тогда еще очень молоды...

Однако урок начальника школы Матвеева я запомнил надолго. Поначалу, признаюсь, беседу полковника принял как пустую формальность. Сейчас же понимаю, что, опытный командир-наставник, педагог, он умел разбираться в людях и во мне увидел вовсе не закоренелого нарушителя воинской дисциплины.

К слову сказать, психологи утверждают, что каждый человек имеет некий "внутренний манометр", с помощью которого довольно точно оценивает себя. Но признаться, высказать результаты самооценки, строго спросить с себя - такое может не каждый. Для этого надо обладать мужеством.

В одной древней легенде утверждается, что римский император Цезарь специально держал при себе человека, который, как только правитель просыпался, вещал: "Цезарь, ты не великий!" Говорят, император учредил этот ритуал, чтобы сеять у себя семена критического отношения к самому себе.

Не в легенде, а в реальной действительности наших дней критически требовательное отношение к себе, к окружающим, не мелочное самокопание, а строгий самоанализ необходимы каждому. И вовсе не для того, чтобы угодить себе, а для того, чтобы мобилизовать свою волю, свои силы и полнее отдаться любимому делу, а в особых обстоятельствах и решиться на подвиг.

К сожалению, в буднях армейской жизни, в воспитательной работе нет-нет да и встретится этакий ретивый служака, по всякому случаю готовый рубить с плеча. У таких начальников и дела по службе, как правило, хуже, и дисциплина воинского коллектива, поддерживаемая взысканиями да окриками, ненадежная. Мне за долгие годы армейской жизни везло на хороших людей, по-разумному строгих, требовательных командиров. Многие имена их со временем стираются в памяти, а школа, закалка их - навсегда...

Но вот два месяца напряженной учебы позади - пора разъезжаться. Многим казалось, что высокоподготовленные преподаватели дали нам всеобъемлющие знания, которых теперь хватит на всю жизнь. Прибыв к месту прежней службы, я действительно на первых порах поражал своих друзей и новой терминологией, и определенными, только что усвоенными теоретическими выкладками, но вскоре выдохся - сказывался недостаток общеобразовательной подготовки, глубоких знаний теории военного дела. Все больше и больше я сознавал, что надо учиться основательно, фундаментально. Но прежде чем попасть на учебу в академию, о чем уже постоянно думал, пришлось пройти суровую школу службы в отдаленных районах...

...Помню вечер в конце 1945-го. Мы с женой хлопотали, укладывая спать крохотную, двухмесячную дочурку Танюшу, которая по непонятной нам причине кричала до посинения. Непомерная родительская любовь, и неловкость, и жалость, и беспомощность не давали ощутимых результатов. Мы ссорились, упрекая друг друга в неопытности. И тогда я включил радио. Пел Лемешев свою любимую: "Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей..."

- И так голова трещит - выключи ты это... - с досадой сказала жена.

- Так это же Лемешев, Валюта! - удивился я.

- Тут сам Шаляпин не поможет, - все более раздражаясь, проговорила Валентина, применив весь скудный запас методики обращения с малышами.

Она уже совсем было потеряла надежду успокоить ребенка. Но в это время в дверь постучали, и в комнату вошел посыльный,

внося с собой столб холодного воздуха. Стояла необыкновенно снежная для Европы зима.

- Вам приказание! - произнес посыльный, как показалось, с сожалением.

Плач дочки разом прекратился. А в том памятном приказании мне предписывалось утром следующего же дня убыть вместе с семьей в распоряжение Управления кадров в Москву.

Судьба военного человека часто преподносит подобные неожиданности. Но чтобы вот так - за сутки распрощаться с полком, с которым прошел грозные годы военного лихолетья!.. Я прямо-таки остолбенел, не находя объяснений.

- Гриша, а ты сбегай к Тулину (это был наш новый начальник штаба), может, ошибка? Как же так - уже завтра уезжать? Вот ведь и Танечка, видимо, приболела... - робко предположила Валентина.

Но я был уверен, что ошибки никакой нет - приказ есть приказ, и никуда не пошел.

К этому времени личный состав полка обновился более чем наполовину: проводили в запас старшего возраста механиков, оружейников, младших специалистов, в том числе и наших славных девушек. Уволились по болезни многие опытные летчики и техники.

Я покидал свой родной 100-й гвардейский истребительный Ченстоховский орденов Александра Невского и Богдана Хмельницкого авиаполк, поспешно прощаясь с боевыми друзьями, - меня торопили. Забежав в штаб, поцеловал полковое Знамя. В эту недолгую минуту прощания с родным Знаменем передо мной словно прошли все те, с кем довелось разделить радость Победы.

8223 боевых вылета совершили за годы войны летчики нашего 100-го истребительного, провели 975 воздушных боев. В этих боях мы сбили 502 фашистских самолета! Не случайно десять гвардейцев полка стали Героями Советского Союза.

Я назову их имена:

Бабак Иван Ильич. Он сбил 37 самолетов.

Глинка Борис Борисович. Сбил 31 самолет.

Лавицкий Николай Ефимович. Сбил 22 самолета.

Гучек Петр Иосифович. Сбил 21 самолет.

Бондаренко Василий Ефимович. Сбил 20 самолетов.

Шаренко Василий Денисович. Сбил 16 самолетов.

Дольников Григорий Устинович. Сбил 15 самолетов.

Коваль Дмитрий Иванович. Сбил 13 самолетов.

Берестнев Павел Максимович. Сбил 12 самолетов.

Кудря Николай Данилович. Сбил 11 самолетов.

50 гитлеровских самолетов сбил один летчик нашего полка -

Дмитрий Борисович Глинка. Он был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза дважды.

В тяжелую минуту прощания со Знаменем полка я видел перед собой всех тех, кому не суждено было дойти до славной Победы, но кому дороже самой жизни была свобода Родины...

Как отчий дом, как родную семью оставлял я свой боевой полк. На душе была печаль, тревожное ожидание неизвестного. Казалось, в жизни что-то оборвалось. Шел сильный крупный снег...

В Москве я получил назначение на Дальний Восток. Мне снова предстояло командовать эскадрильей...

Примечания

{1}Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны; Документы и материалы. М., 1947, т. 3, с. 172-173.